

Ю. А. Лабынцев

Книжное наследие Н. П. Румянцева

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

АКАДЕМИЗДАТЦЕНТР
«НАУКА»

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ
КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ
И КОМПЛЕКСНОМУ
ИЗУЧЕНИЮ КНИГИ

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ
КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю. А. Лабынцев

Книжное наследие Н. П. Румянцева

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 002 “654”
ББК 76.10
Л12

В оформлении обложки использованы фрагмент картины Ж. Делабарта с видом Дома Пашкова и изображение памятника Н.П. Румянцеву (авторы Н.А. Рыженков и В.Н. Загрельный), установленного в 1996 г. в г. Гомеле.

Рецензент

доктор филологических наук, профессор *А.В. Липатов*

Лабынцев Ю.А.

Книжное наследие Н.П. Румянцева / Ю.А. Лабынцев. – М.: Наука, 2004. – 208 с.: ил. – ISBN 5-02-033233-X

В историю нашего Отечества имя графа Н.П. Румянцева (1754–1826) вписано навечно. По словам его выдающихся современников, он «более сделал для успехов наук и просвещения в России, нежели все ему предшествовавшие на том же поприще». Велики его заслуги как дипломата, политического деятеля и хозяйственно-экономического преобразователя. Ныне же государственный канцлер Н.П. Румянцев особенно памятен как собиратель материалов по истории России и организатор археографических исследований, обладатель огромных книжных богатств, составивших основу второго по величине книгохранилища мира – Российской государственной библиотеки в Москве. Настоящее издание, выходящее в свет в год 250-летнего юбилея со дня рождения Н.П. Румянцева, рассказывает о его книгособирательской деятельности, книжном наследии канцлера; в книге множество иллюстраций и обширный документальный материал.

Книга предназначена историкам, филологам, книговедам и всем интересующимся историей отечественной науки и культуры.

ISBN 5-02-033233-X

- © Лабынцев Ю.А., 2004
- © Шавинская Л.Л., приложения, 2004
- © Российская академия наук, 2004
- © Издательство «Наука», оформление, 2004

**Государственный канцлер
граф Николай Петрович Румянцев**

Незабвенный сей Любитель наук... в последние двенадцать лет жизни своей более сделал для успехов наук и просвещения в России, нежели все ему предшествовавшие на том же поприще.

Барон Г.А. Розенкамф о Н.П. Румянцеве

Меценат науки

История книжных коллекций крупнейших библиотек мира – слепок с истории культуры не только того или иного народа, но и всего человечества.

Множество книжных собраний – больших и малых родников, – сливаясь, образовывало единое целое, значительное и разнообразное книгохранилище, где сберегались сотни и тысячи самых различных книг – от древнейших до современных. Эволюция жизни любых книжных коллекций почти неминуемо предполагала включение их в более крупные или же слияние с другими, пусть даже частичное. Судьба отдельной библиотеки заканчивалась на этом далеко не всегда, а если и заканчивалась, то, следуя закону приращения, ее слагаемые обогащали другие собрания. Закон этот действовал неизменно – из малого складывалось большое, а из большого – великое.

История всех без исключения крупнейших библиотек мира подтверждает эту мысль. Едва ли не подавляющая их часть по рождению и развитию связана с частными книжными коллекциями, без которых библиотеки просто не состоялись бы – не возникли, не выжили. В фондах таких библиотек десятки и сотни личных книжных собраний, на протяжении десятилетий и столетий стекавшихся сюда.

Как писал известный российский историк А.С. Мыльников, библиотеки – это «еще и памятники культуры, причем памятники особого свойства, обладающие способностью саморазвития и поэтому чрезвычайной жизнестойкостью». По словам О.Г. Ласунского, «домашняя библиотека – отражение личности владельца, а совокупность таких библиотек – частичное отражение эпохи». С подобными мнениями невозможно не согласиться.

Роль книгособирательства в развитии культуры огромна, а история ни с чем не сравнима, увлекательна и неожиданна. И все же, признавая за личными книжными собраниями значение памятников культуры, мы довольно редко сохраняем их. Причин тому множество, но главная сокрыта в самой книге, ее свойствах.

В государственной библиотеке, как правило, нет места для особого мемориального хранения личного собрания, даже чрезвычайно ценного, исключение составляют лишь небольшие коллекции рукописей. Печатные книги чаще попадают в дублиеты и в специальные обменные фонды, откуда поступают в другие книгохранилища. Частное собрание, плод труда всей жизни его владельца, расплывается, безвозвратно утрачивается, исчезает навсегда. Лишь экслибрисы или иные знаки напоминают о владельце книги, о знаменитом некогда или безвестном собрании. Впрочем, экслибрисы никогда не читаются как эпитафии личных библиотек. Это скорее визитные карточки, небольшие напоминания о состоявшихся или несостоявшихся библиофильских судьбах. Чаще всего подобные карточки попадают к нам в руки во время работы в крупнейших книгохранилищах. Почти во всех странах большинство гигантских книгохранилищ начиналось с библиофильских коллекций. О них там хорошо помнят. Но ни в одном из таких книгохранилищ нет музея-мемориала частной книжной коллекции, которая когда-то легла в основание огромного ныне собрания.

Кажется, человечество воздало по заслугам всем, кто связан с книгой – типографам, иллюстраторам, издателям. Во многих странах есть персональные музеи, им посвященные. Забыты или почти забыты лишь собиратели книг. Правда, существуют отдельные крупные мемориальные библиотеки – в Италии это знаменитая Лауренциана – библиотека Лауренцо Медичи во Флоренции, в США – библиотека Пирпонта Моргана в Нью-Йорке. Долгие годы в чем-то подобным мемориалом была и библиотека Московского Публичного и Румянцевского музеев, основой которой стали книги, собранные канцлером Н.П. Румянцевым.

Ему, одному из самых выдающихся ученых-собирателей Европы, завещавшему свои богатейшие коллекции соотечественникам «на благое просвещение», посвящена эта книга.

Память о Румянцеве жива и поныне. Во всем мире широко известны его археографические труды. В старом здании Российской государственной библиотеки – столь хорошо известном

Пашковом доме – есть зал, носящий его имя, знаменитый Румянцевский зал. В стенах Библиотеки, помимо книг, сохранилось немало предметов из Румянцевского музея, а также портреты, личные вещи и архив собирателя.

Существуют, кажется, все условия для создания постоянной мемориальной экспозиции, посвященной Румянцеву-библиофилу, его «ученой дружине» и необычайному взлету археографической науки в начале XIX столетия, когда собирание древних печатных книг и рукописей, их издание стало делом огромной значимости.

Это был бы единственный среди национальных книгохранилищ мира музейно-библиотечный комплекс, главной частью которого стала бы воссозданная в прежних интерьерах Румянцевского зала богатейшая книжная коллекция великого собирателя.

Это был бы самый яркий рассказ о «Румянцевской эпохе» в истории науки и культуры.

Это был бы самый лучший памятник Н.П. Румянцеву и его деяниям на благо Отечества.

Дом на Ваганьковском холме

В последние годы этот белокаменный дворец в центре Москвы привлекает особое внимание миллионов людей.

Пашков дом. Немногим более двух веков стоит он на вершине древнего Ваганьковского холма.

Когда-то здесь располагались великокняжеские и боярские дворы. Потом вырос терем любимца Петра I – А.Д. Меншикова. Прежние жители Ваганькова, переселенные отсюда еще во времена Ивана Грозного, сберегли память о нем в названии новой московской околицы – Ваганькова, что на Пресне.

История холма полна загадок. Находки археологов, недавно работавших здесь, не внесли пока ясности. Наоборот, появились новые недоуменные вопросы. Куда, например, вел подземный ход, остатки которого обнаружены при раскопках? Быть может, это тайный путь из меншиковых палат, сооруженный на месте более раннего задолго до постройки Пашкова дома? А сам Пашков дом? Ведь неизвестно даже, по чьему проекту он построен. А владелец дома, давший ему имя? Что мы знаем о нем, отставном офицере и винном откупщике, нажившем огромное состояние?..

Многие считают, что дворец на холме принадлежал канцлеру Н.П. Румянцеву (здесь хранились его богатейшие коллекции). Однако это не так. С именем Румянцева судьба Пашкова дома станет связана лишь через треть века после кончины канцлера – его собрания перевезут сюда из Петербурга.

Румянцевский музей начинался на берегах Невы, в доме на Английской набережной...

Собирать редкие печатные книги и рукописи канцлер начал в возрасте весьма почтенном – ему перевалило за шестьдесят.

Неплохая библиотека была у него и ранее: несколько сот книг по истории, географии, экономике, праву, военному и морскому делу, религиозная и художественная литература. Но до библиофильского собрания было еще далеко – рядовая библиотека образованного вельможи своего времени и только. Истинным книголюбом, и притом необычайно страстным, «второй человек» в государстве становится после ухода в отставку.

Жизнь графа Николая Петровича Румянцева, родившегося в 1754 г. в царствование Елизаветы Петровны, складывалась вполне благополучно. Отец – прославленный полководец, фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский, дед – особа некогда весьма близкая к Петру I. Не удивительно, что юноша оказался при дворе Екатерины II и вскоре вместе с братом был отправлен учиться за границу.

В течение пяти лет пребывания там он прилежно занимается и путешествует по Германии, Франции, Италии. Вернувшись в Россию, получает назначение на службу послом при германском сейме и в течение полутора десятилетий несет дипломатическую службу в Европе.

Император Павел производит его в гофмейстеры. В царствование Александра I Румянцева становится министром коммерции, а затем министром иностранных дел, председателем Государственного Совета.

В 1814 г. уходит в отставку с пожизненным званием государственного канцлера и через двенадцать лет умирает.

Личность графа вызывала у современников и потомков самые противоречивые толки. Никто не сомневался в значительности этого человека, но его поступки и симпатии оценивались очевидцами совсем не однозначно. В убеждениях же Румянцева до конца разобраться не удалось никому.

В бытность министром коммерции он всячески борется с экономической отсталостью России, выступает как активный реформатор. Добивается изменения торгового законодательства, улучшает водные пути государства, строит судоходные каналы, снаряжает экспедиции, в том числе и кругосветную. Способствует освоению восточных и северных районов страны, выдвигает первые идеи укрепления экономических связей с Американским и Азиатским континентами. Весьма велики заслуги Румянцева в развитии сельского хозяйства и промышленности.

Его считают «либералом», что еще более подтверждается в период работы комиссии М.М. Сперанского, с которой по роду службы председатель Государственного Совета находился в самом тесном контакте.

**Граф Александр Иванович Румянцев –
дед Н.П. Румянцева**

Обвинения в измене накануне войны 1812 г., неожиданная нервная болезнь, случившаяся у канцлера после объявления о переходе войсками Наполеона границ России, сделали дальнейшую службу невозможной.

Полностью разочаровала Румянцева и реформаторская деятельность, не давшая ощутимых результатов.

Он всецело отдается наукам, глубокому изучению истории России, мечтает послужить Отечеству на новом поприще – мецената и просветителя. Вскоре проявилось ставшее для него главным увлечение – собирание, исследование и публикация источников по отечественной истории, ее связи с другими странами и народами. Оно было отнюдь не случайным, имело свои истоки. Учеба за границей возбудила у молодого Румянцева интерес к прошлому Родины. Находясь на службе за рубежами России, он собирает о ней всевозможные сведения и даже начинает писать исторические заметки.

В 1790 г. 36-летний Румянцев подает Екатерине II проект издания русских дипломатических трактатов и договоров, к неосуществленной идее которого возвращается через двадцать лет, незадолго до своей отставки.

По представлению государственного канцлера «волею» Александра I при Московском архиве Коллегии иностранных дел была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров. Комиссию возглавил опытный историк, директор архива Н.Н. Бантыш-Каменский.

Канцлеру хотелось сделать многотомную публикацию фундаментальным изданием, с возможной полнотой и тщательностью освещающей историю значительнейшего государства мира.

Военное лихолетье, пожар Москвы, опала и отставка Румянцева замедлили продвижение этого дела. Самым серьезным образом помешала ему и смерть в 1814 г. Бантыш-Каменского. Канцлер начинает искать новых достойных сотрудников, способных осуществить им задуманное.

Несмотря на тяжелый недуг – глухоту вследствие перенесенной в 1812 г. болезни, канцлер привлекает к работе все новых и новых талантливых исследователей и огромное число собирателей. Румянцев не жалеет средств. По подсчетам ученых на все научные предприятия он потратил более миллиона рублей – сумма колоссальнейшая. Примерно пятая ее часть была вложена в издательскую деятельность, включая и труды Комиссии, которые печатались, как и предполагалось, за его счет. Вокруг мецената группируются энтузиасты, желавшие

изучать старинные документальные памятники, рукописи и первопечатные книги.

Формируется своеобразное неформальное объединение – Румянцевский кружок, «ученая дружина», сплотившая десятки патриотически настроенных людей из самых разных уголков России. Среди них чиновники, профессора, духовные особы, члены Академии наук: русские, украинцы, белорусы, литовцы, поляки, сербы, французы, немцы, финны. «Ученая дружина» оставила заметный след в истории отечественной культуры и, по единодушному мнению, стала предтечей будущей Археологической комиссии.

Постепенно сложились три основных центра деятельности кружка: главнейший – московский, при Комиссии печатания государственных грамот и договоров; петербургский, в доме самого Румянцева; белорусский, в Гомеле (владельцем которого был Н.П. Румянцев), Полоцке и Вильно – бывшей столице недавно упраздненного Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, большинство населения которого составляли восточные славяне, а в последние два с лишним столетия преимущественно белорусы.

Одновременно с археологической деятельностью, включавшей сбор различных документальных материалов по истории России, их копирование и издание, Румянцев начал огромную по масштабам работу по отысканию древних рукописей и редких книг, в чем ему деятельно помогали почти все члены кружка. Любопытно, что библиотекарями в доме Румянцева отныне служат видные ученые – А.Ю. Гиппинг, А.М. Шегрен, А.Х. Востоков и другие. Канцлеру удается привлечь к сотрудничеству многих молодых исследователей, таких, как К.Ф. Калайдович и П.М. Строев, а также тех, кто уже имел имя в научном мире.

Круг комиссионеров Румянцева, то есть тех, кто поставлял ему книжные и иные редкости, был много шире. В него входили также купцы и крестьяне, в большинстве старообрядцы. В ту пору в их среде обращалось огромное количество разнообразных древностей, стоивших в провинции, особенно глухой, сравнительно дешево.

Старинные книжные памятники в немалом числе доживали свой век и в стенах монастырей, на чердаках ветхих церквей. К.Ф. Калайдович писал в это время: «В России много отечественных древностей. Первое и важнейшее место занимают книги; в одном краю они гниют в углах монастырских, в другом невежество жжет их, употребляет на обертки, кое-где попадают

они в руки мелочных торгашей и продаются иногда за бесценок и очень, очень редко появляется знающий охотник, который с возможным тщанием хранит их и делает из них лучшее употребление...» Вскоре 19-летний Калайдович узнает, что был не совсем прав – «знающих охотников» в России окажутся тысячи. Это – старообрядцы, на столетие опередившие ученых-медиевистов, с которыми отныне они будут тесно связаны.

Все больше появлялось в стране и «просвещенных» собирателей, вроде А.И. Мусина-Пушкина и Ф.А. Толстого, во многом при комплектовании своих библиотек также обязанных старообрядцам. Вчитайтесь в написанное тогда современником Калайдовича, профессором Московского университета И.М. Снегиревым. Он постоянно ссылается на авторитет старообрядцев, называя их «знатоками». Эти «знатоки» помогали ему писать работы о русских древностях. Нетрудно заметить, что почти во всех случаях старообрядцы выступают не только своеобразными научными консультантами ученого, но и рецензентами, редакторами, мнение которых было для московского профессора наиболее значимым.

Едва ли не самый крупный исследователь славянской старопечатной книжности первой половины прошлого столетия И.П. Сахаров также постоянно пользуется помощью старообрядцев. Можно заключить, что он почти боготворил этих «знатоков» и «собирателей», нещадно преследовавшихся царским правительством и местной администрацией всех уровней. Последнее обстоятельство не давало ученым возможности назвать все своими именами, и потому немногие упоминают о старообрядцах, хотя бы иносказательно, или называют их просто «собирателями», «любителями», «знатоками».

Пожалуй, самыми смелыми оказались Снегирев и Сахаров, отмечавшие выдающиеся заслуги этой многомиллионной массы русского народа в сохранении, приумножении и изучении древностей отечественной культуры. Не случайно и посвящение одной из книг Сахарова этим «собирателям», реалистические образы которых чуть позднее войдут и в русскую художественную литературу. Намеки на старообрядческих «знатоков» и «собирателей» сменяются развернутыми восторженными описаниями их характеров, внутренней силы, сметливости, истинного знания ценности человеческой жизни, сокровенных потребностей души, твердости, веры в правильность избранного пути.

Классическая литература неожиданно открывает для читателя невидимый дотоле мир огромной части русского народа,

**Генерал-фельдмаршал
граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский –
отец Н.П. Румянцева**

продолжавшего традиции древней культуры, отстаивавшего самобытный путь ее развития.

То была Россия гонимая, потаенная, совершенно неведомая интеллигентам. Как бы другой полюс культуры, а может и исконный, древний ее стержень, вокруг которого она всегда и развивалась.

То была Россия старообрядческая, для которой книгособирательство было не только увлечением, но и долгом, непременным условием бытия.

Тысячи и тысячи старообрядцев-книголюбов спасли для отечественной культуры столько, сколько не смогли сберечь именитые библиофилы из привилегированных слоев.

Гонимые государственными властями, эти книголюбы реализовывали на родной земле и за ее рубежами колоссальнейшую «программу» по сбережению древнерусских культурных ценностей, которую без преувеличения можно назвать «Великим спасением».

Судите сами.

Начатое при патриархе Никоне исправление древних отечественных книг, их последующее изъятие и уничтожение, замена новыми, «исправленными», были восприняты значительной и наиболее бескомпромиссной частью русского общества как беспрецедентное покушение на исконные устои национальной культуры.

«Ревнителю древлего благочестия» из числа интеллектуалов, такие, например, как великий русский писатель Аввакум, ударили в набат, призывая народ постоять за «старую веру» – веру их отцов.

Ни увещевания, ни гонения, ни нечеловеческие лишения, ни физическая расправа, вплоть до самых диких форм смертной казни, не сломили проповедовавших и обличавших, обвинявших в «разврате» и предательстве самого царя, призывавших к всяческому сопротивлению «изменникам», включая и вооруженное.

«За великие на царский дом хулы» казнили их – морили голодом, сжигали, но так и не сумели сломить. Брошенные в каменные мешки, земляные ямы, но не покоренные, прекрасно осознававшие, что их земной путь вскоре оборвется, они доверяли свои сокровенные мысли и чувства бумаге – много писали, рассчитывая, что все это станет достоянием их единомышленников.

В сотнях и тысячах списков писания их за короткое время обошли Россию. В стране возникло невиданное до той поры

народно-демократическое движение, сущность которого с достаточной полнотой не определена и по сей день.

Для нас чрезвычайно важно, что во всех этих событиях книге отводилась ведущая роль.

События, внешне выразившиеся в неприятии новшеств, введенных патриархом Никоном в русскую церковную обрядность, и изменении (исправлении) текстов литургических книг, получили название «раскол». Постепенно все русское общество стало делиться на старообрядцев, ревнителей «старой веры», и новообрядцев.

В деле исправления и замены «древлеотеческих» книг новыми, «исправленными», будущие идейные вожди старообрядчества заняли непримиримую позицию. Они, в частности, упрекали противников в том, что новые греческие и греко-латинские книги, напечатанные в крупнейших центрах католицизма – Риме, Париже и Венеции, совсем не подходят для правки древних отечественных книг, так как изданы «латынщиками», «портившими их».

В разгоревшийся великий спор вносили свою лепту и латиняны, такие, как Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев, обличавшие идеологов сложившегося старообрядчества. Не по пути со старообрядцами было и грекофилам – Епифанию Славинецкому и Евфимию Чудовскому, не говоря о братьях-греках Иоанниикии и Софронии Лихудах.

В трехвековой бескомпромиссной борьбе, начавшейся в середине XVII столетия и ознаменовавшейся даже рядом народных восстаний, основной рубеж всегда проходил через книжность. Книга и библиотека, в основном личная, частная, стали для старообрядцев неким святым атрибутом самого учения, а спасение древних рукописей и «дониконовых» печатных книг – всеобязательной потребностью, на удовлетворение которой денег никогда не жалели.

Учитывая размах и материальные возможности старообрядчества – к началу нашего века в России их было, возможно, около двадцати миллионов человек, – можно представить, какое число первостепенных памятников книжной культуры сберегалось в библиотеках всемирно известных купцов-миллионеров и десятков и сотен тысяч рядовых старообрядцев – гонимых библиофилов.

Значительные книжные собрания у старообрядцев появились уже в XVII в. Книголюбями были великий Аввакум и многие его сподвижники: старец Епифаний, неистовая боярыня Морозова, ее сестра Евдокия Урсова, замечательная писательница.

В начале XVIII столетия в глуши северных лесов, в нескольких десятках верст к северо-востоку от Онежского озера, в знаменитой Выгореции, старообрядцы собрали огромную крестьянскую библиотеку, в которой оказалось множество уникальных рукописей и первопечатных книг, в основном спасенных от неизбежной гибели.

В Выгореции, где насчитывалось более двадцати монастырей и старообрядческих скитов, постепенно образуется подлинная «древлеправославная» академия с собственным книгописным центром, «издавшим» сотни ученых сочинений.

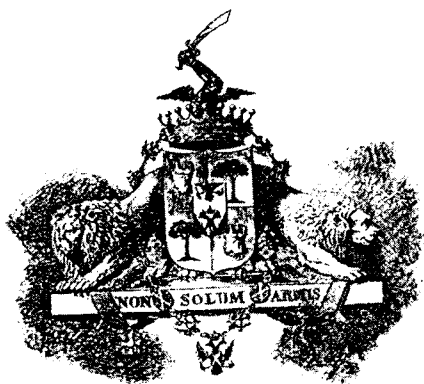
Гигантскую эту работу, сделавшую Выгорецию едва ли не самым крупным средоточием инакомыслия в России XVIII в., нельзя было выполнить без обширной и разнообразной библиотеки.

Книги поступали сюда со всей России, из других стран. Устраивались и специальные экспедиции за ними. Наиболее эрудированные посланцы Выгореции – ученые знатоки древней книжности объезжали старинные города, заглядывали в деревни, монастыри, приобретали для библиотеки самые ценные рукописи и печатные книги.

Знакомство с этой – одной из первых и самых замечательных – староверческой библиотекой показывает, насколько высок был образовательный уровень ее владельцев. В знании же древностей, да и вообще подавляющего большинства отечественных культурных ценностей, со старообрядцами не мог соперничать никто. Достаточно вспомнить разоблаченную ими антистарообрядческую фальшивку – якобы соборное определение «Деяние на еретика Мартина», «сработанное» в Петровское время лучшими государственными и официально-церковными научными силами под XII в.

Вплоть до начала XX столетия государство всеми силами боролось со старообрядчеством, правда безуспешно. У старообрядцев конфисковывали книги, отбирали библиотеки, служившие самым убедительным доказательством «причастности к расколу». Уже в начале XVIII в. число захваченных у старообрядцев книг исчислялось многими тысячами. Еще большим оно стало после организации в России специальных учреждений «по борьбе с расколом», действовавших не иначе как огнем и мечом.

Несмотря на суровые гонения и прямую физическую расправу, старообрядцы создали невиданную книжную индустрию, организовали книгописные мастерские и уже на рубеже XVII и XVIII вв. наладили собственное книгопечатание, ставшее

Родовой герб графов Румянцевых

одним из самых примечательных и почти совершенно неизученных явлений русской культуры последующих столетий. Им удавалось неукоснительно проводить в жизнь мысль «о велией пользе чтения», потому старообрядцы оказались не только самой образованной частью крестьянства России, но и самой сплоченной, которую на свою сторону стремились при-

влечь многие революционные группировки и партии.

Старообрядчество сыграло в русской истории выдающуюся роль, придало ей необычайное своеобразие, передало в руки сегодняшних поколений многие тысячи сохраненных им древнейших памятников, создало собственную богатейшую литературу и книжность, выдвинуло из своей среды замечательнейших мыслителей, идеи которых по-прежнему остаются, увы, малоизвестными.

Старообрядцам удалось создать и удивительно жизнеспособную, отчасти нелегальную, отчасти полуполюгальную, систему книгораспространения.

Именно они, в сущности, начали и букинистическую, антикварную торговлю в России. К середине XVIII столетия в старообрядческой среде уже было немало антикваров, превосходных знатоков своего дела, торговавших древними рукописями и первопечатными книгами. Постепенно формировались целые династии старообрядцев-букинистов, снабжавших нужными книгами не только одноверцев, но и государственные библиотеки, ученые общества.

Излюбленными местами книжной торговли старообрядцев были многочисленные ярмарки, например огромная Нижегородская, куда привозились сотни и тысячи экземпляров тайно напечатанных в России или за рубежом столь необходимых старообрядцам книг, предметы антиквариата – древние иконы, рукописи, печатные книги.

Вплоть до начала нашего века старообрядческие издания рассматривались царским правительством как один из главных каналов антигосударственной пропаганды. Царская

администрация делала все, чтобы изъять и уничтожить эти запрещенные издания. Сколь усердно действовали в этом царские чиновники в XVIII в., видно на примере следствия по делу известного просветителя, писателя и издателя Н.И. Новикова, обвиненного в печатании старообрядческих книг.

Как удалось установить, непосредственной причиной следствия, начатого по специальному указу Екатерины II, явилась одна из книг, изданных старообрядцами вдали от России, в Супрасльской типографии – крупнейшей белорусской типографии феодального периода, где предприимчивые русские купцы-старообрядцы выпустили на заказ многие десятки изданий. Напугавшая императрицу книга была, по ее словам, наполнена «искажениями во многих местах дерзкими... как благочестивой нашей церкви противными, так и государственному правлению поносительными». Не удивительно, что вследствие возникшего подозрения Новиков был взят под стражу, а вскоре началось и знаменитое следствие по его «делу», к которому привлекли и некоторых его сотрудников-старообрядцев.

В XIX – начале XX в. дома многих старообрядцев, особенно богатых, напоминают настоящие музеи, наполненные всевозможными книжными редкостями, древнейшими пергаменными рукописями, краковскими изданиями Швайпольта Фиоля, книгами Франциска Скорины и Ивана Федорова. Древние рукописи и первопечатные книги были и в библиотеках рядовых старообрядцев. Они передавались из поколения в поколение как особая неотчуждаемая ценность, как некий символ хранитель рода, семьи, ее исконного благополучия.

За свою историю старообрядчество, распавшееся постепенно на десятки толков, дало колоссальное, совершенно неподдающееся учету число книголюбов. Среди них можно было встретить библиофилов самого различного уровня, владельцев огромнейших и сравнительно небольших, в несколько десятков томов, книжных коллекций. Самое примечательное, что во многих старообрядческих семьях имелись свои собственные библиотеки, пусть даже совсем маленькие.

Старообрядцы как никто любили книгу. В буквальном смысле книга, и особенно древняя, являлась для них священным предметом – они готовы были жертвовать последним, чтобы сберечь, сохранить его. По сей день в частных старообрядческих собраниях находятся многие раритеты.

Из больших и малых старообрядческих книжных коллекций сотрудниками Пушкинского дома в наши дни собрана огромная крестьянская библиотека Русского Севера. В ней

около десяти тысяч рукописей. Это Древлехранилище, носящее имя замечательного археографа В.И. Малышева, не единственное. Подобные, правда меньшие, собрания книг из крестьянских библиотек существуют теперь во многих городах при научных и учебных учреждениях, библиотеках и музеях.

Сказанное о старообрядцах и их книголюбии не случайно. Огромен, разнообразен и ни с чем не сравним этот непознанный старообрядческий мир. Для многих ученых XIX столетия, в условиях бесконечных споров славянофилов и западников, героическая судьба миллионов этих русских крестьян, купцов и мещан представлялась чем-то совершенно непонятным, почти мистическим. Не сразу и не все из «образованного общества» поняли, сколь сильны идеологические, религиозные, политические и экономические основы этого многомиллионного незримого «государства» в государстве; как прочны духовные связи между его одноверцами, святы труд, трезвость, желание жить простой, естественной жизнью.

Постепенно приходит понимание внутренней красоты этих людей, иногда их даже чрезмерно идеализируют. Уже Сахаров, при всем его резком неприятии всего западного, иностранного, призывал в отношении старообрядцев, их знаний и мудрости: «Поверяйте их слова изучением и наблюдениями и вы увидите истину». Со временем интерес к культуре Древней Руси и ее главным живым хранителям-старообрядцам возникает у многих. Пример тому творчество С.В. Максимова, Н.С. Лескова – в его повести «Запечатленный ангел» тщательно, колоритно выписаны образы книжных «знатоков». Впрочем, им менее всего повезло в научной и художественной литературе. Подобных книжников было так много, познания их в древностях были столь обширны, а способы фиксации и передачи познанного настолько архаичны, что всегда со стороны казалось – это вовсе никакая не наука, в лучшем случае живая традиция, и только.

Иного мнения придерживались некоторые ученые, например В.Г. Дружинин, один из лучших специалистов по старообрядческой литературе, собравший несколько сот древних рукописей, преимущественно староверческих.

Исторически сложилось так, что ученый-гуманитарий, как правило, неотделим от личной библиотеки – своей творческой лаборатории и инструментария. Личное собрание было для него и школой, и университетом, и источником всевозможных сведений, необходимых в работе. Оно становилось буквально всем. За редчайшим исключением русские гуманитарии с древнейших времен вплоть до начала XIX в. не являлись книголюбями.

Старообрядческие ученые-«знатоки» библиофилами были всегда. Приемы их изысканий, исследовательской работы с рукописными и старопечатными источниками очень напоминали методы классической науки, которую, по крайней мере до первой половины XIX в., они без сомнения опережали. Свою родословную эти «знатоки» вполне могли вести от ученых мужей времен Киевской Руси, Максима Грека и протопопа Аввакума. В Петровскую эпоху их становится все больше, появляются и крупные центры старообрядческой науки – Русский Север, Заволжье. Возникает удивительно незаметная, надежная и обширная система старообрядческого книгораспространения, пересекающаяся в той или иной мере, например, с созданной Н.И. Новиковым.

Замечательный издатель, просветитель, литератор Новиков пользовался услугами старообрядцев сознавая, что с их помощью может широко распространять собственные издания. Ведал их продажей крупный книготорговец старообрядец Н.Н. Кольчугин, основатель знаменитой фирмы Кольчугиных, среди постоянных покупателей которой были виднейшие писатели – В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь и многие другие.

Нет ничего удивительного в том, что уже в XVIII столетии старообрядцы-библиофилы собрали значительные книжные коллекции, которые могли соперничать и с монастырскими древлехранилищами. В библиотеках богатых старообрядцев находились сотни рукописей и древних, «дониконовских» печатных книг. Центром старообрядческого библиофильства была Москва, хотя в провинции имелись и более крупные собрания.

Задолго до стараний Румянцева старообрядцы использовали все возможные способы и формы приобретения книжного антиквариата, уже в XVIII в. создали целую индустрию этого дела, которая, по словам известного слависта П.А. Бессонова, соединяла «все концы России от какой-нибудь саратовской и тобольской избы до Императорской Публичной библиотеки».

Во всех уголках России и даже за рубежом старообрядцы-коллекционеры имели специальных информаторов и агентов, вездесущие офени тоже работали на них – приносили в своих коробах приобретенные в глухих уголках за бесценно редкие книги. Порой удавалось купить или выменять целую партию «ветхих книг» в церковных и монастырских книгохранилищах. Среди этих «ветхих» иногда оказывались и редчайшие пергаменные рукописи, настоящую цену которых «образованные» приходские священники и монахи не могли и

Пашков дом в Москве (конец XVIII в.)

предположить. Так появились богатейшие книжные собрания купцов-старообрядцев И.Н. Царского, Т.Ф. Большакова, Д.В. Пискарева и многих, многих других.

Подавляющее большинство старообрядцев-библиофилов и было теми «знатоками», которые щедро делились с учеными познаниями в древней культуре, а нередко и снабжали их необходимыми документальными материалами. Таким «знатоком» являлся московский книготорговец Т.Ф. Большаков, значительная часть рукописей и старопечатных книг которого ныне берегается в Российской государственной библиотеке.

Он помогал комплектовать не только частные книжные собрания, но и государственные. Публичная библиотека в Петербурге «за усердие в трудах» избрала его в 1853 г. своим почетным корреспондентом, а несколько ранее он стал членом-соревнователем Общества истории и древностей российских в Москве.

Большакова знали все без исключения ученые-медиевисты обеих столиц, со многими он дружил, дарил рукописи и старопечатные книги. Крупнейший русский филолог минувшего столетия Ф.И. Буслаев считал Большакова учителем, которому он был «много обязан своими сведениями в русской палеографии». Для издания некоторых литературных памятников Большаков предоставлял в распоряжение ученых свою рукописную коллекцию. В течение многих лет и сам занимался литературными и искусствоведческими изысканиями, «работал над сочинениями Максима Грека» и собственноручно переписал сотни его творений, составивших два объемистых тома.

Ближайший сотрудник Румянцева, сын московского торговца П.М. Строев высоко ценил Большакова, значительно помогшего ему в пополнении собрания канцлера, а также в научных изысканиях и комплектовании собственной коллекции. Составляя известное «Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф.А. Толстого и купца И.Н. Царского», Строев выражал горячую благодарность Большакову, которого считал истинным знатоком древних славянских печатных книг.

Правдивое представление о состоянии русской гуманитарной науки, книгохранилищ и архивов в начале XIX столетия, когда протекала собирательская деятельность Румянцева, дают бесчисленные свидетельства очевидцев. Вот что писал московский профессор-историк М.П. Погодин, ставший после смерти канцлера «признанным главой русских коллекционеров», который, кстати, не раз ссылался на старообрядческие авторитеты: «Библиотеки не имели каталогов, источников никто не собирал, не указывал, не приводил в порядок; летописи не были исследованы, объяснены, даже изданы ученым образом; грамоты лежали, рассыпанные по монастырям и архивам».

Остро переживая почти полное незнание истории России, гибель огромного числа памятников отечественной книжной культуры и старинных документов, Румянцев и члены его кружка предлагают и реализуют невиданную в масштабах страны археографическую программу. Суть ее хорошо выразил Строев: «Пусть целая Россия превратится в одну библиотеку, нам доступную. Не сотнями известных рукописей мы должны ограничивать свои занятия, но бесчисленным множеством их: в монастырских и соборных хранилищах, никем не хранящихся и никем не описанных, в архивах, кои нещадно опустошает время и нерадивое невежество, в кладовых и подвалах,

недоступных лучам солнца, куда груды древних книг и свитков, кажется, несены для того, чтобы грызущие животные, черви, ржа и тля могли истреблять их удобнее».

Катастрофическое положение с церковными хранилищами не слишком заботило церковное руководство, еще и в пушкинскую эпоху оно давало прямые указания об уничтожении древних рукописей, именуемых «хламом». По свидетельству знаменитого ученого и иерарха православной церкви Евгения Болховитинова в подобном «хламе», предназначавшемся к уничтожению по требованию настоятелей не только небольших православных монастырей, но и крупных центральных, он находил даже пергаменные рукописи XI в.

Часто отсутствовало даже элементарное «сострадание» к документальному наследию, гибнувшему в церковных и монастырских библиотеках с невероятной быстротой. Строев в этой связи писал: «В библиотеках этих – Синодальной, академических, семинарских, консисторских, монастырских, соборных и прочих лежат тысячи славянских рукописей, хартий и старинных книг. Их было еще более, но нерадение и невежество в разных видах постоянно содействуют их уменьшению. Сии рукописи, хартии и книги суть главнейшие пособия отечественной истории: государственной, церковной, народной и всех ее отраслей. Писатели, занимавшиеся отечественными древностями, испытывали важнейшее неудобство: недостаток материалов. Сей недостаток при нынешнем состоянии и управлении духовных книгохранилищ со временем должен дойти до крайности: многие документы, незадолго перед сим целые, уже не существуют. По плану учебных курсов в духовных академиях и семинариях оные рукописи, хартии и книги бесполезны для сих училищ: преподаватели и студенты, не умея ими пользоваться, презирают и не берегут их. Настоятели монастырей, соборов и пр. по той же и иным причинам распоряжаются ими своевольно: отчуждают, портят, даже истребляют. В немногих духовных библиотеках памятники славянской письменности приведены в некоторую известность; в наибольшей части они образуют груды, покрытые прахом, а в описях показаны счетом. Требовать ученых каталогов от нынешних стражей сих памятников есть дело невозможное: археография, палеография и прочее суть науки вне состава российской духовной учености и очень часто духовные библиотекари в славенских письменах видят египетскую грамоту».

Начавшееся на средства Румянцева систематическое обследование древлехранилищ русских монастырей вскрыло еще

более ужасающую картину. Вот, что узнали участники одной из экспедиций в подмосковном Ново-Иерусалимском монастыре: «...отец наместник сказывал... что библиотека их прежде сего лет за сорок была гораздо обильнее книгами, некоторые из них взяты в Синод и остались у графа А.И. Мусина-Пушкина (между семи вспоминает он одно Евангелие, несколько хронографов и летописей); другие нарочно сожжены епископом Сильвестром, который почитал их ненужной дрянью». В подмосковном же Иосифо-Волоколамском монастыре «архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столбцов, наваленных без разбора». Нет ничего удивительного в том, что почти во всяком монастыре участников экспедиций ждал далеко не любезный прием. Даже в крупнейшие московские церковные книгохранилища их порой попросту не допускали.

Глава Комиссии печатания государственных грамот и договоров, директор Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновский жаловался Румянцеву, что в каталоге рукописей Синодальной типографии он «получил прямой отказ».

Впрочем, посмотреть необходимые материалы иногда было не много проще и в государственных архивах и библиотеках. Всесильный Румянцев признавался весьма ценному им Евгению Болховитинову: «...мне легче домогаться в чужих государствах, нежели в отечественных пределах». Это не было преувеличением.

С поразительной быстротой, всего за несколько лет румянцевским археографическим экспедициям за рубежом удалось обследовать десятки книго- и архивохранилищ, в которых сберегались документы, относящиеся к русской истории. В Швеции они копируют хроники, летописи и описания XIV–XVII вв., в Кенигсбергском архиве – акты времен Василия III, исторические сочинения, в Любеке – материалы по истории Новгорода и его взаимоотношений с прибалтийскими народами. Подобная работа была проделана в Вольфенбюттеле, Гамбурге, Данциге, Дрездене, Лондоне, Париже, Риме, Копенгагене, Вене, Флоренции, Генуе и десятках других европейских городов. Всего оказались обследованы более сотни самых различных древлехранилищ, почти в половине из них собраны интереснейшие исторические материалы, в основном совершенно неизвестные. В собрание канцлера поступили тысячи их копий, выполненных на весьма высоком уровне, часто даже факсимильных.

Протоиерей Иоанн Григоровичъ.

Протоиерей Иоанн Григорович

Румянцев использовал любую возможность, чтобы собрать за рубежом интересующие его сведения, найти новые исторические источники. Часто выручали канцлера обширные связи, приобретенные за годы службы внутри страны и за ее рубежами. Там, где отказывали иным, бывшему министру иностранных дел России, ценному многими европейскими монархами, необходимому удавалось получить. Румянцев смог организовать десятки людей, предоставлявших ему ценнейшую информацию. Среди информаторов были, конечно же, не только соотечественники, но и иностранцы, например известный славист В.С. Караджич, немецкие, шведские, голландские, французские, английские, итальянские ученые, дипломаты, работники архивов и библиотек.

Немногочисленные отечественные ученые, выезжающие за рубеж, также помогали в изысканиях «ученой дружины». Замечательный белорусский медиевист о. Михаил Бобровский, отправленный Виленским университетом в пятилетнее научное путешествие по Европе, оказался одним из таких весьма ценных сотрудников Румянцева. Ученый, в судьбе которого канцлер принял деятельное участие, посетил Вену, Прагу, Рим, Флоренцию, Болонью, Венецию, Триест, Милан, Турин, Феррару, Равенну, Неаполь, побывал в Саксонии, Баварии, Моравии, Далмации, Франции. Особенно повезло ему в ватиканских собраниях, куда другим выходцам из России доступ оказался закрыт.

Профессору-священнику Михаилу Бобровскому удалось не только пересмотреть и скопировать интереснейшие исторические материалы, но даже составить каталог славянских рукописей Ватиканской библиотеки. Через несколько лет этот каталог был издан префектом библиотеки кардиналом Анжело Майи, с которым у Бобровского установились дружеские отношения.

Несмотря на сенсационные находки за рубежом, порой даже крупные исторические открытия, там сделанные, куда более обильная «жатва» ждала участников Румянцевского кружка, конечно же, в России. Наряду с долгосрочными экспедициями по всей стране и краткими разведками, предпринималась работа по сплошному просмотру крупнейших книго- и архивохранилищ, составлению подробнейших описаний их фондов. В общей сложности обследованными оказалось до полутора сот различных государственных, церковных и частных собраний – найдены, изучены и собраны тысячи памятников. В отдельных крупных хранилищах, обладавших богатейшим материалом,

Румянцев завел своеобразные «мастерские» по их копированию, продолжавшемуся долгие годы, вплоть до его смерти.

Канцлер щедро оплачивал копирование, нанимал для этого не только служащих архивов и библиотек, но и первоклассных художников. Так же щедро он платил всем своим сотрудникам, постоянно и одновременно, нередко награждал их, порой весьма изрядной суммой в несколько сот рублей. Оплата наиболее крупных работ достигала тысяч рублей, так что «отец русской библиографии» В.С. Сопиков имел все основания писать К.Ф. Калайдовичу, заключавшему с Румянцевым долгосрочные договоры именно на такие значительные суммы: «Какие у нас пустые и гнилые общества. Напрасно только важным титулом величаются. Один способный человек при довольных средствах, право, больше сделает».

Граф щедро финансировал не только археографические, но и археологические, этнографические, географические экспедиции. Помимо документальных исторических свидетельств, книг и рукописей их участники собирали всевозможные предметы материальной культуры, делали зарисовки, изучали фольклор. Открытия румянцевских экспедиций были ошеломляющими.

В полусотне верст от Москвы обнаружен «Изборник Святослава» 1073 г.; неизвестные сочинения древнерусских, болгарских и иных писателей, пергаменные рукописи XI–XIII вв., летописи, хроники, уникальный экземпляр Судебника 1497 г., множество неизвестных древних грамот. Не менее значительные находки были сделаны на севере и юге России, в Зауралье, на Урале, в Сибири. Однако, как пишет современный российский историк В.П. Козлов, «вершиной археографических разысканий членов Румянцевского кружка по масштабам и организации проведения стала серия экспедиций в западные и частично южные районы страны», то есть в основном в Белоруссию, где находились самые крупные имения канцлера, подолгу жил он сам, особенно в последние годы, и где он был погребен.

Оазис древней книжности

Книжные богатства совершенно не исследованного в ту пору Белорусского края, находки, сделанные там, превзошли все ожидания. Белоруссия оказалась оазисом древней книжности, в котором соседствовали рукописи, первопечатные издания и акты на многих языках.

Исторически сложилось так, что литературными языками белорусского народа были церковнославянский, старобелорусский, латинский, польский, а позднее отчасти немецкий и французский. После падения Киевской державы будущие белорусские земли входят в состав нескольких княжеств. Среди них нужно выделить Полоцкое, столица которого – Полоцк – некогда успешно соперничала в своем значении для всей Руси даже с Киевом и Новгородом. Постепенно многие древнерусские земли входят в нарождающееся огромное Литовское государство – Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское, где восточные славяне составляли подавляющее большинство населения. К моменту вхождения в Великое княжество Литовское предки будущих белорусов, украинцев и русских обладали большим культурным потенциалом, значительно превышавшим достижения воинственных языческих литовских племен.

Племена эти – мелкие и более крупные родовые общности – под влиянием серьезной угрозы со стороны соседей, прежде всего Немецкого ордена, а также Галицкого и Полоцкого княжеств, в начале XIII в. начали объединяться. Первым общелитовским князем в это время становится Миндовг, подчинивший своей власти и многие древнерусские земли, на которых в Новгородке, нынешнем Новогрудке – районном центре Гродненской области, располагалась его столица. Не имевшие

Содержала грамоты, касавшиеся до Волынской и Подлянской губерний, как принадлежавших к императорскому владению, так и принадлежавших к частному владению, с указанием времени, как записаны, и места, где она записана.

число года		Где она записана.	Место, где она записана.
1	Грамота великого князя литовского поджуровидца князя Якова от президента в Волынии брацкой провинции кассы, отряжено от сурогов или ланцасов, для подурочия дворян вольных от службы по дорогам. Во имя Господеньских великих родителей князя князя, как прежде были записаны во Волынии, по дорогам и кассам жидовым, также по дорогам вольных касс, куда она отряжена была.	1633 г. В Могиле, Волынской губернии, Савинский.	
2	Грамота великого князя литовского Волынского и Люблинского, кассы от президента в Волынии кассы, отряжено от сурогов или ланцасов, для подурочия дворян вольных от службы по дорогам. Во имя Господеньских великих родителей князя князя, как прежде были записаны во Волынии, по дорогам и кассам жидовым, также по дорогам вольных касс, куда она отряжена была.	1618 г. В Могиле, Волынской губернии, Савинский.	Могиле.
3	Грамота великого князя литовского Волынского и Люблинского, кассы от президента в Волынии кассы, отряжено от сурогов или ланцасов, для подурочия дворян вольных от службы по дорогам. Во имя Господеньских великих родителей князя князя, как прежде были записаны во Волынии, по дорогам и кассам жидовым, также по дорогам вольных касс, куда она отряжена была.	1661 г. В Могиле, Волынской губернии, Савинский.	Могиле.
4	Грамота великого князя литовского Волынского и Люблинского, кассы от президента в Волынии кассы, отряжено от сурогов или ланцасов, для подурочия дворян вольных от службы по дорогам. Во имя Господеньских великих родителей князя князя, как прежде были записаны во Волынии, по дорогам и кассам жидовым, также по дорогам вольных касс, куда она отряжена была.	1633 г. В Могиле, Волынской губернии, Савинский.	Могиле.
5	Грамота великого князя литовского Волынского и Люблинского, кассы от президента в Волынии кассы, отряжено от сурогов или ланцасов, для подурочия дворян вольных от службы по дорогам. Во имя Господеньских великих родителей князя князя, как прежде были записаны во Волынии, по дорогам и кассам жидовым, также по дорогам вольных касс, куда она отряжена была.	1661 г. В Могиле, Волынской губернии, Савинский.	Могиле.
6	Грамота великого князя литовского Волынского и Люблинского, кассы от президента в Волынии кассы, отряжено от сурогов или ланцасов, для подурочия дворян вольных от службы по дорогам. Во имя Господеньских великих родителей князя князя, как прежде были записаны во Волынии, по дорогам и кассам жидовым, также по дорогам вольных касс, куда она отряжена была.	1678 г. В Могиле, Волынской губернии, Савинский.	Могиле.

Первая страница реестра грамот, описанных о. Иоанном Григоровичем в архивах Могилевщины по поручению Н.П. Румянцева (вторая половина 1810-х гг.)

до той поры собственных городов, литовцы быстро присоединяют земли и города ослабевших древнерусских княжеств – Гродно, Волковыск, Слоним и другие. Некоторые литовские князья и их ближайшее окружение принимают христианство по православному обряду и даже становятся православными монахами. Из рук восточных славян литовцы получают первые памятники письменности и начинают создавать свою книжность с помощью кирилловской азбуки на книжном славянском языке.

В 1387 г. в Литве официально вводится католичество, которое, впрочем, пустило корни на литовских землях не сразу. Языческие традиции долгое время доминировали среди литовцев. В католическо-православно-языческой стране явно преваляло православное древнерусское население, в том числе будущий белорусский народ, язык и письменность которого стали общегосударственными в Великом княжестве Литовском.

Преемники Миндовга, князья Гедимин, Ольгерд и их последователи, окончательно объединили все литовские племена, распространили свою власть на Полоцкие, Смоленские, Турово-Пинские, Галицко-Волынские, Киевские, Чернигово-Северские земли, сделали княжество одним из крупнейших и сильнейших государств в Европе. Династические браки литовских князей с дочерьми древнерусских феодалов позволяли им безболезненно присоединять тот или иной удел. Ольгерд, женатый на дочери последнего витебского князя, именно так приобрел право на это княжение.

После смерти Ольгерда в течение нескольких десятилетий в княжестве царит жестокая междоусобица, пока, наконец, в 1440 г. великим князем не становится Казимир, сын Ягайлы, вскоре избранный и польским королем. Теперь обе державы, Польша и Литва, поддерживают тесные связи – политические, экономические, военные, культурные. Столица Польши Краков и столица Великого княжества Литовского Вильно являются резиденциями короля и великого князя, совмещенных порой в одном лице.

Люблинская уния 1569 г. окончательно упрочивает этот союз. Она становится поворотным моментом в истории двух держав, слившихся в единую федеральную Речь Посполитую с королем во главе. Впрочем, это не нарушало относительную самостоятельность двух ее частей. Великое княжество Литовское по-прежнему имело свое управление, казну, войско, законодательство, суд и государственный язык – старобелорусский.

В том же 1569 г. к Польше отошли западная и южная части великого княжества – Подлясье и украинские земли, территория княжества значительно уменьшилась.

В условиях подготовки и принятия унии литовские, белорусские и украинские магнаты начали активную антикатолическую и антиунииную пропаганду, одним из результатов чего явилось возобновление после Франциска Скорины белорусского книгопечатания в имении Ходкевича Заблудове, осуществленное в 1569 г. прибывшими из Москвы Иваном Федоровым Московитином и Петром Тимофеевичем Мстиславцем, уроженцем восточнобелорусского города Мстиславля.

Ударным направлением контрпропаганды со стороны Польши стало постепенное окатоличивание и ополячивание местного населения, в первую очередь шляхты. Через десять лет после принятия Люблинской унии в Вильно открывается католическая академия, а в различных городах великого княжества возникают иезуитские коллегии: в 1581 г. в Полоцке, в 1584 г. в Несвиже.

В 1596 г. в Бресте принимается новая уния – церковная, объединившая православную церковь с католической. Униатская церковь сохраняла прежнюю обрядность и богослужение на церковнославянском языке, но признавала некоторые католические догматы и верховную власть папы римского.

Брестская уния вызвала самый широкий протест, особенно среди низшего и среднего духовенства, горожан и простого сельского люда. К протестующим примкнули и некоторые крупные феодалы, в их числе князь К.К. Острожский, владелец знаменитой типографии в Остроге, где Иван Федоров напечатал Азбуку 1578 г., «Острожскую библию», стихотворную «Хронологию» белорусского поэта Андрея Рымши и другие книги.

Против церковной унии выступили и православные братства – общественно-религиозные и национальные организации, объединявшие в основном городское население. Длительная борьба увенчалась относительным успехом лишь в 1633 г. – было обнародовано официальное решение о существовании наряду с католической и униатской церквами еще и православной, которая за это время значительно утратила свое влияние и потеряла многих своих приверженцев. Тогда же начинают наблюдаться первые явные признаки упадка и самой Речи Посполитой, превратившейся в шляхетскую республику во главе с королем, фактически не имевшим власти.

В Великом княжестве Литовском укрепляется экономическое и политическое положение крупных магнатов, действия которых имеют характер вседозволенности, вплоть до ведения междоусобных феодальных войн. Мелкие феодалы объединяются вокруг более крупных, образуются различные группировки, располагающие собственными вооруженными силами, используемыми в борьбе за политическую власть и имущественные интересы. Все это, естественно, очень быстро истощает государство и усугубляет внутривластную анархию. Самые радикальные реформы второй половины XVIII в. уже не смогли поправить дело. Процесс разложения Речи Посполитой нарастал, и ослабевшее государство стало объектом территориальных претензий России, Австрии и Пруссии. Первый раздел Речи Посполитой произошел в 1772-м г., второй в 1793-м, третий и окончательный – в 1795-м. Федеральное государство перестало существовать, белорусские и иные земли вошли в состав Российской империи.

После войны 1812 г. бывшая ареной жарких баталий Белоруссия быстро наращивает свой экономический и культурный потенциал. Восстание 1830–1831 гг. резко изменило отношение царского правительства к шляхте – дворянскому сословию бывшего Великого княжества Литовского, – начинаются открытые гонения, искореняется все что-либо связанное с жизнью еще недавно существовавшего относительно самостоятельного государства. Специальным Комитетом по делам западных губерний производится «разбор» шляхты, ликвидируется униатская церковь, слившаяся на Полоцком соборе 1839 г. с православной. В 1840 г. отменяется действие Статута Великого княжества Литовского.

За период своей многовековой истории Великое княжество Литовское и входившие в него белорусские земли, составлявшие после 1569 г. основную часть государства, испытали на себе сильнейшее влияние западноевропейской культуры. Именно отсюда проникали на Московскую Русь различные ереси и идейно-культурные новации, доходили уже ослабевшими волны Возрождения, Реформации и контрреформации.

Белорусы еще в средневековье знакомятся с культурой Западной Европы не понаслышке – оканчивают знаменитейшие университеты Италии, Германии, других стран и земель, получают высшие ученые степени, наконец, начинают создавать собственную литературу на иных языках, имевших в Великом княжестве Литовском большое распространение. Не забывается и традиционный общий литературный язык

восточных и южных славян – церковнославянский, или книжный славянский, который приобретает в Белоруссии собственную национальную окраску. Как Мартин Лютер в Германии, так Франциск Скорина «из славного града Полоцка» в Белоруссии становится реформатором родного языка и литературы, что выдвигает его в ряды самых передовых деятелей европейского Возрождения. Великий гуманист Скорина во времени даже опережает Лютера. Именно он в 1517 г. начинает печатать белорусские книги в Праге, а затем в Вильно и издает их в общей сложности более сорока.

Традиции книжной культуры Киевской Руси в Белоруссии всегда были живы, а вплоть до второй половины XVII в. и необычайно сильны. Древнерусская книжность и литература прочно связывала русских, белорусов и украинцев на протяжении всей их истории. Сохранились многочисленные свидетельства тесного общения книголюбов трех восточнославянских народов. Вот что писал известный русский зодчий Василий Ермолин белорусскому библиофилу середины XV в., секретарю короля Казимира IV пану Якубу, с которым был дружен: «А насчет того, что ты, пане, писал мне в своем письме, что тебе надобно полный Пролог на весь год в одном переплете да Осмогласник... то, дорогой пан, этих книг в таком виде, как ты хочешь иметь, купить не удастся. Подобных книг множество, да не так исполненных, как тебе хочется – обычно они в разных переплетах... А если уж тебе захотелось... то следует, пане, прислать мне свою бумагу и с этим делом подождать. А я, согласно твоему поручению, прикажу многим доброписцам такие книги изготовить с хороших списков в привычном для тебя виде, как ты любишь. А я хочу от всего сердца оказать твоей милости дружескую услугу. А вместе с твоею бумагою ты пришли и денег побольше, на которые исполнять твой заказ. А лишнего я нигде нисколько не переплачу, а сделаю для тебя, пане, все согласно твоему замыслу и желанию, как того хочешь. Мир тебе во Христе. А я, слава Богу, здоров».

Книжность Московской Руси древней традиции стала особо авторитетной среди славян в XVI столетии, даже знаменитая «Острожская Библия», напечатанная Иваном Федоровым в 1581 г., готовилась в значительной мере по великорусским ее спискам и «добрым переводам», привезенным из Москвы писарем Великого княжества Литовского белорусом Михаилом Гарабурдою.

В предисловии к «Острожской Библии» об этом даже специально сказано: «Токмо от благочестива и в православии

изрядно сиятелна государя и великаго князя Иоанна Василиевича московскаго и прочая богоизбранным мужем Михаилом Гарабурдою, писарем великаго князства Литовскаго с прилежным молением испрошеную сподобихомся приати съвершеную библию».

Гарабурда и другие граждане Великого княжества Литовского не раз предпринимали поездки за нужными рукописями в Москву. Они хотели напечатать их у себя на родине, а затем часть тиражей распространить и в России, где темпы книгопечатания были значительно ниже. Особых языковых преград при этом не существовало: и белорусы, и русские, и украинцы понимали свой единый церковнославянский язык-посредник, а вернее язык-основу, которым пользовались издревле.

Любопытно, что в ту пору все восточные славяне – русские, украинцы и белорусы, продолжали именовать себя «русскими», как и во время Киевской Руси. Выходец из Великого княжества Литовского диакон Исая, приехавший в Москву за рукописями в момент устройства здесь типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца, писал: «А к царствующему граду Москве я приехал з доклада Жигимонта Августа, краля полскаго и великаго князя литовскаго и с листом королевским да и с почтенными дары... ко благовернейшему... царю... Ивану Васильевичу всея Руси... а хотя у царя... от его царския книгохранилица испросити библию по нашему языку рускому словенскому на спис слово в слово, и в нашем государстве христианском руском великом князстве литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому рускому литовскому да и рускому московскому».

После отторжения в 1569 г. Польшей украинских земель в Великом княжестве Литовском стало преобладать белорусское население, язык которого – старобелорусский еще ранее стал по сути общегосударственным. На нем писались и издавались основные законы – Статуты, велось делопроизводство, печатались книги. Столицей великого княжества с начала XIV столетия стал Вильно, где также преобладало белорусское население.

Неудивительно, что впервые оказавшийся в этом городе молодой украинский ученый, сотрудник Румянцева и будущий профессор Виленского университета И.Н. Лобойко, писал: «Когда я в 1822 году приехал в Вильно, я весьма удивлен был письменным памятникам белорусского наречия, но мое удивление еще более возросло, когда я увидел, что здешние архивы по большей части ими наполнены». Здесь же, в Вильно, Лобойко

21. О вольности де закону, и о дождкопачности вшедших в нее,
свободящихся насладовати вольноу д. и.; издано изъ рукописи³
разныхъ учителей трудовъ Гавриила Ромецкаго, покойни-
каго Ариимандрита приютивша в. год. обитиемъ
прих. воегородицы общесвятительскаго монашества Симо-
нова, лета 1666. Современная рукопись вв. шеть. О
семъ святиице, и оо трудъ нать у Виткова сведени.
Вв. концы приобщено раздвигание на седмъ книгъ о
седми добродетельхъ Василиемъ в. и. нотацены вв. бич
пошествовати. —

22. Ванелии ужитице, аубо коуана на кождую неделью и
воста прощеньемъ гнухъ в. в. нашего камиста, архиеп.
Коктактилипольскаго, приобщенное трудомъ вшеи-
скимъ инокъ; вв. в. 1616. вв. шеть. Сопик. 1, 2. почитатъ
сво змиу оствъ радкоу. посвящена: Богородице Умоуицкыи
Кавелетивъ Анастразидицъ, а не Анны Мольвиговны
Кавелии Курецкой, какъ урвниографа тамуре шахана
Берикепа нороно.

II

вв. Могилевкомъ Братскомъ:

23. Ванелии науриспольска, Косове, вв. шати Ванелистове;
вв. шанди шеть, оубо давнаваго мста; но, каиртея, то
гаше, которое напечатано вв. Минскомъ вв. в. 1602.
вв. серебрянныи оубдъ. Виткова оубко раздвигъ. 1646.

24. Точке, новаго изданія, при Домасуръ Патраріахъ; Москва
1674. вв. шеть; вв. мидномъ оубдъ св. фринеиствю и
тамилли. 3 Сопик. подв. № 280 показано раздвигъ.

III

вв. Витутской Церквы Бичъ Могилева (6).

25. Ванелии, судак. трудовъ Братства при Сурани вв. в.
Боганатри. во 1666. 1666, вв. шеть вв. оубдъ. 3 Сопик. № 281.

26. Фринеиствю, или уубраннае шинне, при Патраріахъ
Домасуръ; Москва. 1682. вв. шеть. 3 Сопик. судак. подв. № 164
оствъ радкоу. —

(6) Не зларый пра Фринеиствю зларо, что 22 септѣри 1712 г. зларо
злареннае, или злареннае: но о злареннае вв. 1712 г. зларо
злареннае септѣри.

Последняя страница реестра рукописных и старопечатных книг,
хранившихся в монастырских библиотеках Белоруссии,
составленная о. Иоанном Григоровичем (вторая половина 1810-х гг.)

нашел огромное количество белорусских старопечатных книг, отдельные экземпляры которых он чуть позже передаст в Москву и Петербург. Попадут они и в коллекцию Румянцева, «великого покровителя», деятельно поддержавшего Лобойко в его «мечтах» открыть Европе богатейшую, но, увы, абсолютно неизвестную «белорусскую словесность». «Я осмелился сообщить сии мечты великому покровителю... и теперь не могу в полной мере изъяснить моего удовольствия, что белорусская словесность еще при жизни моей из мрака забвения с таким достоинством выступает на свет».

Приступая к собирательской работе в Белоруссии и Литве, ни Румянцев, ни его сотрудники еще не знали, сколько неожиданных открытий ждет их впереди. Однако уверенность в большом успехе именно здесь у них была всегда.

Владелец огромных поместий в Белоруссии, Румянцев и ранее неоднократно сталкивался с белорусской стариной, весьма ценил ее. Как дипломата и министра иностранных дел графа издавна чрезвычайно интересовал архив Великого княжества Литовского – Литовская метрика, ведшаяся в течение столетий в основном на старобелорусском канцелярском языке. В этом гигантском собрании древнейших актов книг, насчитывавшем многие сотни огромных фолиантов, переписанных убористым почерком, содержалась богатейшая история некогда одного из сильнейших государств Европы, в конце XVIII столетия прекратившего свое существование.

Правой рукой Румянцева по археографическому обследованию Белоруссии стало особо доверенное лицо – сын священника в его гомельском имении И.И. Григорович, учившийся в Петербурге на средства графа. Возвратившись в Гомель на место своего отца, соборного протоиерея, энергичный молодой человек быстро организовал здесь исследовательскую работу, привлек к изысканиям многих знатоков со всей Белоруссии. По мнению Л.Л. Щавинской, «не будет преувеличением сказать, что именно И.И. Григорович положил блестящее основание собственно белорусской археографии, история которой оказалась очень не простой...».

К этим словам хочется добавить, что дворец Н.П. Румянцева в Гомеле и тамошний дом И.И. Григоровича представляли собой в известном смысле единое целое; ни один из членов «ученой дружины» не соприкасался столь близко со своим патроном, как ученый протоиерей И.И. Григорович.

Ежегодно бывая в принадлежавшем ему Гомеле, Румянцев отмечал постоянные успехи белорусских археографов,

регулярные открытия которых подали мысль о выпуске специального издания, названного «Белорусским архивом древних грамот». В него вошли десятки древнейших актов из многих белорусских и иностранных собраний, однако, как писал крупнейший белорусский медиевист Н.Н. Улащик, «важнейшим хранилищем, откуда заимствованы документы для Архива, была Румянцевская библиотека».

О. Иоанн Григорович и сам неоднократно подчеркивал роль канцлера в подготовке этого важнейшего для истории белорусской культуры издания: «Излишним считается... объяснить, что меры сии и содействие оным зависели от щедрот... графа Румянцева, которому благоугодно было... войти в сношение с многими особами и на приобретение как подлинных актов, так и списков с оных назначить значительные издержки».

По мнению специалистов, «в археографическом отношении “Белорусский архив” в ряде моментов даже превзошел “Собрание государственных грамот и договоров”». О. Иоанн Григорович не менее высоко оценивал свое издание. Он считал, что отныне «и наша Белоруссия не совсем исчезнет с лица земли, но да ведает свет, что были времена, когда она была славнее и добродетельнее, нежели ныне».

Знакомство со сводами законов Великого княжества Литовского, его Статутами, представленными в библиотеке канцлера рукописными списками и первопечатными изданиями, натолкнуло на мысль о публикации этих первостепенных памятников. Работу поручили белорусскому профессору И. Даниловичу, сумевшему организовать на поиски древних славянских книг даже своих студентов.

То были первые в Восточной Европе студенческие археографические экспедиции, проводившиеся совсем не так, как нынешние. В каникулярное время, «на вакациях» в родных местах и их окрестностях студенты Даниловича собирали все, что им казалось достойным внимания. В старинных униатских церквях и монастырях, бывших некогда православными, они отыскивали кипы древних бумаг, рукописи, старопечатные книги, хранившиеся в большом беспорядке. В значительном числе виленские студенты оказывались выходцами из семей сельских священников, и это счастливое обстоятельство облегчало их археографический поиск.

Вильно начала XIX в. интересовал Румянцева и его кружок не только своими книжными богатствами, но и научным потенциалом. Одновременно здесь работало более десяти сотрудников канцлера, среди которых были уже упоминавшиеся

известные ученые Бобровский, Данилович, Лобойко, а также И. Лелевель, П. Сосновский, И. Онацевич и другие.

Виленский университет, оказавшийся тогда средоточием польской, белорусской и литовской науки, связывал и всех любителей местной старины, краеведов, коллекционеров, собрания которых были порой неправдоподобно богаты. Именно из этих собраний в государственные хранилища Вильнюса, Санкт-Петербурга, Москвы, Варшавы и других городов попали всемирно известные книжные редкости, часть которых затем издавалась факсимильным способом. То были неведомые летописи, древнейшие рукописи на пергамене, первопечатные издания. Подобных библиофильских собраний было тогда в Вильно и окрестностях немало. Расскажем кратко об одном, принадлежавшем профессору Бобровскому, оказавшему Румянцеву существенную помощь в его научных и собирательских делах, что, впрочем, было неотделимо.

Профессор, как и канцлер, собирал книги с великой целью – послужить народу в изучении его славного прошлого. Главнейшая особенность библиотеки Бобровского – огромное число уникальных первопечатных книг, весьма древних рукописей и изданий XVI–XVIII вв. Ученый увлекался историей славянского книгопечатания и даже написал обстоятельное сочинение на эту тему, недошедшее до нас, – «История славянских книгопечатен в Литве». Открытые Бобровским памятники культуры, в их числе и одна из первых славянских книг вообще – Супрасльская рукопись XI в., найденная им в Супрасльском монастыре, характеризуют его как удачливого археографа. Крупный славист и ориенталист, один их пионеров этих направлений в европейской науке Бобровский всю жизнь посвятил «умножению плодов славянской литературы».

Совсем молодым человеком он собирает рукописи и старопечатные книги в церквях и монастырях Подляшья, Белоруссии и Литвы, позднее из заграничного путешествия по Европе привозит большое число книжных редкостей. Как и его близкий друг Данилович, Бобровский привлекал к археографическим поискам студентов, заслуженно любивших своего патристически настроенного профессора, отстраненного от преподавания в 1824 г. специальным указом вследствие «вредного влияния, которое возымела противодействующая университетскому начальству партия».

То было время известного разгрома Виленского университета, ареста многих студентов, высылки Адама Мицкевича и его друзей. Удаленный с кафедры профессор высылается в

Доктора Полоцкого Франциска Скорины
Переводы и издания

- 1) Апостолъ типотантнмъ въ Виленѣ пе-
ривоца Франциска Скорины 1525 года въ 2
- 2) Библия руская ииже периваженна въ
Вулгата. Мѣст. въ Прагѣ 1517 и 1519 годовъ
въ 4^{то}
- 3) Краткия ииже Акакистныя ииже из-
данія Свѣтлостнхъ Писанъ и Года.
- 4) Псалтыря переводъ въ Успенскыи ииже
изданннхъ въ 8^{то}

Прологъ типот. въ Москвѣ 1641. 1644 годовъ

Прологъ Кннжнцовскаго Посада изда-
ннхъ 1785 году

Апокрифическыя отвѣды на Книжннхъ
о соборѣ Берестанскыи чрезъ Кристо-
фора Фришета (Мелетнн Стѣфаннхъ)
въ Виленѣ 1597 годъ въ 4^{то}

Апостолъ о въ Грнхъ Мелетнн Стѣфаннхъ.

Евангелн Канцрестовнхъ въ Грнхъ Мелетнн
нмѣст. 1512 года въ Мухомъ Мембѣ.

«Доктора Полоцкого Франциска Скорины переводы и издания» –
реестр собрания Н.П. Румянцева (середина 1810-х гг.)

дальний Жировицкий монастырь, куда везет и свою библиотеку, значительно «облегченную» в Вильно. Член Римской академии древностей, Парижского и Лондонского азиатского обществ, Московского общества истории и древностей российских Бобровский постепенно все силы сосредоточивает на научных исследованиях, изучении накопленных им богатейших материалов. Библиотека ученого, высленного в глухую белорусскую провинцию, оказалась верным и единственным его помощником. В ней было немало книг Швайпольта Фиоля, Франциска Скорины, Ивана Федорова, Петра Мстиславца.

В годы своего путешествия по Европе Бобровский постоянно знакомился со славянскими рукописями и печатными книгами, при возможности приобретал их. Он собрал одну из самых значительных коллекций изданий, напечатанных глаголическим шрифтом, и оказался первым в мире крупнейшим их исследователем. Современники с восторгом отзывались о познаниях Бобровского.

Вот что писал хорошо знавший ученого П. Янковский: «Славянскою библиографией и историей книгопечатания профессор Бобровский занимался с особой любовью и постоянством. Он был чрезвычайно опытен в чтении и определении древности старинных наших рукописей; на счет же времени и места издания книг почти не ошибался по первому взгляду. Богатыми своими библиографическими записками он делился охотно со многими учеными; в том числе и с московскими, с которыми, по званию члена тамошнего Общества истории и древностей, находился в деятельной переписке. Памятна, конечно, будет заслуга профессора Бобровского, оказанная истории русского книгопечатания: им-то пополнен в ней пробел о первых ее деятелях, московских типографщиках: диаконе Иване Федорове и Петре Тимофееве Мстиславце, бежавших в 1564 г. из столицы, пред изуверством черни. Бобровский проследил всю дальнейшую судьбу этих замечательных людей и описал порядком все их издания, как совместные, во время данного им Ходкевичем приюта в местечке Заблудове, так и отдельные потом в Вильне, Львове и Остроге».

Помимо петербургских и московских членов Румянцевского кружка Бобровский консультировал и своих виленских. За щедрые научные подсказки его часто благодарили Лелевель, Данилович и многие другие. Бобровский был для всех великим авторитетом, делившимся не только своими знаниями, но и книгами, не исключая редчайших.

Судьба богатейшего библиофильского собрания белорусского профессора трагична. Проданное коллекционеру В. Тренбицкому, оно позднее почти полностью сгорело при пожаре Варшавы в 1944 г. Две тысячи редких иностранных книг, с которыми ученый расстался еще в тяжелые для него 1820-е гг., разошлись по разным книгохранилищам. Более всего книг из библиотеки Бобровского ныне в государственных собраниях Вильнюса, Санкт-Петербурга и Москвы. Есть они и в Российской государственной библиотеке, где сберегаются несколько экземпляров редких глаголических изданий, первопечатные книги Ш. Фиоля и другие.

На всех книгах своей коллекции Бобровский ставил ромбовидный штамп с заключенными внутри тремя латинскими буквами – ХМВ (Священник Михаил Бобровский), по которому не стоит труда их отыскать. Иногда они попадают и на выставки, как это случилось во время проведения в Вильнюсе «Федоровских чтений 1982», где удалось сразу же найти новые книги из коллекции ученого. Среди них экземпляр знаменитого трактата Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» (Базель, 1615). Книга позднее окажется в руках известного польского библиофила из Вильно Луциана Узембло, много дарившего Виленскому университету.

В Библиотеке Бобровского было много книг с автографами виднейших ученых, присылавших их сосланному профессору в дар. Книги шли к нему из Москвы, Петербурга, Вильно, Вены, Парижа, Праги, Рима, других городов. Это помогало знакомиться с новейшими достижениями науки и в глухом Беложежье, где жил и умер замечательный ученый и библиофил.

Гордостью его собрания были старинные рукописи, частью пергаменные, видимо, навсегда утраченные. Анализ документов тех далеких лет, переписки Бобровского, его друзей и современников показывает, что он обладал ценнейшей коллекцией славянских литературных памятников, древнейших исторических источников. В отдельные археографические сезоны за какой-нибудь месяц поисков ему удавалось находить по несколько только пергаменных рукописей. Профессор Лобойко писал академику П.И. Кеппену об одной из таких поездок Бобровского: «На вакациях он нашел много важных пергаменных Евангелий с синаксарями».

О наиболее примечательных своих находках Бобровский почти немедленно сообщал Румянцеву, который до своей кончины «вел с ним переписку в самом дружеском тоне». Только смерть мецената-канцлера помешала белорусскому профессору

издать самую драгоценную из них – Супрасльскую рукопись XI в., результатам исследования которой сейчас посвящаются специальные международные конгрессы.

Библиофильские пристрастия Бобровского были сродни увлечениям Румянцева, которого он не только консультировал и информировал о наличии книг, но и которому непосредственно помогал их собирать, часто посылал снятые с древнейших документов и рукописей факсимиле. У этих, познакомившихся за рубежом восточнославянских книголюбов во многом совпадали даже приемы собирательской работы. Существенная разница была лишь в средствах. Канцлер мог позволить себе не жалеть их на книги – неимущий Бобровский собирал для этого буквально последнее. Очевидцы вспоминают, как профессор отказывал себе в самом необходимом ради покупки в Европе редких изданий. Просто удивительно: за нелегкую и безденежную жизнь он собрал примерно три тысячи томов, всего лишь в десять раз меньше, чем могущественный Румянцев, при этом собрание славянских старопечатных книг и рукописей Бобровского в отдельных частях превосходило румянцевское. Случайные остатки его и по сей день служат украшением многих крупнейших книгохранилищ, включая Российскую государственную библиотеку.

Иногда говорят, что польское книговедение родилось в Вильно. Формально это так. В 1823 и 1826 гг. в столице былого великого княжества печаталась известная двухтомная работа Лелевеля «Две библиографические книги», ставшая прологом будущей библиологии, или книговедения. Лелевель первым среди польских ученых ввел типографский метод исследования истории книгопечатания – революционизирующее новшество, во многом продвинувшее польскую библиологическую науку. Сравнивая сделанное Бобровским и Лелевелем, сопоставляя их записи разных лет, нетрудно заметить, как много взял польский библиолог у белорусского профессора, уже в 1810-е гг. пользовавшегося новой методикой. Доказательств тут сколько угодно. Достаточно обратиться к его экземплярам книг Ш. Фиоля, что сейчас находятся в Российской государственной библиотеке. Они хранят характернейшие приметы именно такого изучения.

Польская библиофилия и библиология, весьма развитые уже в те годы, не говоря о нынешнем времени, необычайно интересовали Румянцева, задумавшего перевести труды Лелевеля и Е.С. Бандке – известного историка книгопечатания, полагавшегося не на типографский метод исследования, а на

архивы. Привлекали канцлера и разнообразные исследования замечательного слависта С.Б. Линде, имеющего большие заслуги не только перед польской филологией, но и перед белорусской и русской. Обширный его очерк «О литературе российской», составленный в форме разбора многотомного библиографического труда В.С. Сопикова, впервые познакомил польского читателя с богатствами восточнославянской словесности.

Сотрудники Румянцева работали над переводом двухтомной «Русской правды» И.Б. Раковецкого (Варшава, 1822), значительная часть которой была набрана церковнославянскими шрифтами ликвидированной незадолго до этого Супрасльской типографии, выпустившей немало книг и для русских старообрядцев. Не приходится удивляться, что одновременно с собиранием документальных материалов и книг, научной работой и переводами члены Румянцевского кружка деятельно изучали старинную актовую лексику, составляли словари языков многих народов России, особенно живших в Великом княжестве Литовском – белорусского и литовского. Курьезным, правда, ныне кажется обращение канцлера к данцигскому пастору Х. Мронговию, занимавшемуся кашубским наречием, которое почему-то казалось пастору более близким к русскому языку, нежели к польскому.

Гигантская археографическая работа, начатая Румянцевым и его «дружиной» в Европе, мыслилась всего лишь как средство, а не цель. Государственный канцлер, наиболее близкие и верные его сотрудники надеялись положить в основание будущей научной истории России важнейшие документы, большей частью неизвестные, создать единое хранилище всевозможных ее свидетельств, часть которых они столь самоотверженно спасали, не считаясь ни с материальными, ни с физическими затратами. Настоящую, правдивую, без выдумок и приглаживания историю России еще предстоит написать. Наступит это не ранее, чем удастся собрать важнейшие акты документы и иные свидетельства, изучить и опубликовать весь подобный материал. Летопись судеб отечества не беллетристика, а наука – так, видимо, считали Румянцев и его окружение. В письме к митрополиту Евгению Болховитинову он, например, высказал такую мысль: «Я имею причину думать, что Николай Михайлович [Карамзин – Ю.Л.] поверхностно брал только сведения из важных для российской истории материалов».

Несмотря на критическое отношение к главному сочинению Карамзина «История государства Российского», члены

«ученой дружины» и ее предводитель постоянно оказывали разнообразнейшие услуги историографу. Снабжали новейшими сведениями, копиями актов, помогали ненавязчивыми советами, видя в нем более литератора, а не ученого. Такой авторитет в области русской историографии, как В.С. Иконников прямо считал в этой связи, что «самая возможность появления в это время труда Карамзина, в значительной степени объясняется деятельностью того же Румянцевского кружка».

Румянцев и его единомышленники мечтали о другом – создать музей древностей, подарить потомкам, России саму ее овеществленную историю. Музей мыслился не как простое хранилище, а как институт, где ведутся интенсивные исследования, готовятся к печати всевозможные документальные источники, «до истории России касающиеся».

Румянцевская идея музея-института оказалась близка и поляку Ю.М. Оссолинскому, воплотившему ее в те же годы на пользу своему отечеству – Польше и «всему славянству». Умершие в один год, они собрали, на удивление, почти одинаковые по объему книжные коллекции, легшие в основание знаменитых ныне Российской государственной библиотеки и Оссолинеума – научной библиотеки и издательства.

В конце жизни Румянцева библиотека насчитывала около тридцати тысяч книг. Была она по преимуществу исторической – не менее двенадцати тысяч томов представляли российскую и мировую историю. В нее вошли частично или же почти целиком и некоторые известные в свое время частные библиотеки, которые канцлеру удалось приобрести или же получить в дар. Например, библиотека академика А.-Х. Лерберга – одного из первых исследователей российской истории, интереснейшее собрание И.С. Голландера, книги из коллекции Наполеона I и его жены Марии-Луизы, подаренные ими Н.П. Румянцеву, и других не менее известных лиц.

Имевший явную слабость к инкунабулам, Румянцев собрал их свыше сотни, чуть больше оказалось у него старопечатных русских и славянских книг, набранных преимущественно кирилловским шрифтом. Много позже, в начале 1860-х гг., когда собрания канцлера перевезут в Москву, опытные библиографы отметят некоторые его выдающиеся редкости, среди них – первое издание «Слова о полку Игореве», вышедшее в 1800 г. в Москве под названием «Ироическая песнь о походе на половцов удельнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие».

СВАТААГО ОУТЦА НАШЕГО ИШАНА ЗЛАТОУСТА АГО · СЛОВО
НА ПРЪВЪННЦЪ :

ѸЗ ЧОУДЕСЪ КЪ ЧОУДЕСАМЪ ГОСПОДЬНЪМЪ
ХЕДИМЪ БРАТНМ · И ДО НА ДЪМЪ АКЦИОТЪ
СНАЗИНА СНАЖ · ЕМОЖЕ БО ВЪ ЧРНИГАХЪ ЗЛА
ТАХЪ · ПРИ ТОИЪ ЦАРОУГЪ ДРОУЗЪ СЪ ПЛЕ
ТЕНЪ · ЕАНО ЕАНОГО ДРЪНТЪ СЪ ПЛЕТЕ
НЫ И ХЪ КОЕЖДО · СВЪЗКОУ ПЛЕНОЖЕ КОЕ
ЖАНО ^{МОЖЕ} ЖДО · И ПРОАЛЪЖА ЕМОКЪ ТЪ ·
И НЦЕ И СВАТЗИМЪ ЕУ АГГЕАНИ ЧОУДЕСА ·
ДРОУГЪ ОТЪ ДРОУГА МА ПРАВЪ ГИЖТЪ · ПРА
ЗДЪНИКОМЪ ЛЮБНЕ ЖЕ ЦРЬКЪ ВЪ ХРИСТО
СОВОУЖ ВЕСЛАТЪ · НЕ ПОГЪБА ИШТЕ ЕЖ ПИ
ШТЕ ЕЖ · НЪ ПРЪВЪ ВАЖШТЕ ЕЖ ВЪ ЖИЗНЬ
ВЪ ТИ ДЪЖ · (Ѹ) ОУБВИМЪ ВЪЗЛЮБЪ ИНИ ·
ОУГОТОВАНОМЪ РЪДЪЦЕМЪ · И ОУШИМА ДОБРЕ
СЛЪШАШТЕ МЪ · СЛЪШИМЪ ТО ГЛАГОЛЕТЪ
НАМЪ ГОСПОДЬ ГОСПОДЬ · (Ѹ Ѹ) ВЪ ПРРОУЦЪХЪ НЪ
ЕУ АГГЕАНАХЪ · ОИВАТЪ БЪ МЪ СЕМЪ ПРАЗДЪНИ
ЦЪ · ГЛАГОЛАТИ ЖЕ ОУТО (Ѹ) ИМАТЪ МИРЪ НА ЛЮ
ДЪХЪ И ВОИЪ · И НА ПРЪПОДОБЪНЪ ИХЪ СИ ·

Копия листа Супрасльской рукописи XI в.,
снятая рукой о. Михаила Бобровского

Владельцем рукописи «Слова» был известный библиофил граф А.И. Мусин-Пушкин, прославившийся в бытность свою обер-прокурором Синода безвозмездным изъятием из церквей и монастырей древних книг, включая и «харатейные», то есть пергаменные. Так составила богатейшая библиотека обер-прокурора, беззастенчиво обиравшего по праву начальника старинные русские «либерии» и древлехранилища. Задним числом, следуя принципу «лучше поздно чем никогда», Синод все же уличил бывшего патрона в крупных хищениях, разразился небольшой скандал, не имевший для влиятельного графа никаких последствий.

Роковой год в истории Российской империи – 1812-й – оказался трагическим и в судьбе «Слова» – рукопись его вместе с библиотекой Мусина-Пушкина погибла в огне «великого московского пожара». Сгорели и все другие коллекции бывшего обер-прокурора Синода, большая часть экземпляров печатного «Слова», так и не нашедших за двенадцать лет своих читателей.

Румянцев и несколько его сотрудников внимательно следили за всем, что оказывалось связанным со «Словом». Случайно или нет, в 1816 г. канцлер приезжает в Ярославль, где четверть века назад Мусин-Пушкин приобрел объемный рукописный фолиант, содержащий среди прочего «Слово о полку Игореве». Умерший годом позднее счастливый первооткрыватель «героической поэмы», державший в строгом секрете место находки, видимо, не смог навести на ложный след проницательного канцлера. Румянцев тщательно обследует здешние древлехранилища, интересуется личностью архимандрита ярославского Спасского монастыря Иоилия Быковского, от которого рукопись «Слова» попала к Мусину-Пушкину. Трудно сказать, в чем именно убедили Румянцева собранные в Ярославле сведения и документальные материалы, но в 1819 г. по его инициативе в Петербурге выходит в свет новое издание «Слова», озаглавленное «Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода-Северскаго, вновь преложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний». Эта, третья по счету, публикация «Слова» имела заметный успех.

Я.О. Пожарскому удалось значительно продвинуться в изучении этого памятника. Правда, язык поэмы он достаточно настойчиво сравнивал с Краледворской рукописью, якобы открытой совсем недавно чешским ученым В. Ганкой, на самом деле фальсифицировавшим тексты этого «древнего манускрипта». Ганке удалось изготовить превосходную фальшивку,

восхищавшую своей «подлинностью и народностью» многих славянских и не славянских романтиков, пробудившую в Чехии интерес к прошлому родины. То действительно был искуснейший подлог, в небывалой степени способствовавший чешскому национальному возрождению. Ганка совершил историческое дело – разбудил свой народ.

Первые публикации «Слова», включая и осуществленную на средства Румянцева, имели в жизни России едва ли не большие последствия. С этого времени интерес к отечественной древней литературе, культуре, героическому прошлому в слоях образованного общества выходит за рамки узко научного, он охватывает уже очень многих, вновь становится общенациональным. Помимо исконных хранителей основ древнерусской культуры – старообрядцев, для которых «древнее благочестие» было самой их жизнью, появляются ценители прекрасного в старине и среди ученых, писателей, богатых аристократов, утративших в век Просвещения эту некогда неразрывную связь со многими поколениями своих предков. Древнерусское становится модным, суждение о нем «природных русаков» с высот новоевропейской образованности, порой на французском, немецком, английском и даже латинском языках, обнаруживало в большинстве случаев невероятный дилетантизм.

Рукописи, древние грамоты, старопечатные книги, иконы отныне собирают многие; у старообрядцев появляются неожиданные конкуренты, отцы и деды которых еще недавно без сожаления расставались с этими богатствами, в конце концов оказавшимися в домах верных последователей Аввакума. Вызывавшая у воспитанных в традициях французского вольнодумства отца и деда презрительную улыбку, старинная рукопись, писанная красивым древнерусским полууставом, ныне заставляла наполняться трепетом и гордостью их сына и внука, спешно приумножавшего подобные раритеты, а для него теперь и святыни, в родовой библиотеке, некогда почти освобожденной от подобного «вздора». Для его приобретения он теперь вынужден был обращаться к все тем же старообрядцам, постоянно помогавшим и Румянцеву.

Комиссионерами канцлера оказывались и богатые старообрядческие купцы и бедные крестьяне. Были они и среди крепостных графа, отпускавшего их за доставленные ему особо ценные книги на волю. Щепетильный в вопросах чести, Румянцев никогда не пользовался сомнительными каналами приобретения памятников культуры. Он строго выговаривал своим

сотрудникам, решившимся на такое, и всегда отказывался от книг, добытых подобными путями.

Международный характер его археографической деятельности предполагал различные формы непосредственного приобретения рукописей, старопечатных книг и документов. Чаще всего это была покупка по взаимному согласию, совершенная самим канцлером или наиболее опытными и доверенными членами «ученой дружины», нередко без ведома канцлера. За отдельные рукописи канцлер платил тысячи рублей, его сотрудникам поручалось совершать менее дорогостоящие покупки. Самое интересное, но не продажное копировалось, за что также щедро расплачивались с переписчиками и художниками. Вознаграждение следовало даже в том случае, когда на остатки книжной старины смотрели как на хлам, лишь случайно пока не уничтоженный.

Современные исследователи справедливо признают, что основная часть рукописной и старопечатной книжности попала к канцлеру благодаря старообрядцам, преимущественно купцам-книгопродавцам. «Поступления оригинальных рукописей из купеческих собраний и составили наиболее значительную часть коллекции Румянцева», – пишет В.П. Козлов.

Силы «ученой дружины» в приобретении древностей были слишком неравными в сравнении с силами старообрядческими. Один старообрядческий коллекционер мог предложить канцлеру сразу же десятки рукописей и первопечатных славянских книг, приобретенных им за одну поездку в глухие уголки России, где сам он чаще всего покупал или выменивал их у своих одноверцев. На такое приобретение купец-старообрядец расходовал незначительные суммы или же предлагал за расстрепанную рукопись новенькую старообрядческую печатную книжку, набранную хорошо читаемым четким шрифтом в одной из тайных типографий.

Румянцев и сам охотно посещал центры старообрядческой книжной торговли, главным из которых была, без сомнения, знаменитая Макарьевская ярмарка. Проезжая через села, городки и города со старообрядческим населением, он и его помощники обязательно наведывались к местным книгочеям, о которых узнавали заранее, а порой и поддерживали с ними многолетние контакты. Таким образом в румянцевское собрание попало много книг от подмосковных и московских старообрядцев, рязанских, тверских, нижегородских.

Принадлежавший Румянцеву Гомель и его здешняя усадьба были связаны с близкорасположенными, знаменитыми в

ЖИВНА НА ПАСХУ:

ЖЕ СКОМНЕ ЖЕ СЛОВО
 И СЛОВО КЪ ЖЕ
 НЕ ЖЕ КЪ СЛОВО И
 СЕ КЪ И ПЕРВА ЖЕ
 БЯ ИВСА ТЪ МЪ
 КЪША ИЕЗУС
 ГОМЕ БЪ И НИУ

СОЖЕ ИЖЕ КЪ И ВЪ
 ЛЪЖНО ТЪ ИЖИ
 БО РЪБЪ БЪ ТЪ
 УЛКО МЪ ИВЪ
 ТЪ БЪ ТЪ МЪ СЪ
 ТИ ТЪ И НТЪ МЪ
 КРОНО БЪ ТЪ БЪ
 УА БИ СЪ ПОСЛА МЪ
 ЖЕ ИЛЛА КЪ МЪ
 НО А МЪ СЪ ПРД
 БЪ СЪ БЪ ДЪ ТИ ЛЪ

СЪ БЪ ДАСЪ БЪ ДЪ
 ТЪ ЛЪ СЪ ТЪ БЪ МЪ ТЪ
 И КЪ ТЪ ДЪ БЪ МЪ
 РОЦЪ ПЛОУ ТЪ КЪ МЪ
 НЕ БЪ ТЪ СЪ КЪ ТЪ
 МЪ ДАСЪ БЪ ДЪ ТЪ
 ЛЪ СЪ ТЪ БЪ МЪ ТЪ СЪ БЪ
 ТЪ ИЖЕ СЪ КЪ ТЪ
 ИСТИНЪ И ДИ И ЖЕ
 ПРОВО СЪ ЦА КЪ ТЪ
 ВЪ СКОРОУ А ВЪ КЪ
 ГРЪ ДОУ ЦА ГРОВА
 МНЪ ВЪ МНЪ
 БЪ ИЛ ПРЪ ТЪ МЪ
 БЪ ИЛ ПРЪ ТЪ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ
 И ПРЪ СЪ О ИЖЕ

Заглавный лист пергаменного «Добрилова евангелия» 1164 г. из собрания Н.П. Румянцева

истории старообрядчества Веткой, Стародубьем, Клинцами. Не случайно одним из его постоянных комиссионеров становится клинцовский купец С.Ф. Карташов, авторитетнейший в России знаток древней книжности, владелец превосходной библиотеки и «тайных старообрядческих печатен».

Интересовали канцлера и обширные собрания крестьян-старообрядцев, покупавшиеся им иногда почти целиком. Крестьяне-старообрядцы, крепостные Румянцева, часто доставляли ему нужные древние книги. П.А. Бессонов вспоминал, что один из них, узнав о пергаменном «Октоихе», «нарочно» ездил за ним в «Браилов на Дунае».

Румянцева очень быстро понял, кем были старообрядцы для России и стал оказывать им всяческое покровительство. В этом он отчасти следовал заветам своего отца, в имениях которого старообрядцы не только не чувствовали никаких стеснений, а наоборот получали всемерную помощь и поддержку. Об этом, в частности, свидетельствуют многие сохранившиеся документы. Так, например, в архивных делах знаменитого Лаврентьева монастыря есть прямые указания на то, что эта старообрядческая обитель «пользуется от графа Румянцева наданными лесными, сенными и огородными... бесплатно». Любопытно, что царские чиновники в своих донесениях ставят эту помощь Румянцева монастырю наряду со вспоможениями богатых старообрядцев «московских, Санкт-Петербургских и прочих». Более того, оказалось, что Николай Петрович способствовал братии Лаврентьева монастыря оставаться в староверии. В дошедших до нас архивных материалах есть такие строки: «Монастырь сей Лаврентьев в 1797 году указом... Синода по поводу прошения монаха Авксентия от себя, духовника Давида и самих тамошних жителей, предписано было присоединить к Святой церкви, но сие не исполнено тогда, по возмущению упорных раскольников, а в последствии времени в сем заблуждении удерживаемы были начальниками ревнителей сей секты, из которых последний Симеон прошлого года апреля месяца умер». О характере взаимоотношений «настоятеля Лаврентьева монастыря» о. Симеона и Н.П. Румянцева можно судить, например, по письму графа к этому знаменитому старообрядцу. Письмо это сохранилось в белорусских архивах и впервые публикуется: «Смиранный отец Симеон помня прозбу вашу о позволении построить в Лаврентьевском монастыре воловью мельницу хотя желал я для обители в начальстве вашем находящейся, доставить удовлетворение но по принятым уже мной правилам о мельницах нахожу в том неудобность в

доказательство ж расположения моего оказать вам угодное поручил я Ивану Юрьевичу в предь до моего распоряжения дать приказание перемолывать на ближайших к обители вашей мельницах в год до двух сот четвертей ржи без взыскания подлежащей в доход мой десятины; в протчем поручай себя усердным малитвам вашим и всей братии пребывай готовым всегда к услугам. На подлинном тако: граф Николай Румянцов 1814-го года октября 9. Гомель».

Такой знаток старообрядчества, как П.И. Мельников-Печерский, заподозрить которого в особых симпатиях к «расколу» невозможно, писал о Н.П. Румянцеве и его «древлеправославных» подданных, всегда встречавших канцлера «с царскими почестями»: «Заблаговременно извещенная о приближении знаменитого гостя, монастырская братия выходила за ограду, встречала графа с колокольным звоном и пением духовных песен. Навстречу посетителю выносились кресты, иконы, хоругви, зажженные свечи. Румянцев, приложась к кресту, обыкновенно входил с пением иноков в часовню, прикладывался к образам и затем отправлялся к настоятелю. Иногда принимал участие и в братской трапезе. Можно представить, какое впечатление производили на старообрядцев, особенно живших в отдаленных от Белоруссии краях, такие посещения их монастырей столь важным государственным сановником. Нимало не удивительно, что в кругу старообрядческом и доселе есть старики, полагающие за несомненное, будто канцлер сам придерживался “старой веры”. Чем же иным, говорят они, можно объяснить то великое участие, которое граф Николай Петрович принимал во всем, относящемся до Лаврентьева и других на его земле устроенных монастырей? Он был ктитором их и втайне придерживался “древляго благочестия”. Одно то обстоятельство, что он пожертвовал в Лаврентьев монастырь “походную икону” своего знаменитого родителя, с которою он подвизался против турок, не служит ли, говорят они, тому доказательством?

Конечно, нельзя допустить, что покойный канцлер был действительно раскольников. Ни воспитание его, ни вся молодость его, проведенная за границей среди дипломатов, ни отношения его к монастырям православной церкви не позволяют ни на минуту сомневаться в том, что он никогда не был раскольников. Тем не менее в известных нам правительственных архивах сохранились следы о странном покровительстве его старообрядческим монастырям, которое до некоторой степени не может не казаться загадочным. Так, например, в августе

1838 г. могилевский губернатор Марков нашел в Лаврентьеве монастыре довольно богатую ризницу, в которой особенно замечательна была «небольшая старинная икона, в позлащенном окладе, принесенная в дар канцлером графом Н.П. Румянцевым и известная под именем походной. Таковые же иконы Румянцев принес и во все прочие монастыри и часовни, находившиеся в гомельском его имении»».

Мельников-Печерский тщетно искал объяснение столь странному положению, когда «под покровительством Румянцева гомельские старообрядческие монастыри достигли цветущего состояния» и даже «не только полиция не имела въезда в старообрядческие монастыри... но и православное духовенство лишено было возможности действовать на монастырских жителей путем духовно-нравственного убеждения». И ведь длилось все это долго, очень долго – «в продолжение сорока почти лет».

Не решаясь по разным причинам самостоятельно ответить на столь сложный и щекотливый вопрос, затрагивающий одну из самых болезненных точек внутренней политики Российской империи, Мельников-Печерский обращается за помощью к слухам и пересудам: «Чем же объяснить такое покровительство графа Румянцева старообрядчеству? Знавшие лично канцлера объясняют это очень просто. Граф, собравший (по преимуществу у старообрядцев) драгоценное собрание старинных русских рукописей, находящихся ныне в Московском музее, несмотря на огромное состояние, был неизмеримо скуп. Так, он Калайдовичу за такой труд, как «Иоанн экзарх Болгарский», заплатил только 25 рублей ассигнациями; такую же плату получали от него и другие составители и переводчики издаваемых им книг. Ограждая «своих подданных» старообрядцев, покровительствуя им, принося в дар их монастырям родовые иконы, Румянцев за бесценок, а большею частью и совсем даром, приобрел драгоценное собрание. Старообрядцы Лаврентьева и других монастырей, посредством своих агентов, повсюду собирали древние рукописи и дарили их могущественному покровителю».

С подобным «объяснением» «странного поведения» графа в отношении старообрядцев можно согласиться лишь в одном: лояльность и расположенность к нещадно гонимым библиофилам, прямое покровительство им действительно давали ему исключительную возможность в пополнении собственной книжной коллекции. Правда, делал все это он не в корыстных целях. Покровительство канцлера основывалось скорее на глубокой

ВЪУЕР· ·Е· НЕ·
·Е·УА· ·О·НОАНА·

ЕУЕРЪКЪПРНШЬ
ДЪШНМЪКЪНЕМОУ
НЮДЖОМЪНАСОУДЪ
АЗЪВЪВСЬМНРЪПРН
ДОУЪДАНЕВНДАЩЕ
НВНДАТЬ·НВНДАЩЕ
А НСЛЪПНБ ОУДОУТЬ·
Н СЛЪШАШАЖЕ·О·ФАРН
СЪН·СОУЩЕНСЪННМЪ
НРЪШАКМОУЕДАН
МЪСЛЪПНЕСМЪРЕ
ЖЕНМЪСЪ·АЩЕБЪ
СТЕСЛЪПНБЪЛННЕ
БЪСТЕНМЪКАНГОЖ

Фрагмент листа пергаменного Евангелия
конца XII – начала XIII в. из собрания Н.П. Румянцева

симпатии к хранителям древних устоев, национальной культуры. Да и свое «драгоценное собрание» Румянцев приобрел не «даром», как о том спешил сообщить читателям Мельников-Печерский, пополнявший свою собственную библиотеку, обирая преследуемых им старообрядцев.

Для Мельникова-Печерского старообрядцы и старообрядчество были совсем не тем, чем для Румянцева. Если канцлер видел в старообрядцах хранителей русской культуры и народности, то Мельников-Печерский, «усердно следивший за раскольниками в видах правительства», стремился получить максимальную выгоду от прямых гонений на них, часто предпринимавшихся непосредственно по его доносам. В своих отчетах и рапортах начальству, включая даже министра внутренних дел России, он не забывал перечислять старообрядцев, торговавших книжной стариной.

Вот фрагмент составленной им «записки» о нижегородце-антиквариате А.С. Головастикове: «...занимается торговлею старопечатными и старописьменными книгами и иконами и распространением между раскольниками сочинений, направленных против православия. Он разъезжал по разным губерниям России, скупал книги и письменные памятники нашей старины и продавал их в лавке своей на Нижнем базаре в Нижнем Новгороде, торговал ими и на ярмарке нижегородской. Он раскольник беглопоповской секты, но, поступив лет восемь назад на городскую службу, записался в единоверцы, хотя на исповеди и у причастия никогда не бывал. Он обладает быстрым умом и редкою памятью; знаком со старинною русскою литературою, а тем более с литературою раскольническою. С такими знаниями он проповедовал раскол в своей лавке собиравшимся в ней разного рода людям, особенно он занимался этим во время нижегородской ярмарки...»

Иногда Мельников-Печерский не в силах скрыть своего восхищения познаниями старообрядцев. Через двадцать лет после смерти Румянцева он начинает с восторгом писать о старообрядческих знатоках: «Заведя знакомство с раскольниками, что сделать я имею весьма редкий случай, я могу, по крайней мере, описать многие старинные книги, у них находящиеся. Как много у них старинных книг, этому может служить доказательством разговор мой и директора здешней ярмарочной конторы, графа Дмитрия Николаевича Толстого, занимающегося также археологиею, с одним из раскольников. Мы читали ему списки старопечатных книг. Он их все почти знает и сказал нам о 13 книгах, которых нет ни в одном описании старопечатных книг».

Знакомство с Мельниковым-Печерским, которому старообрядцы бескорыстно оказывали помощь ценнейшими древними изданиями и рукописями, частично им даже публиковавшимися в российских журналах, а потом и в собственных книгах, очень дорого обходилось представителям «древляго благочестия». От обыска и расправы Мельникова-Печерского не спасся и его старинный знакомый, книгопродавец Головастиков, более десяти лет помогавший своему тайному, а потом и явному гонителю, с которым все эти годы он почти дружил, щедро снабжая его редчайшими книгами.

У Румянцева едва ли не самым любимым «комплектатором» библиотеки был В.М. Пискарев, известный антиквар, «московский мещанин, живший в Рогожском кладбище, в доме Хлебникова», то есть являвшийся старообрядцем-беглопоповцем, центр которых находился на Рогожском кладбище в Москве.

Давая распоряжение А.Ф. Малиновскому о покупке древностей, канцлер писал: «С большим удовольствием получил я... те три рукописи, которые купить изволили для меня столь дешево у Пискарева; я книгами сими радуюсь, и прошу вас велеть кому-нибудь стеречь возвращение из Ростова вышеупомянутого Пискарева, дабы он не успел кому-либо казать или продавать те рукописи, за которыми он поехал».

Румянцева не удивляло более, что старообрядческие археографы и собиратели опережали его почти повсюду. Даже в древлехранилица белорусского Мстислава ученые сотрудники канцлера попали слишком поздно: наиболее старые документы «в недавнее время» оказались раскупленными старообрядцами. И, может быть, самое сенсационное открытие за всю историю румянцевских археографических экспедиций – «Изборник Святослава» 1073 г. – было не таким уж бесспорным: еще в начале XVIII столетия на далеком Выгу прекрасно знали эту рукопись, пользовались выписками из нее, а возможно, и копией. В прогремевших на всю Россию «Поморских ответах» на предъявленные старообрядцам обвинения со стороны официальной церкви, облеченные в форму древнего документа-фальшивки, фигурировали ссылки и на эту «первую русскую энциклопедию» – одну из старейших отечественных книг как бы вновь «открытую» сотрудниками Румянцева.

Естественно, не одни старообрядцы и члены «ученой дружины» становились комиссионерами Румянцева. «Получив... доказательства, что в Одессе выходцы из Молдавии и даже греки, покинувшие Царьград, продают рукописи», он мобилизует для

их покупки самых разных лиц. Румянцев пытается купить и целые большие коллекции книжных рукописей, принадлежащие собирателям из привилегированного круга. Знаменитое собрание графа Ф.А. Толстого также не осталось без внимания канцлера. Его владельцу Румянцев готов был уступить даже свое подмосковное имение, куда, кстати, было переселено немало крепостных крестьян с Гомельщины. К сожалению, сделка не состоялась.

Ничем закончилась и попытка канцлера приобрести библиотеку А.И. Сулакадзева – известного петербургского коллекционера, прославившегося своими подделками рукописей «под старину». Правда, в Российскую государственную библиотеку часть рукописей и печатных книг из этой коллекции все же попала. Довольно много их оказалось у петербургского библиофила Н.П. Дурова, чье собрание вошло в фонды Московского публичного и Румянцевского музеев через полстолетия после смерти Румянцева.

Нередко канцлера интересовали всего лишь несколько или одна книга, хранившиеся в чьем-то частном собрании. Так было со «Сборником Кирши Данилова», попавшим в руки А.Ф. Якубовича, частично издавшего этот «кладезь русского фольклора» в 1804 г. Румянцев покупает у владельца «Сборник» и поручает Калайдовичу подготовить новое, полное его издание, вышедшее в свет в 1818 г., правда, в несколько урезанном виде из-за цензурных препятствий.

Много ценных книг Румянцев приобрел в государственных и церковных собраниях, всегда согласовывая щедро оплачиваемую покупку с местным начальством. Это делалось не только в отдаленных губерниях России, но и в первопрестольной столице – Москве. Часто подобное удавалось лишь благодаря расторопности сотрудников канцлера, прежде всего К.Ф. Калайдовича, И.И. Григоровича, П.М. Строева, А.Ф. Малиновского, А.Х. Востокова, а также менее именитых: полтавского чиновника Д.В. Блаватского, полоцкого архимандрита И. Шулякевича, способствовавшего приобретению знаменитого «Добрилова евангелия» 1164 г. – древнейшей книги румянцевского собрания.

Сокровищница редкостей

Рукописная часть библиотеки канцлера насчитывала более тысячи оригинальных книг и копий, различных подлинных актов и более поздних списков с документальных памятников, преимущественно сделанных по заказу самого Румянцева. Подавляющее большинство рукописей на книжном славянском и древнерусском языках, их около шестисот. Свыше двухсот рукописей коллекции на латинском, немецком, французском, итальянском, шведском, английском, польском, датском, исландском и греческом языках. Они написаны латиницей и греческим письмом. Восточных рукописей у Румянцева было немного. Он интересовался лишь теми, что содержат сведения по истории России. В коллекцию попали в основном манускрипты на турецком, арабском, персидском, азербайджанском, армянском и грузинском языках.

Канцлер по праву гордился своим рукописным собранием, над подробным описанием «славяно-русской» части которого еще при его жизни начал работать Востоков. Огромный том каталога вышел в свет в 1842 г. под заглавием «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума». Это был гигантский труд сорокалетнего ученого, занявший почти все годы его сознательной жизни.

Уроженец Эстонии, настоящая фамилия Востокова – Остенек, он создал совершенно новое археографическое пособие, равных которому в ту пору не было. Для Востокова, получившего прекрасное образование в кадетском корпусе и Художественной академии, работа над описанием румянцевских рукописей стала дополнительным университетом, во многом определившим все его дальнейшие научные склонности к

изучению славянских древностей. «Описание» стало своеобразным памятником Румянцеву и его коллекции, полностью оценить которую соотечественники смогли лишь много позднее.

Восточнославянские книжники издревле имели замечательный обычай: заканчивая переписку рукописи или собственное сочинение, выражать радость и даже восторг содеянному. Древнейший пример тому находим в «Добриловом евангелии», написанном дьяком «Константин, а мирскы Добрило» для попа Симеона (XII в.). В конце этой рукописи, приобретенной Румянцевым в Полоцке, читаем: «Яко же радуется жених о невесте, тако радуется писец видя последний лист».

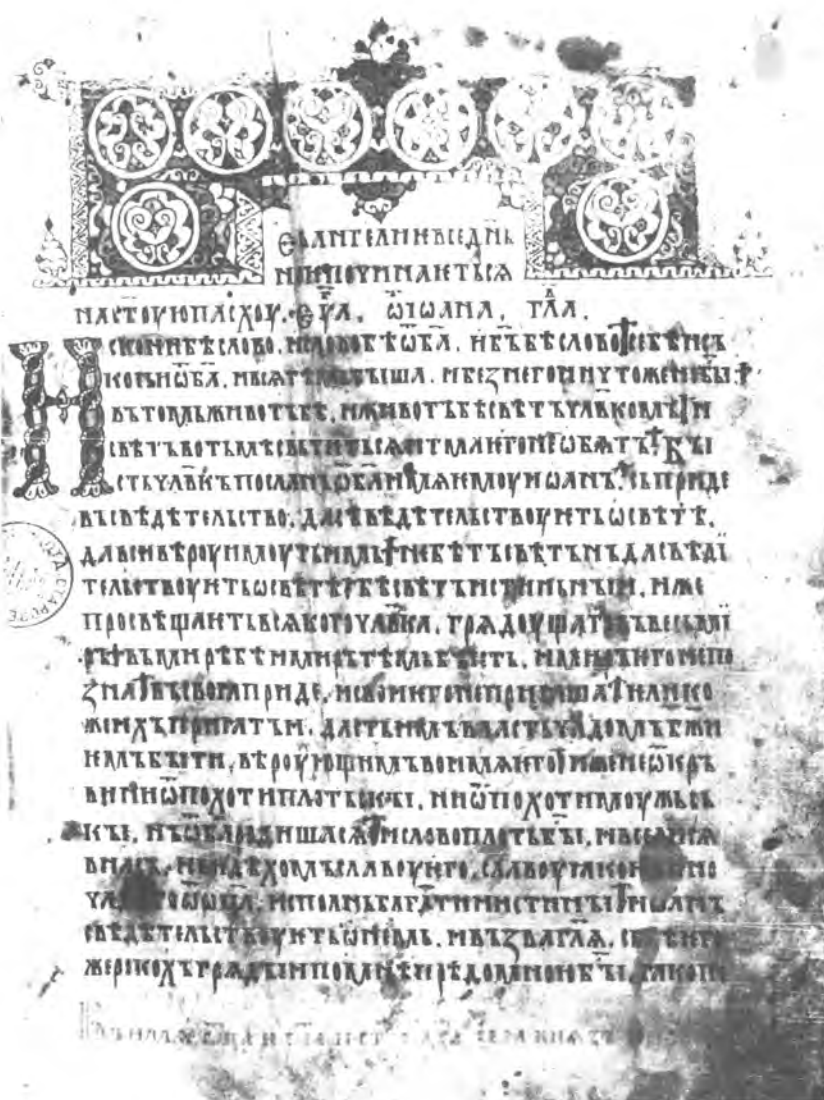
К XII в. относится и еще одна пергаменная рукопись румянцевского собрания. Здесь есть также несколько пергаменных рукописей XIII в. и около тридцати XIV-го. В их числе ценнейшее «Симоновское евангелие» 1270 г., купленное канцлером у зарайского купца-старообрядца К.И. Аверина, одного из самых замечательных «знатоков» и «собирателей». Рукопись правильнее называть «Евангелием Георгия», по имени ее писца: «Писах же книги сия аз Гюрги, сын попов глаголемаго Лотьша с Городища». К одному времени с «Симоновским» принадлежит и «Холмское евангелие», а также «Устюжская кормчая» – свод различных юридических правил.

В общей сложности в коллекцию Румянцева попало сорок пять древнейших пергаменных рукописей, шесть из них относятся к XV столетию, которое представлено также почти сорока рукописными книгами на бумаге.

В число рукописей XV в. входит и более поздний список «Изборника Святослава» 1073 г., точная копия которого готовилась по заказу канцлера в течение целого года. Художник А. Ратшин воспроизвел даже мельчайшие детали. Все было готово для факсимильного издания этого памятника, издания, увы, так и не состоявшегося. В румянцевской коллекции копии Ратшина был присвоен № 356, под которым она и по сей день в ней хранится.

Подавляющее большинство «славяно-русских» рукописей XVI, XVII и XVIII вв. исторического содержания – их многие десятки, значительно число литературных сочинений, а также юридических памятников.

Замечательны по подбору древние грамоты и акты – их сотни. В разное время приобретены они Румянцевым у частных лиц, в монастырских хранилищах, даже получены в дар. Таким дарителем, например, был полоцкий шляхтич С. Клепацкий.

Заглавный лист пергаменного «Холмского евангелия»
конца XIII в. из собрания Н.П. Румянцева

Собственностью канцлера стал выдающийся по значению архив Верхнетурской казенной избы, состоящий более чем из трехсот документов XVI–XVII вв., отражающих историю освоения Урала и Сибири.

Весьма представительно и собрание документов по истории Белоруссии, включающее немало пергаменных актов, начиная с XIV в.

Из ранних рукописей, писанных латиницей, должна быть отмечена пергаменная латиноязычная Библия XIV в., а также список XV столетия «Трактата о Первой Пунической войне» Леонардо Бруни, известного средневекового энциклопедиста, которым зачитывались Данте и Леонардо да Винчи.

Среди актового материала латинского письма наибольший интерес представляют сборники и подборки документов по истории прибалтийских земель и дипломатических отношений Московского государства.

От рукописной части собрания Румянцева неотделим и его архив, насчитывающий около 1000 единиц хранения. Архив Румянцева – летопись деятельности, трудов и дней «ученой дружины», неустанной собирательской работы великого библиофила. Пожелтевшие его листки о многом могут поведать нам, рассказать о судьбе уникальных книг; забытых ныне коллекционерах, писателях, книгопродавцах; чаяниях, надеждах и программах изучения исторического прошлого России. Помогут они восстановить обстоятельства больших и малых открытий «ученой дружины», даже сообщить неизвестные факты из истории древнерусской культуры, некогда добытые участниками Румянцевского кружка, доверенные бумаге, хранящей их верно до сих пор. Узнаем мы, например, об обстоятельствах находок списков Судебника Казимира 1468 г. – древнейшего письменного памятника права Великого княжества Литовского, впервые изданного сотрудником Румянцева белорусским профессором Даниловичем в 1826 г.

«Казимир Божьею милостью король Польский, великий князь Литовский и Русский, княжа Прусское и Жомоитьский и иных, чиним знаменито сим нашим листом, кто на него посмотрит или чтучи услышит, иж мы с князми и с паны радою нашею великого князства Литовскаго и с всим посполством согадавши урядили» – так начинается этот важнейший в истории законодательства белорусского, литовского, украинского, а отчасти и русского народов документ, провозвестник обширных правовых сводов Великого княжества Литовского – Статутов 1529, 1566 и 1588 гг.

К сожалению, не весь архив Н.П. Румянцева находится в Российской государственной библиотеке. Значительные его части хранятся в собраниях других городов России, а также Белоруссии и Украины. Немало румянцевских документов и в архивах Москвы. Да и в самой библиотеке есть рукописные материалы о деятельности Н.П. Румянцева и его «ученой дружины», попавшие сюда не в составе архива канцлера. Например, многие бумаги И.И. Григоровича, подаренные в 1871 г. его сыном – известным историком и архивистом, директором библиотеки и архива Священного Синода Н.И. Григоровичем Московскому публичному и Румянцевскому музеям. Они и по сей день находятся в «Музейном собрании» отдела рукописей Библиотеки, куда входят материалы, «поступавшие в отдел рукописей Библиотеки в 1861–1947 гг.».

Научная сотрудница Библиотеки К.А. Майкова в специальном обзоре, посвященном архиву Румянцевых, писала о документах, относящихся к книгособирательской деятельности канцлера: «Материалы по собиранию Н.П. Румянцевым книг, рукописей, карт, гравюр (положивших основание коллекции Румянцевского Музеума) состоят из описей, реестров и каталогов.

Опись русских изданий, хранившихся в библиотеке Н.П. Румянцева на 1814 год, содержит свыше четырехсот названий книг, вышедших в свет с 1804 года. Наиболее полно представлены книги по истории, географии, а также библиографические пособия.

Отдельного упоминания заслуживают каталог русских изданий XVI–XVIII вв., каталог изданий и переводов Фр. Скорины, реестры книг, продающихся у Пискарева, Вязмитинова, наряду с ними каталоги, присланные Румянцеву из Вены, реестры дезидерат, дублетов, каталоги инкунабул, альдов и эльзевиров, особые реестры на книги, купленные Н.П. Румянцевым в 1818, 1819, 1822, 1822–1826 гг., а также опись принадлежавших ему географических карт, планов, гравюр и эстампов (1814 г.). Наряду с каталогами и реестрами имеются подробные палеографические и текстологические описания отдельных древних рукописей и старопечатных книг, составленные К.Ф. Калайдовичем и И.И. Григоровичем.

Особую группу в архиве составляют сообщения о рукописях, принадлежащих разным хранилищам и частным владельцам. Таковы заметки о собрании рукописей Ф.Ф. Чацкого, о библиотеке В. Полетики, реестр списков летописей в Библиотеке Академии Наук, реестр верхотурских грамот и столбцов,

реестр древних грамот и актов Публичной библиотеки, выписки из реестра рукописей Архангельского патриаршего дома, Синодальной библиотеки и отдельных монастырских хранилищ».

В архиве Румянцева есть немало материалов и об открытии неведомых дотоле выдающихся сочинений древнерусских писателей, и о самих писателях. Имена св. Кирилла Туровского, Даниила Заточника, Кирика Новгородца и многих других заняли в истории словесности достойное место благодаря стараниям «ученой дружины». «Как патриотический подвиг рассматривали современники издание неизвестных до этого древнерусских литературно-публицистических сочинений» св. Кирилла Туровского. Их напечатал в 1821 г. Калайдович в сборнике «Памятники российской словесности XII века. Сочинения Кирилла Туровского, митрополита Никифора, Даниила Заточника, вопросы Кирика, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем». Это была образцовая работа, принесшая археографу массу похвал и заслуженную известность.

Впрочем, восторг разделяли далеко не все. Влиятельный журналист и издатель, редактор основанного Н.М. Карамзиным «Вестника Европы» М.Т. Каченовский вступил с Калайдовичем в открытую полемику. Спор имел принципиальное значение для всей тогдашней русской медиевистики, ведь оппонент Калайдовича сомневался в подлинности сделанных крупных открытий, оригинальности сочинений замечательного древнерусского писателя, в самом величии культуры времен Киевской Руси. Каченовскому казалось, что все это не заслуживает доверия, «баснословно». Св. Кирилл Туровский – обычный переписчик творений византийских авторов, и только.

Калайдович блестяще разбил построения оппонента, утвердил авторство св. Кирилла Туровского. Его горячая отповедь «В защиту творений Кирилла, епископа Туровского», напечатанная, кстати сказать, самим Каченовским в «Вестнике Европы» сразу же после появления там рецензии, стала и одним из первых у нас опытов настоящей научной критики древних текстов. Тридцатилетний Калайдович не только сделал всеобщим достоянием произведения признанных ныне в мире писателей древности, но и доказал своему учителю-скептику, а с ним и всем сомневающимся, что в начальный период своей истории восточные славяне имели великую культуру, способную дать литературные шедевры.

ТѢСНІИ КЪ НІИ ЛЪДНЫМЪ
 ДІАВОЛѢ І. МЦА МАЯ 6 А ДНЬ. СТЫС
 ПРРІА ІРЕНѢА. БАГОМЪЧЕ АМИНЬ.
 РЕМѢА СЛАВНЫ ПРРІСВ ШЩЕПНЫ И СЧРЕ
 ПАМТРИА. ІЗЪ БРАНЫ И ШБГА. БѢ
 ШТРАНЫ ІІОДЪ ИСКІА ШЕЛА НАПЕТА.
 ПРРЧЕ ТА ОВА СЕ Ш ПЛЕНЕНІИ ІЕРИМГО
 СЕТЕ. Ш ВЪ ПРІА И СОВЧЕГЪ ЗА СБѢТА, И
 ІА Ш СІА МЪ С ПЛА ВЪА. И СІРІОГО Ш ВГО
 ІСА МЕНѢА. І РЧЕ ПРѢСТАЮЩІМЪ Ш ІДЕ
 ГЪ Ш КОНЧА МГО. И ПІА СІ ПРІД СІ ІЛОЮ
 ШЕ ВЪА МЪ ЗНА МЕНІ ПРІШ СЕ ПІА ЕГО. Ш ПІА
 Ш ІА ІЗЪ ЦУ ПІО КЛОА МЪ Ш РЪОУ, РЧЕ СЕ
 ІА ІШ СІО ВЧЕ ГАСЕГО НИ ШІ Ш Ш ІА МЪ Ш ІЗНЕ
 СТИ ТІО ІМО А ДРОМЪ, ІІ СІА МЕНІ ІА ЦІЦУ Ш
 І СУЩІХЪ О ІЕЮ. ІІ НІ ШІ Ш Ш ІА МЪ Ш РАЗ СІ
 ТІ Ш Ш ТРЕЦЪ Ш ПРРІСВ Ш ПІА Ш РЪХЪ.
 КО Ш Ш ІМО Ш ІІ ІІ Ш БРАНЫ И Ш БЖІИ. ВЪ
 ДНЬ Ш О Ш РЕНІА ПІРІО ІІ КО ПЧЕГЪ Ш ЦІДЪ СІТЪ

Рукописный Пролог 1590 г. из собрания Н.П. Румянцева

Наш современник, профессор И.П. Еремин, посвятивший творчеству св. Кирилла Туровского многие годы, писал: «Историческая заслуга Кирилла Туровского заключается прежде всего в том, что уже в середине XII века он... поднял древнерусское художественное слово на высоту, недостижимую для его предшественников. Только автор “Слова о законе и благодати” мог бы состязаться с ним в этом направлении. Некоторые речи Кирилла Туровского симметрией своих составных частей, поэтической фразеологией, ритмическим строем напоминают стихи в прозе. На них лежит печать не только высокой литературной культуры, не всегда обычной даже для греков – учителей Кирилла, но и подлинного таланта».

Св. Кирилл Туровский ныне признанный гений древней литературы. В ней было немного писателей, равных ему. Велика сила Кириллова слова, его искусства. Лиризм и поэтичность произведений Кирилла Туровского завораживают даже тех из нас, кто не знает церковнославянского языка.

Жизнь писателя малоизвестна.

«Кирилл рожден и воспитан града... Турова в русской стране... богату родителю сын», – говорится в древнем сказании.

Этот уроженец одного из старейших городов Киевской Руси, расположенного в центре Белорусского Полесья на реке Припять, еще при жизни получил самую широкую известность. Современники называли его «Златоустом, паче всех воссиявших нам на Руси». Он стал классиком литературы, его произведения и за рубежами государства ценились наравне с сочинениями всемирно известных мастеров слова. Св. Кирилл оставил нам значительное литературное наследие – повести, слова, поучения, сказания, притчи, послания, гимнографические сочинения, в числе которых десятки музыкально-поэтических произведений, ставших гордостью белорусской, русской и украинской культур.

Авторитет св. Кирилла был необычайно велик, он переписывался с выдающимися людьми своего времени, выступал как их советчик и наставник. Кирилл «Андрею Боголюбскому много послания написа», которые до нас не дошли, как, впрочем, и большое число других его творений. Слово Кирилла всегда чтили на Руси. Произведения писателя часто переписывались отдельно, включались в самые различные рукописные сборники. Они вошли и в знаменитые «Торжественник» и «Златоуст», в основу которых положены сочинения Иоанна Златоуста – одного из величайших писателей в мировой литературе.

Во второй половине XVI столетия, одновременно с развитием книгопечатания, произведения св. Кирилла Туровского начинают активно издаваться. Впервые это сделали первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец в белорусском местечке Заблудово на Подляшье, где в 1569 г. в имении Ходкевичей они выпустили в свет сборник «Учительное евангелие», куда вошло и одно из слов св. Кирилла. В дальнейшем произведения писателя печатаются многократно, выдерживают по несколько изданий. В XVIII в. слава св. Кирилла сменяется почти полным забвением. Лишь у старообрядцев имя и писания св. Кирилла остаются незабвенными. Они всегда чтили своего «второго Златоуста», а быть может, раньше всех и вновь открыли его.

При знакомстве с главными богатствами румянцевской коллекции, рукописями, писанными кириллицей, и старопечатными книгами, набранными кирилловским шрифтом, возникают непростые вопросы об обстоятельствах и времени появления кирилловского письма, его создателях. Все это чрезвычайно интересовало и самого Румянцева и многих членов его кружка, написавших немало работ, тому посвященных. Ведь появление письма у того или иного народа всегда связывалось с началом «подлинной», развитой культуры, началом «государственной истории».

Канцлер и его «дружина» старались не пропустить ни одного слова, ни одного суждения о славянских просветителях св. Кирилле и св. Мефодии, высказанного в «ученой Европе», но особенно прилежно они собирали все то, что было о них известно, писалось на Руси в древние и более поздние времена.

Как ни парадоксально, но подобную любознательность не всегда приветствовали тогда даже церковные власти. Нашлись те, которые подвергли издателя «Библиографических листов» П.И. Кеппена осуждению за публикацию отрывков из монографии известного чешского слависта Й. Добровского о св. Кирилле и св. Мефодии, переведенной М.П. Погодиным при участии Востокова. Дело уладил Румянцев, инициатор перевода, издавший его на свои средства отдельной книгой в 1825 г.

Годом ранее в Москве было напечатано в высшей степени замечательное сочинение Калайдовича – «Иоанн, экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий», где деятельности св. Кирилла и св. Мефодия уделялось немало места. Конечно же, по прошествии стольких лет многие выводы и предположения ученого оказались не совсем верными, но для своего времени

это был огромный труд, с гордостью именуемый отечественными славистами классическим. Мировая славистика не знала тогда работ, где бы с подобной тщательностью, основательностью и верностью были переданы древнейшие славянские тексты, составившие особое объемное приложение к исследованию. «Иоанн, экзарх Болгарский» Калайдовича надолго стал образцом подобных публикаций, явился едва ли не лучшей монографией «ученой дружины» и самой удачной антологией древних текстов, при подготовке которых использовалось большое число различных списков, происходящих из многих книжных хранилищ, включая румянцевское.

Те же приемы археографической работы были использованы членами Румянцевского кружка и при создании приложения-антологии к переводу труда Добровского о св. Кирилле и св. Мефодии. Помимо текста исследования в книгу вошли различные жития «словенских первоучителей», извлеченные из рукописей знаменитых собраний, в том числе и румянцевского.

Что же мы знаем сейчас о появлении славянской письменности, об изобретении славянского алфавита?

Появился он в 863 г., более одиннадцати веков назад. Вот как это описано в сказании «О письменах» древнеболгарского книжника IX в. Черноризца Храбра: «...прежде славяне не имели письмен, но пользовались чертами и резами. Когда же приняли христианство, то пробовали записывать свою речь латинскими и греческими буквами... Но нельзя хорошо записать греческими буквами... [славянские слова]. Было так многие годы. Потом же Бог... помиловал род славянский и послал им... Константина [Кирилла] Философа ... [Он] создал для них тридцать восемь букв, одни по греческому образцу, другие же сообразно со славянской речью». Наши предки высоко чтит имя изобретателя славянской азбуки – Константина, в монашестве Кирилла Философа.

В начальной отечественной летописи «Повесть временных лет» есть довольно большое повествование о создании славянской азбуки. Вот несколько строк из него: «...бо первое преложены книги... яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских», то есть «были созданы письмена, прозванные славянской грамотой и эта грамота одна и на Руси и у болгар».

Во многие буквари неизменно входил рассказ о св. Кирилле Философе. Уже русский и украинский первопечатник Иван Федоров включил в свою «Азбуку», изданную 18 июня 1578 г. в Остроге, сказание Черноризца Храбра. На листе 48 «Азбуки»

Заглавный лист рукописного Стоглава 1600 г.
из собрания Н.П. Румянцева

можно прочесть заглавие этого сказания: «Сказание, како состави святыи Кирилл Философ азбуку, по языку словенску и книги преведе от греческих на словенский язык».

С каждым столетием росла слава св. Кирилла Философа и его брата св. Мефодия, помогавшего в создании славянской азбуки и переводе книг с греческого «на словенский язык». Были созданы жития, небольшие повести о жизни и деятельности св. Кирилла и св. Мефодия. Они получили очень широкое распространение среди славянских народов. До наших дней сохранились многие десятки рукописных списков этих сочинений. Самый древний такой список датируется XII в.

Возникновение книгопечатания, появление у славян печатной книжности способствовало небывалому распространению славы изобретателей славянской азбуки. Известия о них включались во многие издания на протяжении нескольких веков. Русский царь Алексей Михайлович на Московском соборе 1666 г. сравнивает дело св. Кирилла и св. Мефодия с одним из главнейших источников жизни – с хлебом («чистая есть пшеница»).

Постепенно складывается целый цикл литературных памятников о св. Кирилле и св. Мефодии, просветителях славян, создателях славянской азбуки. Наибольшую известность приобретают два жития братьев – «Житие и жизнь и подвиги, иже во святых отца нашего Константина Философа, первого наставника и учителя словенскому языку» и «Память и житие блаженного отца нашего и учителя Мефодия, архиепископа Моравска». Именно эти произведения, а также сказание Черноризца Храбра, подвергшиеся на протяжении веков всевозможным переделкам и легендарным дополнениям, оказались в конце концов достоянием науки, решившей как можно точнее ответить на вопрос о том, что, когда и как создали св. Кирилл и св. Мефодий.

Десятки славистов из разных стран почти два века вели не прекращавшийся спор об изобретении двух братьев. Дело оказалось очень сложным. Не было даже единого мнения о том, какую именно из двух древнейших славянских азбук, кириллицу или глаголицу, создали Кирилл и Мефодий. Рождались гипотезы и теории, писались объемные трактаты, доказывались почти фантастические предположения. И, наконец, уже в наши дни все, кажется, прояснилось. Ныне большинство ученых считает, что св. Кирилл Философ создал глаголическую азбуку, которая дольше всего употреблялась в Хорватии – до начала XIX в.

Глаголицу изредка использовали и на Руси, в основном как тайнопись. Попала она и в наши печатные книги. Например, в XVII в. в Киеве вышли в свет издания, в которых отдельные слова и выражения были отпечатаны глаголическими буквами.

Из широко распространенных тысячелетие назад глаголических рукописей уцелели немногие. Древнейшая, написанная в X в., хранится на берегах Днепра-Славутича. Это знаменитые «Киевские листки», выпущенные в 1983 г. факсимильно издательством «Наукова думка» к IX Международному съезду славистов, проходившему в столице Украины.

Книги глаголическим шрифтом стали печатать с 1483 г., то есть почти на десять лет раньше, чем кирилловским. Они издавались для южных славян, в основном хорватов, в типографиях Венеции, в городах и местностях на Балканах и в Германии. Начиная с XVII в. такие книги выходят в свет почти исключительно в Риме. С 1483 г. и до начала XIX в. их было напечатано всего семьдесят.

Ученым удалось доказать, что создание глаголической азбуки не было делом сиюминутным. Это был довольно длительный процесс, протекавший не одно десятилетие.

По существу, две системы письма, глаголица и кириллица, формировались в тесной взаимосвязи, что очень затрудняло решение вопроса о том, какая же из них наиболее древняя. До сих пор было принято считать, что Черноризец Храбр в своем сказании писал о кириллице. Теперь же мы знаем, что он говорил о глаголице. Более того, его сочинение направлено в защиту самой этой азбуки.

Дело в том, что в ту пору, IX–X вв., разгорелась отчаянная полемика, настоящая борьба, по поводу того, какое письмо нужно славянам.

Выдающийся писатель, блестящий мастер ораторской прозы Черноризец Храбр во всеоружии выступил в этой борьбе, создал произведение, которое затем воспринималось как общий гимн славянской азбуке. Однако само сказание Храбра дошло до нас только в списках, переписанных кириллицей. Это-то долгое время и сбивало с толку. Лишь в 1923 г., когда вышла в свет работа известного слависта Р. Нахтигала, было доказано, что в древнейших списках сказания «О письменах» в кирилловской транслитерации читается очень древний вариант глаголической азбуки.

Сочинение Храбра было адресовано верхам болгарского общества, в которых славянскому письму предпочитали греческое, освященное многовековой традицией. Храбр последова-

тельно доказывал преимущества славянского письма перед греческим. Как полагают теперь, трактат Храбра повлиял на его противников. И хотя они не оставили попытку приспособить греческое письмо для записи славянских текстов, все же учли возражения Храбра и его замечания. Греческий алфавит был дополнен буквами, передающими специфические для славян звуки. Постепенно этот новый алфавит вытеснил глаголицу в Болгарии. Со временем его стали называть кириллицей – письмом, созданным св. Кириллом. Кириллица из Болгарии была перенесена на Русь, где используется вот уже целое тысячелетие. Позднее азбуку, созданную св. Кириллом, кириллово письмо, стали именовать глаголицей и, таким образом, смысл этого нейтрального названия (от глагол – слово, речь) еще более скрыл тайну древнейшей славянской азбуки.

Долгое время кириллица и глаголица были единственными системами славянского письма, и только с XIV в. у западных славян делаются попытки использовать латинский алфавит. Процесс этот идет очень быстро, и уже в XV в. чехи печатают этим алфавитом первые книги на родном языке. Появляется новая, третья, система славянского письма – особая латиница, приспособленная для передачи характерных звуков славянской речи. Однако и у западных славян имена св. Кирилла и св. Мефодия не были забыты, для южных же и восточных славян изобретатели первой славянской азбуки – подлинные национальные герои.

День памяти просветителей стал в Болгарии национальным праздником образования и культуры, десятки и сотни международных научных, культурных и даже политических мероприятий были в разное время своеобразной данью почитания просветителей. В середине XIX в. на Украине существовало даже тайное Кирилло-Мефодиевское общество, одним из деятельных членов которого был Тарас Шевченко, сосланный сразу же после разгрома организации на окраины империи.

О просветителях и их деятельности напечатаны сотни книг и статей. В Софии издается «Кирилло-Мефодиевская энциклопедия» – итог долголетнего труда огромной армии ученых.

Теперь яснее стали и многие обстоятельства жизни св. Кирилла и св. Мефодия, родившихся около 827 г. и около 815 г. в Солуни в семье военачальника.

До принятия монашества Константин (Кирилл) получил образование в Константинополе при дворе византийского императора. Он хорошо знал славянский, греческий, латинский,

СИЛНЫИ РАСТОУГЛАЪ ЛЬВЪ НАПУТИ

НИГИ СУДЕЙ • ЕЖЕ ѠЕВРЕИ НАЗЫ
 ВЯЮТСЯ ШОФТИНЫ • ЗЪПОЛНЕ
 ВЫЛОЖЕНЫ НАРЪСЪКНИИ ЯЗЫКЪ
 ДОКТОРѠ ФРАНЦУСКѠ СКОРНОЮ
 ИЗЪСЛАВНАГО ГРАДЯ ПОЛОЦКА • БОГЪ КОСТИ
 НАШЕ ПОСНОДИТИ КНЯЩЕ ПОЧИНАЮТСЯ :

Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева
 «Книги Судей», переведенной и изданной Ф. Скориной
 (Прага, 1519)

еврейский и арабский языки. Прославился как оратор и философ. В 860 г. вместе с братом Мефодием, до той поры управлявшим одной из славянских областей, а затем ставшим игуменом монастыря, совершил поездку к хазарам. В 863 г. оба брата отправились проповедовать христианство на славянском языке в княжества Великой Моравии. Здесь св. Кирилл и создал свою азбуку, а затем вместе с св. Мефодием начал перевод литургических книг с греческого на славянский язык. Возник первый славянский литературный язык, многие слова которого живы до сих пор в разных славянских языках.

Деятельность св. Кирилла и св. Мефодия, утвердивших право славян читать и писать на родном языке, вызвала недовольство немецкого католического духовенства. Их обвинили в ереси. По вызову папы оба брата отправились в Рим. Здесь им удалось отстоять право славян на свои собственные азбуку и язык. Папа Адриан II разрешил распространение славянских книг. В римском соборе св. Петра даже отслужили литургию на славянском языке. Это была победа св. Кирилла и св. Мефодия.

Однако тяжелый труд и постоянные лишения подорвали силы Кирилла. 14 февраля 869 г. он умирает в Риме.

Его дело успешно продолжает св. Мефодий. После посвящения в сан архиепископа Моравии и Паннонии, он отправляется туда в 870 г. Более десяти лет продолжается здесь его деятельность. Св. Мефодия постоянно преследует немецкое духовенство, он даже попадает в тюрьму. В 882–884 гг. св. Мефодий вновь живет в Византии, в 884 г. переезжает в Моравию, где 6 апреля 885 г. умирает.

В Болгарии, более всех чтущей память просветителей, их имена носит национальная библиотека, учрежден специальный орден «Кирилл и Мефодия». На лицевой его стороне фигуры двух братьев, держащих книгу и ленту с первыми буквами славянской азбуки.

Среди более чем ста старопечатных изданий кирилловского шрифта в румянцевском собрании выделялось несколько. Прежде всего, экземпляр одной из первых славянских книг – «Триоди цветной», напечатанной около 1493 г. мастером Швайпльтом Фиолем в Кракове. Книгу в 1819 г. купил для Румянцева Калайдович. Ему посчастливилось найти ее у известного московского купца-антиквария А.С. Шульгина, имевшего в ту пору и собственную неплохую коллекцию первопечатных изданий. находка Калайдовича оказалась сенсационной – в науке это издание Фиоля не было известно. Впрочем, литераторы

древности хорошо его, естественно, знали, известно оно было и старообрядцам, которые вполне могли оспаривать у Калайдовича приоритет открытия.

Книги Фиоля и его деятельность чрезвычайно интересовали Румянцева и членов «ученой дружины». Помимо переводов из Е.С. Бандке, писавшего о краковском первопечатнике, сотрудниками канцлера были опубликованы и собственные работы, ему посвященные. Они же ввели в научный оборот большое число экземпляров изданий Фиоля, о которых сообщали в различных печатных трудах.

В еще большей степени, чем Фиоль, Румянцева и его сотрудников интересовали жизнь и деятельность Франциска Скорины – великого белорусского гуманиста и восточнославянского первопечатника. В коллекции канцлера имелись многочисленные издания белорусского просветителя, составлявшие объемные конволюты. Судя по отдельным приметам, один из этих конволютов попал к Румянцеву из какого-то старообрядческого собрания XVIII в., куда, в свою очередь, – из белорусских библиотек. В него вошли следующие издания Скорины: «Книга Иова» (Прага, 1517), «Книга пророка Даниила» (Прага, 1519), «Книга Эсфирь» (Прага, 1519), «Книга Иудифь» (Прага, 1519).

Сохранившиеся документы из архива Румянцева позволяют установить, что он и его «ученая дружина» стали интересоваться книгами Скорины уже в 1815–1816 гг., то есть в самом начале их археографической деятельности. Именно тогда и была составлена алфавитная опись напечатанных им книг под заглавием «Доктора Полоцкого Франциска Скорины переводы и издания».

Судя по описи, в Румянцевском кружке хорошо знали как пражские, так и виленские издания Скорины: «Апостол, напечатанный в Вильне, перевода Франциска Скорины 1525 г. в 8», то есть в восьмую долю листа; «Библия руская им же переведенная с Вульгаты. Печатана в Праге 1517 и 1519 гг.» в 4; «Канонник или Акафистник, им же изданный без обозначения места и года»; «Псалтырь, перевод с греческого, им же изданный в 8-ку».

Среди рукописей Румянцева имелся сборник XVII в., в состав которого вошли списки с нескольких книг Скорины. Сборник этот некогда находился в белорусских собраниях, откуда попал в Россию, скорее всего к старообрядцам, а от них – в библиотеку канцлера.

Наличие столь значительного числа изданий Скорины в Румянцевской коллекции давало счастливую возможность

Калайдовичу, Кеппену, Строеву и другим заниматься их изучением. Работая над книгой «Иоанн, экзарх Болгарский», Калайдович использовал редкое венецианское издание «Молитвослова», напечатанное «у Бнецих», то есть в Венеции, «по Виценцу Бодижара Вуковика синь на пръви дань июниа месеца 1547».

Эта богато иллюстрированная и изящно изданная книга небольшого формата попала к Румянцеву также, видимо, от старообрядцев откуда-то с юга России. Издания венецианской фирмы Вуковичей широко распространялись среди южных славян на протяжении всего XVI в., попадали они в Валахию и Молдавию, откуда, скорее всего, и происходит румянцевский экземпляр.

В коллекции русских книг XVIII в. Румянцева наиболее интересными были сочинения известных ученых и литераторов С.П. Крашенинникова, М.В. Ломоносова и других, а также исключительный подбор книг по истории России. Русская историческая литература конца XVIII – начала XIX в. собиралась еще более тщательно, причем многие книги дарились меценату и библиофилу их авторами. Можно сказать, что Румянцев собрал чуть ли не всю иностранную литературу по российской истории, а также значительное число географических сочинений и атласов, «до Российской империи касаемых».

Канцлера интересовал Русский Север и вообще северные земли. О них ему удалось приобрести более двух тысяч книг.

Румянцевская библиотека состоит по преимуществу из сочинений на иностранных языках, среди которых по ценности и редкости выделяются инкунабулы – издания, увидевшие свет до 1 января 1501 г. Инкунабулов у Румянцева было свыше ста.

Весьма значительно румянцевское «собрание эстампов» – около пяти тысяч превосходных иллюстраций, а также карт – почти шестьсот.

Помимо обширной библиотеки Румянцев собрал около двухсот различных редкостных этнографических предметов, множество монет и произведений искусства. Наряду с этнографической, нумизматической и художественной коллекциями он обладал великолепным собранием минералов – их у канцлера было почти четырнадцать тысяч.

Теснейшим образом с коллекционерскими увлечениями канцлера была связана его книгоиздательская деятельность. За сравнительно небольшой срок (полтора десятилетия) Румянцеву и его сподвижникам удалось издать более пятидесяти

превосходных, часто весьма объемных научных книг, полиграфическое исполнение которых в подавляющем большинстве случаев было образцовым.

В этой связи исследователь данного вопроса, ученый секретарь Государственного Румянцевского музея Н.Ф. Гарелин писал в 1925 г.: «В начале XIX в. в России приобретает оригинальные качества книга историческая, будучи обязана своим усовершенствованием тому могучему импульсу, который она получила от выдающейся деятельности кружка ученых историков, объединившихся вокруг гр. Н.П. Румянцева. Деятельность их является замечательной во многих отношениях и заслуживает специального рассмотрения. Во-первых, издательство их было строго научное и этими требованиями строгой научности определяется не только содержание, но и внешность книги, начиная с форматов и кончая характером иллюстраций, ставивших себе целью точность репродукции древнего памятника, т.е. то, к чему стремятся разнообразные репродукционные приемы позднейшей эпохи; далее, издательство Румянцева и его кружка было организовано на широких основаниях, обильно снабжалось средствами и обращалось с заданиями к лучшим техническим силам и организациям своего времени. С другой стороны ему была чужда специфическая любовь к изданиям роскошным: в зеркале его отразилось, следовательно, в наиболее чистом виде современное книжное искусство и книжная техника как таковые... Наконец через него мы знакомимся с продукцией целого ряда отдельных типографий, а сохранившиеся документы содержат данные относительно организации издательства, технических подробностей, цен производства и материалов, т.е. все то, что проливает свет на общее состояние книжного дела и чего мы в такой удачной комбинации не имеем для других современных организаций, будь то отдельные типографии или аналогичные издательские предприятия. Таковы обстоятельства, создающие особое положение румянцевского издательства...»

Канцлер лично давал свою окончательную санкцию на выход того или иного издания после чтения набранного текста, который сразу же отправлялся ему для ознакомления в Гомель или Петербург.

На титульном листе одобренной Н.П. Румянцевым книги воспроизводился его родовой герб с девизом «Non solum armis» («Не только оружием»). Книги печатались не только в Москве и Петербурге, но и в прибалтийских городах, Казани, Париже, Берлине, финском городе Турку (Або). Все это самым непо-

средственным образом отразилось на характере издательской продукции, внешнем виде изданий.

«Несмотря на относительную дешевизну, – подчеркивал Н.Ф. Гарелин, – большинство наиболее значительных румянцевских изданий... не пользовались широким распространением... Винить ли в этом публику или издательство? Ни то, ни другое: румянцевский кружок принял на себя роль бездействовавших в то время государственных и общественных научных учреждений, и издания его разделили участь, свойственную академическим изданиям: быть необходимым пособием и справочником для специалистов и только через их посредство незаметно, но мощно влиять на развитие науки и образованности».

Большое количество экземпляров своих изданий Н.П. Румянцев оставлял у себя и раздавал самым различным лицам и учреждениям бесплатно. Особенно много экземпляров той или иной книги получали ее авторы или составители, а также все те, кто принимал непосредственное участие в издании. Так, например, Н.П. Румянцев распорядился выдать И.И. Григоровичу 51 экземпляр первого тома составленного им «Белорусского архива», 42 экземпляра оставил себе, а несколько сразу же раздал.

Бесплатная раздача книг, не только тех, которые были изданы им самим, но и вообще всех книг, была возведена канцлером в принцип и явилась одной из самых интересных и малоизвестных сторон его деятельности на ниве славянского культурного возрождения. Канцлер дарил провинциальным российским городам целые библиотеки, посылал сотни книг зарубежным славянам, был инициатором отправки специальных транспортов с церковной литературой на далекие Балканы.

18 октября 1813 г. Санкт-Петербургская газета «Северная почта» поместила такую корреспонденцию из Великих Лук: «В прошедшем 1812 году в городе нашем имел временное пребывание государственный канцлер гр. Н.П. Румянцев. В изъявление отличного своего расположения к жителям здешнего города, он тогда же подарил оному собрание книг для составления общественной городской библиотеки и назначил тому, кто будет иметь за него смотрение, по 300 р. в год... оную составляют книги разного содержания, касающиеся до российского законовещения, российской и всеобщей истории, коммерции, путешествий российских мореплавателей кругом света и ученых мужей в России, наконец, относящиеся до разных

Даннилу седашему сольвы принесе яввакумъ оубо

КНИГИ СВЕТОГО ПРОРОКА БОЖИЯ ДА
 НИИЛА ПОЧИНАЮТСЯ. ЗЪПОЛДНЕ
 БЫЛОЖЕНЫ НАРЪСЪКНИ ЯЗЫКЪ
 ДОКТОРЪ ФРАНЦИСКЪ СКОРИНОЮ
 ЯЗЪБЛЯВНАГО ГРЯДЯ ПОЛОЦЬКА. НАПРЕДЪ
 БОГЪ КОТТИ, ИАЮДЪ ПОБПОЛНТЫ КНЯЗЦЕ:

Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева
 в трех экземплярах «Книги Даниила Пророка»,
 переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1517)

частей промышленности и сельского хозяйства. Правила, данные его сиятельством в руководство смотрителю библиотеки... между прочим состоят в том, что каждый житель города и даже приезжий может ежедневно, в назначенные для сего часы, читать в библиотеке книги, выбирая по реестру, который должен быть открытый для всякого; книги могут быть также отпускаемы для чтения на дом с распискою, но не свыше двух или трех... как на одну неделю».

Заметный интерес и любовь канцлера к провинции проявились особенно в последние годы его жизни. Свидетельство тому и завещание похоронить его не в столице империи – Санкт-Петербурге, а в «любимом... Гомеле», для которого Н.П. Румянцев так много сделал.

Он, по существу, заново построил город, вдохнул в него новую жизнь, задал ей тон на многие десятилетия. Здесь канцлером возведены лучшие здания, благоустроены улицы, созданы учреждения, наличием которых не могли похвастаться даже столицы. Город полностью изменил свой облик, внутренний и внешний.

Отдавая дань заслугам Н.П. Румянцева как строителя Гомеля, современный историк архитектуры В.Ф. Морозов пишет: «О Румянцеве говорили, что, застав Гомель соломенным, он сделал его каменным. На месте небольшого селения в начале XIX в. возник регулярно распланированный и застроенный в стиле классицизма современный город. Строительство велось с размахом, на петербургский манер. Наподобие известного адмиралтейского трезубца улиц была создана... лучевая система основных магистралей – улиц Румянцевской и Замковой (ныне Советская и проспект Ленина), ориентированных на купол дворца. Гостиный двор на главной площади также напоминал Петербургский. Из города на Неве присылались проекты построек. Много чертежей было сделано крупным зодчим Л. Руска... Н.П. Румянцев задумал возвести в городе лицей наподобие царскосельского – выбирал участок для строительства, набрасывал планы, однако эта идея осталась неосуществленной. Граф увлекался растениеводством и животноводством, получал семена овощей из Лиссабона, выписывал из Саксонии овец, из Голландии – коров. Основал он и пароходство по Сожу и Днепру».

Во время страшного голода 1821 г. в Белоруссии, когда «многие крестьяне бежали в Киевскую и Волынскую губернии искать продовольствия, но иные из них умирали по дороге», Н.П. Румянцев спас от неминуемой гибели тысячи гомельцев

и жителей окрестностей, закупив для них продукты питания на сотни тысяч рублей.

В Гомеле канцлером была построена больница для жителей города и ланкастерская школа, где применялась передовая английская система обучения, а за год до его смерти – величественный Петропавловский собор, в котором и похоронили Н.П. Румянцева, скончавшегося в Петербурге 3 января 1826 г.

На надгробном памятнике предводителя «ученой дружины» была выбита надпись: «Воздал Божия Богови, и Кесарево Кесареви, отечеству любовьию и жертвами».

Судьба Румянцевского музеума

Видя богатства Румянцевского музеума, члены «ученой дружины» незадолго до смерти канцлера выдвигают идею о создании на его основе Русского национального музея. Об этом, в частности, пишут известные ученые, личные библиотекари Румянцева Ф.П. Аделунг, статья которого в журнале «Сын Отечества» за 1817 г. так и называлась – «Предложение об учреждении Русского национального музея», и Б.Г. Вихман.

Искушенный в государственных делах, великолепно видящий все изъяны чиновничьей России, Румянцев понимает, что «романтическую» идею «об учреждении... музея» едва ли будет так просто осуществить. Его домашний музеум – реальность, пока жив он, канцлер, а что может ждать будущий, казенный? Найдутся ли энтузиасты, способные продолжить начатое дело? И главное – будут ли на все это отпущены немалые деньги из скудного государственного бюджета? А если сделать собственную библиотеку публичной, – будет ли она «славна под ведомством министерства»? Сомнения канцлера оказались пророческими – свидетельство тому вся дальнейшая многолетняя и многотрудная история Румянцевского музеума.

Нужно сразу сказать – после кончины канцлера дальнейшую судьбу музеума определил брат Румянцева Сергей Петрович, наследник его и душеприказчик.

С.П. Румянцев, выполняя волю покойного «о составлении музеума из библиотеки и других вещей им собранных», обращается за помощью к императору Николаю I, просит его «определить», «чтобы пользование всего того, что музеум содержит, было распространено единственно на юношество благородное, воспитывающееся в учреждениях, столь отечески

Їѡдифъ вдовица ѡсече главѣ ѡлофернѣ воѣводе

КНИГИ ЇѡДИФЪ ВДОВИЦИ ПОСННЯ
 ЇѡТЪСЯ • ЗѢПОЛЪНЕ ВЫЛОЖЕНЫ
 НЯРѢСКИИ НЪЗЫКЪ ДОКЪТОРОМЪ
 ФРЯНЦИСКѢ СКОРНОЮ, НЪЗЪ ГЛА
 ВНЯГО ГРЯДЯ ПОЛОЦЪКЯ • НЯЦРЪДЪ БОГЪ КО
 СТИ, НЪЮДЕМЪ ПОСПОЛИТЪ КНЯѢЦЕННЮ

Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева
 в трех экземплярах «Книги Иудифь»,
 переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1519)

призраемых самым Вашим императорским величеством. Драгоценнейший сей рассадник российского рыцарства будет тогда не только пользоваться средствами учения, но от императорского покровя приобретать прочность и умножение сих пособий».

Прозорливый брат канцлера не скрывал, что последнее обстоятельство оказало решающее влияние на его выбор передать музеум под покровительство самого императора, оказывавшего столько внимания военным учебным заведениям. С.П. Румянцев видел в этом единственный выход, разрешающий все сомнения брата и его собственные.

В условиях России тех лет, пожалуй, лишь «рассадники российского рыцарства» – Пажеский и Кадетский корпуса, взявшие на себя заботу о коллекциях канцлера, могли не только обеспечить их сохранность, но и «от императорского покровя приобретать прочность и умножение сих пособий». Румянцевы совершенно справедливо считали, что без личного участия в этом деле императора музеуму не быть, ибо «заведения таковы, когда назначаются к всеобщему употреблению, бывают сопряжены всегда с затруднениями и неудобствами, рано или поздно их разрушающими».

Увы, «дирекция» привилегированных корпусов отказалась от столь щедрого дара, так как «музеум графа Румянцева по составу своему принадлежит к тем редким заведениям, которые подают материалы и способны для глубоких ученых разысканий по части истории, этнографии, археологии, нумизматики и других вышних сведений, не принадлежащих к кругу образования воспитанников военно-учебных заведений».

Предполагалось передать музеум «в ведомство Министерства народного просвещения», чего так боялся канцлер.

Император, уже как бы принявший музеум под свое покровительство, остановился на этом варианте. В марте 1828 г. он подписал указ Сенату, определяющий: «Дома, купленные покойным государственным канцлером графом Румянцевым у английского купца Фомы Вара и завещанные им вновь учрежденному общественному учебному заведению, которое долженствует именоваться Румянцевским музеумом, повелеваем в исполнение сей воли владельца, хотя лишь словесно им изъясненной, но утверждаемой свидетельством его брата и единственного наследника, действительного тайного советника графа Румянцева, признавать отныне собственностью Министерства народного просвещения с тем, чтобы сии дома и принадлежащие к ним места, а равно и все доходы с оных, были

всегда употребляемы ни на что иное, как на содержание или умножение коллекций Румянцевского музеума».

Объявлялось, что «Румянцевский музеум, как заведение общественное, будет однажды в неделю открыт для публики, что Российская академия может иметь в оном свои торжественные собрания и что все прочие ученые общества и высшие учебные заведения в Санкт-Петербурге имеют право пользоваться хранящимися в оном книгами, рукописями, минералами и монетами».

К сожалению, все эти предписания не сыграли сколь-либо положительной роли в судьбе музеума, сбывались самые мрачные предчувствия канцлера – музей ветшал и постепенно разваливался.

Министерство весьма неохотно приняло под свое начало детище канцлера Румянцева и даже обязало его брата выделить деньги на ремонт помещений и уход за ними, что он и вынужден был сделать, несмотря на абсурдность министерских притязаний, когда «приношение», им «сделанное Министерству просвещения, достигает ценностью до миллиона рублей».

После пятилетних бюрократических проволочек и утрясок, чиновничьих отговорок и согласований, утверждений весьма скромного штата сотрудников и, наконец, трехлетнего косметического ремонта помещений музеум открыли для широкой публики.

В мае 1831 г. император утвердил устав музеума, бюджет и штат из четырех человек, а в ноябре первые его посетители вошли в залы и комнаты главного румянцевского особняка, на фронтоне которого красовалась недавно появившаяся надпись золочеными буквами: «От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение».

Казалось бы, радостное это событие – долгожданное начало работы Румянцевского музеума в качестве учреждения публичного, – но на самом деле оно стало лишь неким зафиксированным моментом в истории его все усиливающейся деградации. По мнению М.М. Клевенского, «основание Румянцевского музеума для библиотеки было не началом, а концом развития. В течение 35 лет библиотечные работы заключались в перестановке и в перешифровке книг, в составлении новых каталогов на старые фонды, в выдаче книг немногочисленным читателям. Но живой связи с современностью библиотека Музеума не имела и в силу этого ее значение постепенно уменьшалось. Самостоятельное существование библиотеки через 20–30 лет после передачи музея в казенное ведомство

было уже нецелесообразно». Музей хирел, здания его разрушались, а катастрофическая нехватка денег делала совершенно невозможной любую попытку исправить положение. Между тем, скромный бюджет Румянцевского музея казался министерским чиновникам неоправданно большим, а его расходование неподобающей расточительностью. Это побудило министерские чины искать выход, и в 1845 г. Комитет министров принял постановление о передаче музея в ведение Публичной библиотеки «для сокращения потребных на содержание означенного Музеума издержек, упдающих большею частью на государственное казначейство».

За музеем сохранилось прежнее название и все помещения. В составе Публичной библиотеки он получил полную автономию и управлялся помощником ее директора. С управляющим музеем повезло – им стал известный литератор князь В.Ф. Одоевский, человек далеко не равнодушный к судьбе ценнейших коллекций канцлера Румянцева. Однако и он сделать мог немного, музей превращался в простое хранилище, почти склад древностей, ветшал на глазах. Нехватка денег вынуждала сдавать внаем некоторые помещения в основном здании музея на Английской набережной и в малом доме на Галерной улице.

Забота о Румянцевском музее Одоевского не разделялась директором Публичной библиотеки бароном М.А. Корфом. Он писал своему помощнику: «При всем желании моем быть угодным Вам и полезным Музеуму, эта мысль кажется мне недоступною, потому что потребовала бы миллиона, или по крайней мере многих сотен тысяч». Барону весьма хотелось попросту ликвидировать уже так надоевший министерским чиновникам музей, расформировать крупнейшее частное собрание России, забрать из него в Публичную библиотеку все самое редкое и необходимое ей. Именно этому из всех сил и противился Одоевский, прекрасно понимавший особую ценность книжных коллекций великого библиофила.

После многих лет борьбы за право музея на самостоятельное существование Одоевский готов принять любой проект, лишь бы сохранить Румянцевское собрание как целое. Он возмущен предложениями созданной в 1860 г. специальной комиссии, разбиравшей проблемы музея: «Их мысль просто ни на что не похожа, а именно: 1) Музей раздробить: книги и рукописи в Библиотеку [Публичную – Ю.Л.], картины, монеты, минералы(!) в Эрмитажный Музеум. Следовательно и название Румянцевского Музеума уничтожится. 2) Дом продать и

деньги отдать в Министерство Народного Просвещения (!!!) под тем предлогом, что Румянцев назначил свое приношение – на просвещение вообще. Разумеется, что я против этого и руками и ногами». Одоевский мечтает передать музеум географическому или археологическому обществу или же отдать его в Москву.

Именно в древней столице России он находит неожиданную поддержку. В Москве уже давно поговаривали о необходимости иметь свой музей отечественных древностей. В начале 1840-х гг. идея эта начала широко обсуждаться, и И.М. Снегирев даже составил соответствующий проект. Несколькими годами позднее профессор М.П. Погодин пытается реализовать его. Коренной москвич, родившийся, живший, творивший и умерший в первопрестольной столице, Погодин мечтает о создании в Москве «всероссийского народного музея», основой которого явится его «древлехранилище».

Профессор Московского университета, академик, писатель, журналист, издатель, общественный деятель М.П. Погодин был личностью известной в России. В кругу его многочисленных знакомств оказывались люди всех сословий, званий, положений. Он поддерживал дружеские связи и с крестьянами, и с представителями царского двора. Жизнь М.П. Погодина, сына крепостного, отпущенного на волю, – настоящая эпопея, достойно воспетая в двадцати томах его незавершенного жизнеописания, составленного дворянином Н.П. Барсуковым, известным историком.

Начав в 1824 г. свое собирательство с приобретения старопечатных славянских книг, к середине века он уже обладает огромной коллекцией рукописей и старопечатных изданий, монет, медалей, оружия, мелкой пластики, икон, шитья, составившими знаменитое «погодинское древлехранилище».

В 1851 г. он обращается за помощью к Николаю I: «Повелите, Всемилостивейший Государь, учредить в Москве... все-российский народный музей, повелите принять в основание мои тридцатилетние собрания, поручить их моему заведованию, и я в скором времени берусь привести его в такое положение, что ему подобного в России не бывало».

«Погодинское древлехранилище» не стало основой «всероссийского народного музея» в Москве. Купленное в 1852 г. по указанию императора, оно было перевезено в Петербург. Книги Погодина поступили в основном в Публичную библиотеку, почти все остальное – в Эрмитаж. В Москве, в хранилищах Кремля, некоторое время сберегались лишь отдельные

церковные предметы. Постепенно и то небольшое из «древлехранилища», что оставалось в Москве, оказалось в Петербурге. Так за четверть века до смерти владельца распалось крупнейшее в России собрание славянских древностей, призванное стать ядром русского национального музея в Москве.

После помещения в Петербург «древлехранилища» у М.П. Погодина сохраняется только его архив и рабочая кабинетная библиотека – спутница всей жизни, переданная в 1878 г. вдовой собирателя Московскому публичному и Румянцевскому музеям.

Несмотря на столь существенную потерю, Москва и не думала отказываться от идеи создания собственного музея древностей. Потребность в нем возрастала с каждым годом. Теперь уже говорили не об одном только музее, но и о публичной библиотеке, подобной той, что уже давно существовала в северной столице. Вот почему предложение Одоевского: «Все здания Музеума продать; на вырученные деньги приобрести дом в Москве... и, расположив в оном коллекции Музеума, образовать из них первое основание Московской публичной библиотеки» – встретило столь горячую поддержку попечителя Московского учебного округа генерала Н.В. Исакова, инициатора и организатора Московского публичного музея и библиотеки.

Энергично взявшись за дело, употребив все свое влияние и связи, воздействуя даже на императрицу, Исаков быстро добился успеха. Румянцевский музей решено было перевезти в Москву, что совершенно неожиданно встретило упорный протест Петербургской интеллигенции и студенчества. В Петербургском университете даже состоялась «студенческая сходка, на которой решено ходатайствовать об оставлении Румянцевского музеума в Петербурге».

О забытом музее, умиравшем на невской набережной десятилетиями, вдруг вспомнили все. Санкционировавший передачу музеума в Москву директор Публичной библиотеки Корф недоумевал по поводу столь неожиданных «протестантов»: «Что они в этом смыслят и кто из них даже и бывает в Музеуме?» Петербургские ученые составили коллективное заявление, подписанное В.В. Стасовым, А.Х. Востоковым, В.И. Ламанским, П.П. Пекарским, А.Н. Пыпиным, И.И. Срезневским и другими. В нем, в частности, говорилось: «Нарушение прав Петербурга на один из лучших его исторических памятников было бы невознаградимую потерю для здешних исследователей русской истории и древности». Стасов писал специальные прошения о недопущении передачи Музеума в

ссыдѣръ Царица пришла предъ Ясыера Царя :

НѢЖЕ РЕЧИ НИЖЕИ ПОЛОЖЕНЬЕ
 НАПИСАНЫ СХТЬ • ВОКНИГАХЪ ГРЕ-
 ЧЕСКАГО, ИЛЯТИНСКАГО ЯЗЫКА
 ВЫКЛАДЪ ПОСПОЛНТОГО • И ЯБЫ НЕБЫЛО
 ѸМЕНЪШЕНО ВРЪСКОѢ ЯЗЫКЪ, ПОЛОЖИВЪ
 ЕСТЬ ЯКО ИВЪ ПИСИЯХЪ ВСЕ ЗЪЦЮАНЕ :

Страница имевшейся в собрании Н.П. Румянцева
 в двух экземплярах «Книги Эсфирь»,
 переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1519)

Москву и членам императорской фамилии: «Румянцевский музей известен всей Европе. И вдруг, в один прекрасный день, он вытерт вон, как резинкой. Какой пример и наука будущим патриотам, когда они будут знать, что у нас нет ничего твердого, ничего прочного, что у нас все что угодно можно сдвинуть, увезти, продать!»

Тем не менее Комитет министров согласился с предложением Одоевского о переводе музея в Москву как единственно правильным, обеспечивающим дальнейшую полнокровную жизнь детища канцлера Румянцева в древней столице, не имевшей до той поры ни публичных библиотек, ни музеев. Все коллекции и даже медные золоченые буквы, составившие известную надпись «От государственного канцлера...», перевозились в Москву. Одоевский был в восторге: «Музеум обезопасен от верной и неминуемой гибели. А со мною, что будет, то и будет, авось не останется втуне моя 16-летняя должность верной собаки при музее. Хотелось бы и мне в Москву – нет при нашей скудности никакой возможности жить далее в Петербурге».

В ноябре 1861 г., получив назначение в древнюю столицу России, он мысленно прощался с холодным городом Медного всадника, где все «уморительно, как не понимают, что можно оставить Петербург и желать московского уединения».

Московская периодика была полна радостных предчувствий. «Библиографические записки» сообщали: «Носится слух, что Румянцевский музей переводится из Петербурга в Москву. Богатое собрание русских и славянских рукописей этого музея может быть лучшим основным камнем для будущей Московской публичной библиотеки. Естественно, что возможно скорейшее осуществление этого слуха – одно из задушевнейших желаний московских ученых, литераторов и библиофилов. И кто знает, может быть, перевод Румянцевского музея станет побудительною причиною для некоторых владельцев библиотек, книги которых, под сотнями печатей, гниют без всякой пользы для них и для общества, пожертвовать принадлежащие им собрания для городской публичной библиотеки в Москве. Мы, со своей стороны, вполне убеждены, что все, пользовавшиеся до сих пор Румянцевским музеем в Петербурге, не только не будут огорчены переводом его в Москву, но деятельно, насколько это зависит от них, помогут и порадуются вместе с нами осуществлению этой прекраснейшей мысли. При книжных сокровищах Императорской публичной и других библиотек в Петербурге такая уступка Румянцевского собрания Москве не должна быть чувствительной потерей для

петербургских ученых и библиофилов; но что гораздо важнее, она лучше всего докажет в то же время, что светлая мысль о разлитии умственных сокровищ по все России явно берет верх над старой мыслью стягивания такого рода сил только к одному центральному пункту».

Одоевский явно видел в москвичах единомышленников, которых давно искал и не находил в Петербурге. «...Я переносюсь в климат более благоприятный для меня уже потому, что я в нем родился».

Через семь лет после смерти князя его библиотека перейдет в столь любимый им Румянцевский музей, позднее сюда же волеется и книжное собрание другого бессмертного героя истории музеума – Н.В. Исакова.

Однако все это случится не так скоро, а тогда, в исходе 1861 г., благодаря заботам Исакова Московский учебный округ предоставляет для перевозимых коллекций лучшее свое здание – бывший дом Пашкова, где решено поместить сразу два музея – Румянцевский и Московский Публичный, составленный из собраний старейшего русского университета.

«Дело образования Московской публичной библиотеки, – извещали “Библиографические записки”, – окончательно упрочено. Фундамент ее – Румянцевский музей со всеми своими сокровищами, не исключая ничего из них, уже переправлен в Москву... Превосходный выбор местности и помещения (в бывшем доме Пашкова, близ университета) новой библиотеки, живое участие к этому делу начальства университета и два этих драгоценных собрания, как Румянцевский музей и библиотека Московского университета, лежащиеся в основание московского книгохранилища, служат лучшим ручательством того, что самая организация и состав управления библиотеки быстро продвинутся вперед и оправдают вполне возбужденные этим истинно современным и прекрасным делом ожидания публики. Нельзя не порадоваться также и тому, что, как видно из “Московских ведомостей”, частные лица начинают понемногу пожертвования в возникающую библиотеку; значительные пока еще от разных лиц приношения книгами... указывают дорогу и другим жертвованиям, число которых, как мы думаем, не перестанет расти и увеличиваться. Искренне сочувствуя и радуясь образованию так долго недостававшей Москве публичной библиотеки, мы считаем долгом предложить всем русским библиофилам и всем, кому дорого возникновение новой жизненной силы для нашего развития и образования, доставлять все жертвования в пользу библиотеки... в контору

редакции “Библиографических записок” при книжном магазине Н.М. Щепкина и компании в Москве. О всяком пожертвовании мы заявим в нашем журнале и не замедлим сдать его по принадлежности».

Жертвователи нашлись сразу же, причем некоторые дарили новой московской библиотеке не только сотни и тысячи книг, но и вносили очень крупные суммы денег, например известный славянофил А.И. Кошелев, принесший «в дар... 25 000 рублей серебром». В анналах библиотеки только в 1862 г. зарегистрировано тридцать четыре дарителя книг – от императрицы Александры Федоровны и миллионера В.А. Кокорева до дочери известного русского ученого, библиофила и государственного деятеля К.М. Бороздина, подарившей «около 4000 томов».

Объединенные под одной крышей Московский публичный и Румянцевский музеи уже весной 1862 г. были открыты, а несколько позднее первых читателей приняла и их библиотека, ставшая главным богатством Пашкова дома.

Дарение Московской публичной библиотеке книг отныне становится доброй традицией. Она в значительной мере существует за счет книжных и денежных пожертвований частных лиц, идущих и на покупку замечательных библиофильских коллекций, например части знаменитого собрания С.Д. Полторацкого, приобретенной на деньги А.И. Кошелева. Число щедрых богатых библиофилов и бескорыстных бедных дарителей, передававших в библиотеку порой всего несколько книг, за первое полувековье московского периода ее истории приближается к двум тысячам! Среди них именитые люди России – писатели, ученые, художники, издатели, военные, государственные деятели – и безвестные чиновники, купцы, крестьяне, учителя.

Московская публичная библиотека наполовину живет благодаря частным пожертвованиям, а отдельные ее собрания, прежде всего рукописные и старопечатных книг, были обязаны им полностью. Крупные библиофильские коллекции и отдельные дарения дали библиотеке в предреволюционные годы несколько сот тысяч печатных книг разных времен и тысячи рукописей, гравюр, карт. И по сей день в фондах Российской государственной библиотеки сберегаются экземпляры книг, некогда подаренных Л.Н. Толстым, А.И. Герценом, В.О. Ключевским, Н.Н. Миклухо-Маклаем и многими другими. Конечно же, свою лепту в это «великое дарение» вносили сами сотрудники библиотеки, среди которых было немало выдающихся личностей, литераторов и ученых. Особо отличились в

Ерѣмїа Прѣкъ гдѣнь плачеть Гледа на Ерѣслии ~

КНИЖКА РЕКОМЯТЯ ПЛАЧЪ ЕРѢМІИИ
ПОЧИНАЕТСЯ • ЗЪПОЛНЕ ВЫЛОЖЕ
НА НАРЪСКИИ ЯЗЫКЪ, ДОКТОРО
ФРАНЦИСКО СКОРИНОЮ СПОЛОЦЬКА
НАПРЕДЪ БОГЪ ВТРОИЦИ ЕДИННОМЪ КОЧЪТИ
ИЛЮДЕ ПОСПОЛИТЪ КДОБРЫМЪ НАВЪЩЕНІЮ ~

Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева
«Книги Плач Иеремии»,
переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1519)

этом известные историки Ю.В. Готье и А.И. Яковлев, географ А.А. Борзов и другие, работавшие в Пашковом доме.

Хочется назвать и еще одно имя – замечательного мыслителя Н.Ф. Федорова, в течение четверти века трудившегося в библиотеке, ставшего, по словам современников, «героем и подвижником в области книговедения».

Н.Ф. Федоров от библиотеки был неотделим. В ней, по сути, проходила вся его жизнь мудреца-аскета и вечно проповедовавшего подвижника. Близко знавший его коллега, хранитель отделения рукописей и славянских старопечатных книг Г.П. Георгиевский так вспоминал о замечательном творце «Философии общего дела»: «...он был своеобразен во всем, так ничем не напоминал обыкновенных людей, что при встрече и знакомстве с ним поневоле становились в тупик люди, особенно выдающиеся и особенно оригинальные. Николай Федорович поражал в этом отношении и всех простых смертных, и даже таких, например, оригиналов, как Л.Н. Толстой или В.С. Соловьев».

Вероятно, Н.Ф. Федоров рассматривал почти всякую общественную библиотеку, а тем более Московскую публичную, где он служил, «орудием объединения» людей, орудием борьбы за «общее дело». Едва ли в меньшей степени, по его мнению, были тем же и библиотеки личные, частные, через книгу связывающие владельца со всем сущим миром, живым и погребенным, но не забытым.

«Идеальный библиотекарь» из Московского публичного и Румянцевского музеев, считал, что «выражением общего дела служат музеи и школы, которые должны быть везде... история тогда будет всеобщей, когда музеи будут всюду... Музей открывает всем поприще для супралегальной деятельности. Через музей и должен совершаться переход от обязательного к добровольному». Стоит ли говорить, как бережно, с величайшей любовью, словно к живому необыкновенных размеров и проявлений существу, относился Н.Ф. Федоров к книжным богатствам Пашкова дома. Он был не только его старожилом, но и «духовным хранителем», быть может, одним из самых авторитетных в то время библиографов мира. Он был еще и идеологом некоего таинственного, и не всеми воспринимаемого как мистическое, учения, где письменному слову, книге, библиотеке, школе и музею отводилась роль главенствующего «орудия воскрешения». Этот федоровский «музей» не что иное, как «объединение всех искусств и знаний», «необходимый переход от воспоминания к воскрешению», на алтарь которого он

кларл бескорыстную свою службу читателям и книги, даримые библиотекам.

К началу XX столетия Московская публичная библиотека, за которой прочно закрепилось название Румянцевской, стала одним из крупнейших центров науки и культуры России.

Октябрьский переворот совершенно изменил биографию дома на Ваганьковском холме.

Сюда стали свозить невиданное дотоле количество книг, поступавших из национализированных частных и иных библиотек. Число таких поступлений в конце концов значительно превысило прежний книжный фонд Московского публичного и Румянцевского музеев, переименованных в 1913 г. в честь 300-летия дома Романовых в Императорский Московский и Румянцевский музеи. Так, один только Н.П. Киселев, работавший в библиотеке с 1910-г., будущий профессор книговедения и заведующий отделом редких книг, перевез в Пашков дом около семидесяти тысяч книг, а всего их было сюда доставлено свыше полутора миллионов.

В декабре 1921 г. Румянцевская библиотека получила статус государственного книгохранилища, штаты которого были увеличены в несколько раз еще в 1919 г. Тогда же, зимой 1919-го, Румянцевскому музею предоставляется «исключительное право» по отбору книг из книгохранилищ антикваров, а чуть позднее ученый совет, или, как тогда говорили, его «ученая коллегия», выносит решение о выводе музея из Пашкова дома и предоставлении его полностью «Всероссийской публичной библиотеке». Вывод растягивается на несколько лет, в 1924 г. музей расформируют и реорганизуют в Российскую публичную библиотеку, которая тогда же получает имя В.И. Ленина. Наиболее ценные не книжные коллекции передаются в известные московские музеи, в том числе Исторический и Третьяковскую галерею.

6 февраля 1925 г. библиотека получает новое название – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина и коренным образом преобразуется. В ней появляется и собственный Музей книги, или Отдел редких книг «с отделениями старопечатных славянских книг, инкунабулов, старинных типографских домов (Альдов, Эльзевиров и Джунт и т.п.), редких книг, роскошных изданий, с экспонатами по истории книгопечатания», слитый в 1925 г. с другим Музеем книги – собранным известным издательским работником, журналистом и библиофилом М.И. Щелкуновым, одним из организаторов Книжной палаты в Москве.

Храм книги

Книга, библиотека – основы культуры, ее главные носители и слагаемые. По крайней мере, так было до сей поры.

Для библиотекарей, библиофилов и многих ученых книги стали самой их жизнью, порой единственной. Писательница и известнейший библиограф А.В. Мезьер, целиком связавшая судьбу с книгой, оставила на одной из своих классических работ такое посвящение: «Старой книге посвящаю я эту работу о книгах. Она, как преданный друг, не раз ободряла и утешала меня в минуты самой тяжелой скорби и одиночества. Вместе с Петраркой, ее, неживую, предпочитаю я тем живым, которые “только потому считают себя живыми, что видят собственное дыхание в холодном воздухе”». Академик Д.С. Лихачев неустанно повторял, «что библиотеки и архивы всегда стоят в ряду культурных ценностей на самом высоком месте. Если вдруг погибнут иные центры культуры, то она все же возродится, если сохранятся библиотеки».

Крупнейшим подобным центром является Российская государственная библиотека, созидавшаяся трудами многих тысяч людей, несколькими их поколениями. Лепта библиофилов, вложенная в это созидание, огромна. Они-то, по сути, и создали эту вторую по величине библиотеку мира.

Нет, совсем недаром в Московском публичном и Румянцевском музеях существовала традиция – имена библиофилов-дарителей всячески увековечивались, даже выбивались на внутренней стене Пашкова дома золотыми буквами. И не случайно историограф Библиотеки М.М. Клевенский писал: «Подводя итоги комплектования фонда за счет частных книжных пожертвований, мы должны отметить, что этим путем

Московский публичный музей получил огромные научные и культурные ценности, которыми и доныне гордится Библиотека имени В.И. Ленина. Это был единственный источник формирования фонда старых русских книг – с начала книгопечатания до 1862 г. Это был единственный источник формирования фонда старых иностранных книг. Это был основной источник комплектования иностранных книг XIX века».

Еще более определенные и образные слова были сказаны в этой связи в дни 50-летия обоих музеев в 1912–1913 гг.: «Н.В. Исаков, создавая музей, говорил, что он начал дело строительства задуманного учреждения так, как создаются храмы Божии: без всяких средств. Эти слова можно приложить ко всему первому пятидесятилетию жизни музеев. Все, что в настоящее время имеется в музеях, что ими накоплено за это время, накоплено именно так, как накапливали свои богатства храмы русской земли – все это жертвы их милостивцев, добротные даяния ревнителей благого просвещения».

Для нас сейчас крупнейшие библиофильские собрания – эти приметнейшие явления культуры на всем протяжении истории книги – стали готовыми лабораториями для изучения культуры книжной, для постижения сложнейших процессов читательского восприятия, пристрастий, симпатий...

Каждая из подобных лабораторий уникальна.

Правда, большинство таких собраний-лабораторий уже не существует. Их инструментарий – книги – «растворился» среди миллионов иных «единиц хранения».

В условиях дефицита библиотечных площадей подобное «исчезновение» почти неизбежно. Оно наблюдается во всем мире. Жаль только, что такая участь постигла собрания исключительные, представляющие ныне для нас колоссальнейший интерес, особо значимые своим составом и историей. Утрата их как целостности – потеря невозполнимая. Нельзя ли поправить положение? Хотя бы отчасти? Конечно, мемориальное хранение всех частных библиотек – дело едва ли возможное. Однако совершенно необходимо «собрать» в полном виде личную библиотеку Н.П. Румянцева, создать и издать современные каталоги различных ее коллекций, восстановить этот книжный храм – величайший памятник мировой культуры.

Библиотека Румянцева достойна особого хранения, специального музейного зала, хотя бы виртуального, доступного для всеобщего обозрения. Она гордость не одной России, но и Европы, всего мира.

Приложения

Составитель Л.Л. Щавинская

- I. Документальные материалы о жизни и научной деятельности Н.П. Румянцева и его ближайших сподвижников.
- II. Документальные материалы о переводе Румянцевского музеума из Санкт-Петербурга в Москву и создании единого Московского Публичного музеума и Румянцевского музеума.

І. Документальные материалы о жизни и научной деятельности Н.П. Румянцева и его ближайших сподвижников

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Фрагменты рукописного каталога книг,
изданных в XVI–XVIII вв., из библиотеки Н.П. Румянцева**

Л. 1. «ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ

б) в четверку

1. Отрывок Руской Библии, переведенной с латинской Вулгаты Доктором Врачебных наук Франциском Скориною, из Города Полоцка, изданной с лицевыми на дереве вырезанными изображениями В Старой – Праге, в начале XVI века.

Содержит [1]:

1) **Книгу Иова**, напеч. 1517 года. на 51 листе; в начале не достает двух.

2) **Книгу Даниила Пророка**, 1519, с изображением на 40 листах.

3) **Книгу Есфирь**, 1519. с изображением на 26 л.

4) **Книгу Иудифь**, 1519. с изображ. на 26 л. последний приписан.

2. Содержит [2]:

1) **Книгу Судей**, с изображ. на 47 л. без послесловия.

2) **Екклесиаст или Соборник Соломона**, 1518, с изображением на 18 л.

3) **Притчи Соломона**, 1517, с двумя изображ. на 48 л.

4) **Книгу Иудифь** другой экземпляр; здесь последний лист печатаной.

5) **Книгу Даниила Пророка**. Другой экз.

6) **Плач Иеремии**, 1519, с изображ. на 12 л.

3. Содержит [3]:

1) **Книгу Иудифь**. Третий экз.

2) **Книгу Есфирь**. Другой экз. Здесь недостает послесловия.

3) **Притча Соломона**. В сем другом экз. в середине не достает 20 листов.

[Л. 1об.]

4) **Премудрость Божию (Премудрость Соломона)**. 1518; в начале недостает 7 л.

ПРЕДГОВОРІЕ ВЪ ПРІТЧІ ПРІМЪДРАГО
САЛОМОНА ЦАРЯ ІЗРАЙЛЕВА :-

СЛ
СА
СИ
НЕ

НШЕТЬ СТЫИ НОАИЪ ВОСВОЕМЪ ЕХ
ВАНГЕЛИИ • ИЖЕ МШЪ СПАСИТЕЛЬ
РЕСЛЪ ЕСТЬ • БИВЪ ВЪ ПРІТЧАХЪ
ГЛАХЪ ВАМЪ ; ПРИДЕЖЕ ЧАСЪ ІАКО
КТОМО НЕВЪ ПРІТЧАХЪ ВОЗГЛЮ КВАИ
НОИЕТЪ ОУЦИ МОЕМЪ ВОЗЯТШУ ВАМЪ • ИНОГО
КРАТЪ ПРЕЖЕ ТОГО ВЪ ПРІТЧАХЪ ГЛАЛЪ Е КВАИ
ГДЪ БОГЪ НЕЖЕЛИ ПРИМАЛЪ ТРОВАЧЕНСТВО ШПРЕ
ЧИСТОЕ БОГОРОДИЦЫ ІІАРИИ • СТЪИМИ ТЪЦИ
ІІПРЪКИ, ЯНАБОЛЪІИ ЦАРЕМЪ САЛОМОНОМЪ, ОНЪ
КО ПРОСИЛЪ ЕСТЬ ШГДА БОГА ШДРОСТИ ІІРАЗУМА;
ІІШВЕЩА КВАИМО ГДЪ БОГЪ ПОНЕЖЕ ЖАДАЛЪ ЕСИ ОУ
МЕНЕ СЛОУТЪСИ СЕГО • ЯНЕПРОСИЛЪ ЕСИ СОУТЪ
ДНЕИ МНОГЫХЪ, НИБОУТЪЕШТВА, НИЖЕ ДУШЪ ВЪРАГОУ
ТВОИ • НОЖДАЛЪ ЕСИ СОУТЪ МЪ ДРОСТИ КВАИ
ЧЕНИЮ СЪДОВЪ, СЕШЧНИИ ТОВЪ ПОЛОВЪСИ ТВОЕ
МЪ • ІІДАЛЪ ТОВЪ СРЦЕ МЪ ДРАГО ІІСМЫСЛЕНО

Страница имевшейся в собрании Н.П. Румянцева
в двух экземплярах «Книги Притчи Соломона»,
переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1517)

5) **Книгу Даниила Пророка** третий экз. в коем в конце недостает 17 л.

Издание весьма редкое».

Л. 9

«ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ

а) в лист

№ 1. **Апостол**, изданный первым Московским Типографщиком диаконом Иоанном Федоровым, под покровительством Гетмана Великого Княжества Литовского Григория Александровича Хадкевича, во Львове 1574 года с гравированным изображением Евангелиста Луки. Буквы в сем Апостоле, печатавшемся в течении года, те же какия и в первом, в Москве изданном в любопытном послесловии, к оному присоединенном, Иоанн Федоров описал начало заведенной им типографии, причины, побудившия его удалиться из Москвы и покровительство оказанное ему Сигизмундом Августом Королем польским и гетманом Хадкевичем, на обороте последняго листа Предисловия изображены Гербы города Львова и типографщика; вокруг последняго начертано: Иоан, так как внизу сего гравированного изображения означено: Иоанн Федорович друкаръ Москвитин. На 279 листах.

Сей Апостол [4] дан был вкладу одним Запорожским Козаком в храм Преображения Господня в городе князей Корецких Лесниках, с жестоким проклятием того кто дерзнет похитить оный из Святаго Места. Что видно из собственноручной в начале по листам надписи сего Козака.

Г. Сопиков справедливо замечает что экземпляры сего Апостола весьма редки в России и едвали не реже перваго московскаго — чистый и хорошо сбереженный экземпляр».

(Писарской вариант, составлен после 1818 г.).

РГБ, отдел рукописей, ф. 255, картон 14, е.х. 3, л. 1-1об, 9.

Примечания

1. Конволют, описанный в каталоге под № 1, сохранился в собрании НИО истории книги РГБ в целостном виде в одном переплете. Инвентарные номера книг конволюта: 6520 («Книга Иова»), 1440 («Книга Даниила пророка»), 6531 («Книга Эсфирь»), 6529 («Книга Иудифь»). Переплет: доски в коже с тиснением, медные застёжки.

2. Книги конволюта, описанного в каталоге под № 2, переплетены каждая отдельно в 1970-х гг. в кожаные переплеты.

3. Книги конволюта, описанного в каталоге под № 3, переплетены каждая отдельно в 1970-х гг. в кожаные переплеты.

4. В настоящий момент этот экземпляр «Апостола» находится в фондах РНБ в Санкт-Петербурге (шифр 1.1.216). Экземпляр из коллекции Н.П. Румянцева попал к известному собирателю и исследователю кирилловских изданий И.П. Каратаеву, а от него в Императорскую Публичную библиотеку.

о. Иоанн Григорович*
**«Содержание Грамот, писанных на Русском, Польском
и Латинском языках, кои отысканы, по препоручению
Государственного Канцлера, в Могилевских Архивах,
с означением времени их писания, и мест, где оне хранятся**

Число грамот		Время и место их написания	Места хранения их
1	2	3	4
1	Грамота Казимира, о пожаловании Могилевским боярам, Сидору Ильиничу с братьями Семенчинской земли и об освобождении их от пошлин и повинностей, кроме панцерной службы.	1443 г. Март. 8 дн. в Вильне.	В библиот. Мог. Семинарии (в списке XVII века)
2	Грамота Князя Мстиславского Ивана Юрьевича, о пожаловании на Мстиславский Троицкий Собор разных угодий и даней.	1463 г. в Мстиславле.	В Архиерейском архиве (в списке).
3	Грамота Александра, о судах и правах Православного духовенства, данная Киевскому Митрополиту, Иосифу. (Она вписана была в метрику Литовского Княжества, и из оной извлечена в привиллегию Стан. Августа 1766 г. Июня 3. По важности Акта. приобщится к нему и текст на Польском языке).	1499 г. Марта 20 дн. в Вильне.	Там же.
4	Грамота подтвердительная Королевы Елены об увольнении, на основании Казимировой грамоты, Могилевских бояр Ильиничей от пошлин, серебщизны, подачок, кроме панцерной службы.	1506 г. Декабря 30 дн. в Городне.	В библиот. Могилевск. Семинарии (в сп. XVII века)

1	2	3	4
5	Грамота отказная Мстиславского Князя Михаила Ивановича, с супругою и детьми, о пожаловании Мстиславскому Николаевскому Монастырю, на горе, несколько семейств с данями. (Выписана z <i>Xiąg ziemskich prowincyi Mscislawskiej</i>).	1508 г. Сентября 8 дн. в Мстиславле	В Архиерейском архиве.
6	Грамота Сигизмунта I-го, в которой, на основании привилегий Витовта, Казимира III-го, и Александра, подтверждаются права Православного Духовенства, и независимость его от влияния светских властей. Дана Киевскому Митрополиту Иосифу. (видно, что подлинник писан был по-русски, но неотыскан: он, как замечено, <i>lezy Teraz w Magdeburgyi Poharskey</i>).	1511 г. Июля 2 дня в Бресте	В Архиерейском архиве (в списке).
7	Грамота Князя Михаила Ивановича Мстиславского, о пожаловании к храму, Великому Спасу пустощизны села Никоновского, с описанием границ оной. Из <i>xiąg glywnych ziemskich Guber. Moh.</i> 1776 г.	1519 г. Июня 5 дн.	В Архиерейском архиве (в списке).
8	Отказная грамот Княгини Мстиславской, Иулианы Ивановны о пожаловании к храму Св. Троицы тяглою человека с угодиями и данями.	1537 г. Марта 11 дн. в Важничах	Там же (в списке).
9	Отказная грамота Княгини Мстиславской, Василисы Ивановны о пожаловании к храму Св. Троицы тяглою человека с его семейством,	1537 г. Ноября 20 дн. в Важничах.	Там же (в списке).

СВЕТОВОГО ІОБА

Немоши вѣликоѣ єюже дивволъ стго Іова заразиаъ, ꙗкоже жена єго вѣлеа єму гдѣ бога зло рѣчити • Отрѣхъ друзехъ єго ѡниже пришли кне мѡ потешити єго, Нендечи великую болѣсть єго седмь днѣи иноше немогли кнемѡ молвити ⁜

Высть потомъ ꙗко воединь днь, Придо ша ꙗнѣли бжнїи стати прѣдъ гдѣмъ: Приде и дивволъ посрѣде и ѡста прѣдъ лице бжнїимъ Ирече гдѣ ко дивволѡ ѡкѡдѡ ты пришолъ: **В**ыше а ѡвещаже дивволъ ирече прошедъ поднебеснѡю, и ѡ вѣшедъ землю придохъ • Ирече гдѣ ко дивволу ви делъли єси раба моего Іова, ꙗко несть наземли человекъ подохѣнъ ємѡ • Непороченъ правденъ благочестивъ бо мѣса бога, и ѡдал мѣса ѡвѣликаго зла • Неще хранишь невинность свою, ты же мѣи ре че и мѣниє єго погубити вотще • ѡвещаже дивволъ ирече къ гдѣ • Тело чужде за тело свое, и все иже имать человекъ дастъ задѡшѡ свою • Ныне ѡбо по шли рѡкѡ твою и доткнѣса плоти єго и кости єго и тогда ѡзриши ꙗко влице бѡдетъ злоречити тебе Ирече гдѣ ко дивволу, се вруце твое прѣдѡ и то

Страница имевшейся в собрании Н.П. Румянцева «Книги Иова», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1517)

1	2	3	4
	угодиями и данями. – (Во многом сходна с предыдущей, кроме имени Завещательницы: замечено, что подлинник писан был на пергаменте). –		
10	Грамота Сигизмунда Августа, старосте Мстиславскому Кн. Соломерецкому, подтверждающая вклады и угодия, пожалованные Мстиславскими Князьями тамошним церквам и монастырям.	1558 г. Июня 9 дн. в Шерешове	Там же (в подлиннике).
11	Грамота Сигизмунда Августа, о повинностях Могилевских граждан и количестве податей, определенных ко взносу в Королевскую казну с земель, товаров и ремесл.	1561 г. Февр. 20 дн. в Вильне.	В библ. Могилевск. Семинарии, и арх. Консистерском (в списках).
12	Грамота Стефана, о восстановлении в Могилеве Магдебурского права, с предоставлением жителям его разных преимуществ в торговле, учреждении ярмарок и торгов, и построении училища. (Писана на Латинском языке, на пергаменте; но современный перевод найден в Семинарской библиотеке.)	1578 г. Енвар. 28 дн. в Бидгоще.	В Архиве Магистратском.
13	Грамота Его же, о дозволении исповедующим Веру Православную отправлять праздники по старому Календарю, и за то их негнать и не утеснять и неграбить.	1584 г. Енвар. 21 дн. в Гродне	В арх. Архиерейском (в списке современном).

1	2	3	4
14	Грамота Его же, об увольнении Могилевских граждан от подати, назначенной на крепостных пушкарей, вместо коей возложена на них обязанность устройства градского палисада и защищение самого города.	1585 г. Марта 3 дн. в Варшаве	В библ. Семинарск. (в список. XVII века).
15	Грамота Его же, коею на основании конфедерационного постановления (1573 г.) жители, исповедующие Православную веру, уволены от принятия новоисправленного Календаря, с предоставлением им свободы в устройении и возобновлении храмов и училищ. (Писана на Латинском языке, но и перевод оной отискан).	1585 г. Маия 18 дн. в Неполоничах	В Арх. Архиерейском (в списках).
16	Грамота Сигизмунда III-го, о запрещении, под штрафом тысячи коп грошей, взимать с Могилевских купцов, производящих торги рекою Днепром до Черкас, излишния, вопреки Уставу, пошлины и мыта.	1588 г. Июня 6 дн. в Кракове.	В Библ. Могил. Семинарии (в списке XVII века).
17	Грамота Его же, об освобождении Могилевских граждан от крепостных работ и других повинностей, с возложением, вместо того, обязанности починять палисад, и предоставлением им права строить в крепости свои кладовые, на случай вторжения неприятелей.	1588 г. Июня 13 дн. в Кракове	Там же.

1	2	3	4
18	Грамота Его же, о дозво- лении иметь Могилевским жителям на Днепре особый, кроме Поповскаго, перевоз, до устройства через сию реку моста, на иждивении самих жителей.	1588 г. Июня 13 дн. в Кракове	Там же.
19	Грамота Его же, запрещаю- щая отнимать от Епископий и Монастырей церковные имения, по смерти властей, равно как и от Католиче- ских костелов. (Она выдана экстрактом из Литовской метрики. По важности акта сего, приобщится к нему текст и на Польском языке.)	1589 г. Апрел. 23 дн. в Варшаве	В Архиве Архиерей- ском.
20	Грамота Его же (или Уни- версал) о несуждении духов- ных лиц Православной веры Гражданским Начальством, неразведении браков и не- прикосновенности к церков- ным и их имуществам.	1592 г. Енвар 2 дн. в Варшаве	Там же (в списке).
21	Булла Папы Климента VIII-го к Митр. Киевскому Михаилу и пяти южной России Епископам, в которой похваляя их за присоединение к Римской Церкви, предлагает созвать Собор, и на нем тожест- венно оно утвердить.	1596 г. Февр. 7 дн. в Риме.	В Архиве Архиерей- ском. (в списке).
22	Булла Его же, о дозволении приступившим к Унии Епи- скопам с клиром и народом, оставаться при древних обрядях Восточной Церкви, и Епископам не ездить в Рим за подтвердительными на сан грамотами.	1597 г. Марта 1 дн. в Риме	Там же (в списке).

Сїа́ оубо́ по́вѣсть ѿзъѣвлѣ́ ѿкѣдѣ́ нача́ся .

ни́како́ съверши́ся дру́карня́ сїа́ .

Нзблѣніемъ ѿца́ , неспѣшніемъ
ина́ , неъвершіемъ е́таго́ дѣла́ . по
велѣніемъ́ блгоу́чнѣаго́ цр҃кѣ́ ѿвели́
каго́ кмѣ́са . ѿва́на ба́снльѣвнѣа
всѣ́а рѣсн . ѿблго́словеніемъ́ пребо́щеннаго
маіка́рїа мнѣрополнѣа́ всѣ́а рѣсн . дру́ка
рнѣ́а сїа́ съзѣта́внѣа , въцр҃кѣ́бдѣннѣемъ́ гра́дѣ́
москѣ́вѣ́ . вълѣ́тѣ́ , ѿ́ пѣрвое́ . вътрндеся́
тое́ лѣ́тѣ́ гдѣ́рствѣ́аего́ . Сїа́же́ оубо́ неѣдѣ́
не нача́хъ по́вѣдѣти́ ва́мъ , но́ прѣсѣ́наго
ра́дн ѡ́блѡбленіа́ члѣ́сто елѣ́чуа́нцагосѣ́а на́мн .
не ѿса́могѡ́ того́ гдѣ́ра . но́ ѿмно́гихъ нача́ль
нннѣ́хъ , нещѣ́нно нача́лнннѣ́хъ , ноу́чнѣ́тель .
ко́торые́ на́мѣ́хъ зѡ́бнѣти́ ра́дн мно́гїа́ ѣ́ресн
оу́мышлѣ́ахн , хо́тѣау́н блго́е въ́сло прева́р
чнѣ́тн , ѿбѣ́жнѣ́ дѣ́ло въкѡ́нѣць погѡ́бнѣ́тн . ꙗ́ко
ѡ́бычанъ́ е́сть блннра́вннѣ́хъ , ѿнѣнлоу́чннѣ́хъ , ѿ
нѣннѣ́кѡ́вннѣ́хъ вѣ́рѡвѣ́мѣ́ члѣ́кѡ́хъ . ннѣ́же гра́мотнѣ́
чѣ́скїа́ хнѣ́троствн́ на́внѣ́кше , ннѣ́же дѣ́лагнаго
ра́зѣ́ма ѿпо́лнѣ́нн бнѣ́вше , но́ тѣ́мнѣ́ ѿбѣ́де

Заглавный лист «повести» Ивана Федорова «откуда начася и како свершися друкарня сия», помещенной в имевшемся в собрании Н.П. Румянцева «Апостоле» (Львов, 1574)

1	2	3	4
23	Грамота Сигизмунда III-го о учреждении в Могилеве, при храме Богоявления Господня, Братства, коего члены обязаны были вносить в кассу онаго произвольные вклады на содержание духовенства, вспоможение бедным и больным, погребение убогих, и содержание Православной школы и учителей.	1602 г. Декабр. 6 дн. в Кракове.	Там же.
24	Выписка из Устава Королевских ревизоров о вольности и повинностях Могилевских жителей, также о времени и образе собирания податей.	1604 г.	В Семинарской библиот. (в соврем. списке).
25	Грамота Сигизмунда III-го Минскому Старосте Андрею Станькевичу о запрещении брать с Могилевских жителей, приезжих и переезжих, мыто подушное, торговое и обестку, от коего они уволены, и зато не задерживать и не грабить.	1605 г. Декабря 2 дн. в Кракове.	Там же.
26	Грамота Гедеона, Митр. Киевского, игуменам Дисненскому Афанасию, и Друйскому Варфоломею, о запрещении ездить им в Шведский город Ригу для богослужения и исправления треб, каковое право предоставлено монастырям, Витебскому и Полоцкому.	1607 г. Февр. 17 дн. в Киеве.	В Архиве Консистерск. (в списке).

1	2	3	4
27	Грамота Королевича Владислава, кою за усердие жителей Могилева оказанное при домогательствах его на Московский престол, предоставлено им право производить торговлю по Российской и Северной земле.	1618 г. Маия 26 дн. в Вязьме.	В библ. Семинарск. (в современ. списке).
28	Грамота Сигизмунда III-го, данная Мстиславскому Пустыньскому Монастырю, в подтверждение прежних, о предоставлении в пользу его земель, принадлежащих к селу Любковскому, и с онаго ежегодной дани, состоящей в трех рублях грошей.	1631 г. Марта 13 дн. в Варшаве	В Мстиславск. Монастыре (в харат. подлиннике).
29	Грамота Владислава 4-го, кою, по привилегии Сигизмунда III (1626 г.), велено евреев изгнать из Могилева, и отвесьть им, для поселения, место за градким валом, также запрещено строить во внутренности города бани и пивоварни.	1633 г. Марта 8 дн. в Кракове.	В Архиве Магистратск. (в харат. подлиннике).
30	Грамота Его же подтверждающая постановление об учреждении в Могилеве братской купеческой кружки, отдельно от мещанской, для поддержания упавших купцов.	1633 г. Марта 18 дн. в Кракове.	В библ. Семинарск. (в современ. списке).
31	Грамота Его же, о предоставлении Могилеву, за верность жителей его и пожертвования их во время войны с Русскими, так называемого брукового	1637 г. Июня 18 дн. в Варшаве	В арх. Магистрат. (в харатейн. подлин.)

1	2	3	4
	сбора, по сухому и водному пути, и об отделении онаго на устроение крепости.		
32	Грамота Петра Могилы, Митр. Киевского, монахиням Могилевского Братского монастыря, о предоставлении им права на сукание свечей, печение просфор, и на свободную продажу оных при монастыре. (Выписан из книги Справ меских Могил. права Магдебурского 1700 г.)	1644 г. Июля 2 дн. в Киевск. Лавре.	В арх. Архиерей- ском
33	Грамота Владислава IV, о предоставлении Еписк. Могилевскому Сильвестру и его преемникам, по уважению малости кафедральных доходов, в Могилеве торговых, померных и роговых пошлин, вместо двух тысяч злотых, кои выдаваемы ему ежегодно из казны Королевской.	1646 г. Март. 6 дн. в Варшаве.	Там же (в подлин. на бумаге).
34	Грамота Его же о запрещении Могилевск. жителям, в предотвращение города от пожаров и разных тревог, дома свои, как в самом городе, так и в предместьи, отдавать в наем Евреям.	1646 г. Апр. 5 дн. в Варшаве.	В библи. Семинарск. (в современ. списке).
35	Грамота (охранная) Царя Алексея Михайловича, Оршанским, мужскому и девичью монастырям, о нечинении им ратными людьми обид и раззорения, и о позволении ездить в Бизюковской монастырь, и в другие города и места.	1654 г. Август. 20 дн. под Смолен- ском.	В Оршан- ском Монастыре (в подлин. на бумаге).

Типографский знак Ивана Федорова с надписью
«Иоанн Федорович друкърь Москвитинъ»,
напечатанный в имевшемся в собрании Н.П. Румянцева
«Апостоле» (Львов, 1574)

1	2	3	4
36	Грамота Его же с изображением прав и вольностей, данных жителям Могилева, по случаю сдачи ими города и присоединения его к Российской державе. По оной и Могилевск. Епископия причислена в ведомство Патриарха Московского, с правом посвящаться от него Архиереям.	1655 г. Сент. 15 дн. под Смоленском.	В библ. Семинарской (в соврем. списке).
37	Грамота (подтвердительная) патриарха Никона, Полоцкого Богоявленского монастыря Игумену, Игнатию, с братиею, о непосредственной зависимости его от патриаршаго престола без всякаго влияния на управление сим монастырем Епископов Полоцких.	1658 г. Март. 27 дн. в Москве.	В Архиве дух. Консистории (в списке).
38	Грамота Иоанна Казимира, которою жители Могилева за усердие в отражении неприятелей и истребление Русских воинов, бывших в сем городе, освобождаются от всех воинских поборов, сравниваются с Виленскими столичными жителями в правах и вольностях, жалуются городу герб и печать, а Чиновникам Магистрата дворянское достоинство.	1661 г. Июня 9 дня в Варшаве.	Там же (в харат. подлиннике).
39	Грамота Его же подтверждающая установление в Могилеве купеческого братства, и правила,	1661 г. Июня 9 дн. в Варшаве	Там же (в харат. подлиннике).

1	2	3	4
	на коих оно существовать долженствует, с дарованием обществу сему особой печати, и права иметь своих старшин и производителей дел.		
40	Грамота Его же, в которой жители Могилева, предавшиеся на сторону Русских, во уважение услуги оказанной во время истребления Русских воинов, прощены и оставлены при прежних правах и преимуществах. (В оной упоминается о взятии ими в плен двух русских воевод.)	1661 г. Июн. 9 дн. в Варшаве	Там же. (в харат. подлиннике).
41	Грамота Иакова Герцога Лифляндскаго, Курляндскаго и Семигальскаго, с изображением прав и вольностей, поселившимся в Сельбургском уезде, дарованных Российским перешельцам, в слободе. —	1670 г. Февр. 12 дн. в Митаеве	В Архиве Д. Консistorии. (в переводе).
42	Грамота (универсал) Михаила, о том, чтобы Могилевских граждан и купцов, по уложению Магдебурскаго права, ни в каких местах не судить, кроме их ратуши, под штрафом десяти тысяч коп.	1672 г. Март. 30 дн. в Варшаве	В библ. Семинарск. (в списке).
43	Грамота Иоанна III-го подтверждающая привилегии, данные в разные времена Унитскому Духовенству, об освобождении оного от влияния светской власти по делам духовным, и о неприкосновенности церковных имуществ	1676 г. Март. 3 дн. в Кракове	В Архиве Архиерейск. (в списке)

1	2	3	4
44	Грамота Его же, кою на основании прежних привилеий, в преимущество Унитского Духовенства, назначены ему разные монастыри во владение, а Неунитам запрещено иметь православные церкви в Витебске, Полоцке и Новогродке.	1676 г. Март. 3 дн. в Кракове	Там же (в списке).
45	Грамота Патриарха Иоакима, Полоцкого Богоявленского монастыря Игумену, Игнатию Жигмонтову с братиею, о непосредственной зависимости сего монастыря от престола патриаршаго.	1686 г. Март. 27 дн. в Москве.	В Архиве Консistorии (в списке)
46	Грамота Сильвестра Волчанскаго, об исключительном праве, данном Полоцкому и Витебскому Монастырям, отправлять монахов в Ригу, для богослужения, исправления треб, и милостыннаго сбора.	1686 г. Июля 8 дн. в Могилеве	Там же.
47	Грамота (подтвердительная) Варлаама Ясинскаго, Митр. Киевскаго, о том же, с прибавлением запрещения ездить в Ригу монахам Друйскаго и Дисенскаго монастырей.	1690 г. Март. 2 дн. в Киеве.	Там же.
48	Грамота (подтвердительная) Патриарха Адриана, Полоцкого Богоявлен. Монастыря Игумену Каллисту, и Витебскаго Маркова, игумену Феофану о том же.	1697 г. Февр. 2 дн. в Москве	Там же.

Титульный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева
 «Острожской библии», напечатанной Иваном Федоровым
 (Острог, 1581)

1	2	3	4
49	Грамота (подтвердительная) Серафимона Полховского, Православного Еп. Мстаславского и Могилевского, Стефану, игумену Полоцкого Богоявленского монастыря о том же.	1699 г. в Могилеве	В Архив. Д. Консист. (в списке)
50	Грамота Петра I-го Александру Подберезскому, о обещании освободить находящегося в плену сына его, под условием, если приведет он к соединению с Речью Посполитою Г. Сапеге с их войсками.	1709 г. Март. 10 дн. в Воронеже	В библи. Семинар. (в списке).
51	Грамота Его же о дозволении жителям Могилева беспрепятственно строиться в городе, и об уволении их, по причине разорения, от всех поборов на войско.	1709 г. Март. 24 дн. в Воронеже	Там же.
52	Грамота Его же, Запорожского войска Гетману Ив. Иль. Скоропадскому, о свободном пропуске жителей Могилева через Великороссийские и Малороссийские города, для отправления торговли.	1709 г. Март. 24 дн. в Воронеже	Там же.
53	Грамота Его же послу Оршанского повета Василевскому с обнадеживанием вельмож и рыцарство короны Польской, желающих приступить к союзу с Речью Посполитою, в доставлении им защиты и спокойствия в маестностях.	1709 г. Март. 31 дн. в Воронеже	Там же.

1	2	3	4
54	Грамота Екзарха, Стефана Яворскаго об утверждении Белорусских ставропигиальных монастырей в ведении Киевских Митрополитов, с представлением права Епископу Белорусскому, по причине отдаленности от Киева, посвящать в оныя Священнослужителей. (Bonuc. xiąg fiskalnych Woiewod. Mscisławskiego.)	1710 г. Март. 3 дн. в Москве	В Арх. Архиерейском.
55	Грамота Екзарха Стефана Яворскаго, об освобождении Полоцкаго Богоявленскаго Монастыря от подчиненности Епархиальной власти, с дозволением сооружать, возобновлять и освящать православные церкви.	1715 г. Июля 13 дн. в С.П.Бурге	В Арх. Д. Консistorии (в списке).
56	Грамота Его же, Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Иеромонаху Дионисию, об исключительном праве монахам сего, и Маркова Витебскаго монастырей ездить в Ригу для богослужения, исправления треб, и сбора милостыни.	1715 г. Окт. 7 дн. в Москве.	Там же.
57	Грамота (подтвердительная) Петра I-го Полоцкаго монастыря Игумену Гедeonу Маркевичу о том же, без распространения однако права ездить в Ригу и Витебский Марков монастырь.	1722 г. Апр. 14 дн.	Там же.
58	Булла Папы Венедикта XIV к Канцлеру Королевства Польскаго, Иоанну Малаховскому, о принятии	1755 г. Февр. 8 дн. в Риме.	В Архиве Архиерейск. (в переводн. списке).

1	2	3	4
	мер к присоединению к унии кафедры Могилевской, по случаю смерти православного оной Епископа.		
59	Грамота Станислава Августа Еп. Белорусскому Георгию Конискому, о дозволении устроить в предместьи Могилева, при церкви Св. Николая, для православнаго юношества Греко-Латинское училище и типографию, с ограничением непечатать в ней книг еретических.	1768 г. Апр. 18 дн. в Варшаве	В арх. Архиерейск. (в подлин. на бумаге)».

*РГБ, отдел рукописей, ф. 255, картон 15, е.х. 5, л. 1-6.
(после 1817 г.).*

Примечание

* Роль Н.П. Румянцева в организации научных исследований самого широкого спектра, к сожалению, пока специально не изучалась. А ведь ему многим обязана не только нынешняя Россия, но и сопредельные государства, одним из которых является Беларусь.

Осенью 1792 г., в местечке Пропойске Могилевской губернии, в семье священника Иоанна Григоровича родился сын Иван, которому суждено было стать одним из первых отечественных профессиональных ученых, организаторов белорусоведческих и украиноведческих исследований, результаты которых ценны и по сей день. Решающее значение в жизни И.И. Григоровича сыграло близкое знакомство, а позднее и тесное сотрудничество и дружба с графом Н.П. Румянцевым, владельцем Гомеля, который стремился превратить город в центр культуры и образования и где по его желанию он был погребен в им же построенном Петропавловском соборе.

Склонность к научным занятиям появилась у И.И. Григоровича еще во время учебы в Могилевской духовной семинарии, где преподавал его отец, получивший прекрасную подготовку в Киевской духовной академии. В 1815–1819 гг. И.И. Григорович учится на средства Н.П. Румянцева в Петербургской духовной академии, а с 1820 г. молодой кандидат богословия, возвратившись по просьбе своего отца в Гомель, занимает его священническое место после рукоположения в сан.

Однако, несмотря на свою загруженность пастырскими делами, новый настоятель Петропавловского собора не порывает с наукой. Наоборот, дом И.И. Григоровича в Гомеле превращается в одну из деятельных археографических лабораторий Европы того времени. Отсюда он совершает многочисленные исследовательские экспедиции, ведет интенсивную переписку с виднейшими учеными, готовит к печати свои труды. Так появляется в рукописи «История белорусских иерархов», составляется, а в 1824 г. выходит из печати первая часть «Белорусского архива древних грамот», задуманного в трех частях.

Заглавный лист «Молитв на всю седмицу» св. Кирилла Туровского, помещенных в имевшемся в собрании Н.П. Румянцева экземпляре «Молитв повседневных» (Вильно, 1596)

Работы И.И. Григоровича сразу же получают заслуженную высокую оценку современников. Гомельский протоиерей становится известным ученому миру, уровень его архивных публикаций многие десятилетия остается образцовым, а кое в чем и непревзойденным. К сожалению, смерть Н.П. Румянцева, оплачивавшего издательские расходы одного из самых активных и любимых членов его «ученой дружины», помешала напечатанию остальных выпусков «Белорусского архива». В личном фонде И.И. Григоровича, хранящемся в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Республики Беларусь (Ф.6 – ОЦ, оп. 1), в числе других 118 дел находится рукопись второй части «Белорусского архива» (№ 14) практически готовая к печати.

В дальнейшем из собранных, но неопубликованных целиком материалов И.И. Григоровичу удалось напечатать отдельные тематические подборки. Так, например, в Санкт-Петербурге, куда он был переведен после службы в Гомеле и Витебске, в 1834 г. им издается «Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке», которая, по словам И.И. Григоровича, готовилась для помещения «во второй части Белорусского архива древних грамот», остающейся «и доселе в рукописи» (с. IV).

В 1837 г. И.И. Григорович становится членом только что учрежденной Постоянной Археографической комиссии при Министерстве народного просвещения, а в 1839 г. назначается «главным редактором государственных юридических актов». Им готовятся к печати и редактируются тома «Актов исторических, собранных и изданных Археографической комиссиею» и «Дополнения» к ним (СПб., 1841–1848).

В подготовленные И.И. Григоровичем объемные тома «Актов, относящихся к истории Западной России» (СПб., 1846–1853. Т. 1–5) он включает и некоторые материалы из «Белорусского архива». Все эти собранные, переведенные, прокомментированные и опубликованные им материалы, посвящены историческим событиям XIV–XVII вв., преимущественно церковным, причем «Акты Западной России» – ничто иное как строго документированная история православной церкви на белорусских и украинских землях в указанный период.

В числе работ И.И. Григоровича по истории православной церкви в Белоруссии необходимо упомянуть статью «Известие о древнем храме Христа Спасителя, построенном в XII веке преподобною Ефросиниею, близ Полоцка», написанную в 1832 г.; а главное, издание в 1835 г. двухтомного «Собрания сочинений» Георгия Конисского (1717–1795), знаменитого белорусского иерарха, близкого родственника семьи Григоровичей. Семейное предание гласило, что Георгий Конисский стал первым покровителем юного Ивана Григоровича, предки которого также были родом из Нежина. Белорусский иерарх несомненно был и первым вдохновителем ученых трудов молодого И.И. Григоровича, который напечатал единственное до сих пор собрание его сочинений (переиздано в 1861 г.), являющееся плодом тщательной текстологической работы, выполненной на самом высоком уровне.

Было бы справедливо, и это в значительной степени благодаря изданию И.И. Григоровича, высоко оцененному даже А.С. Пушкиным в специальной рецензии, назвать Георгия Конисского первым историком православной церкви на Беларуси, а его издателя – достойным преемником на данном поприще. Подобные мысли целиком совпадают с мнением сына И.И. Григоровича Николая (1835–1889), известного ученого, руководителя Архива и Библиотеки Священного Синода в Санкт-Петербурге. Он писал о своем отце: «Прошедшее отечества составляло любимейшую задачу его ученой работы, но в особенности прошедшее... его родины и места служения в продолжении большей половины его жизни. В этой последней области ученого труда он был, можно сказать, первым деятелем, взявшимся, по указаниям своего знаменитого родственника Георгия Конисского, за дело...» (Странник 1861. № 6. С. 304).

о. Иоанн Григорович

«Содержание грамот писанных на польском и латинском языках, кои отысканы в Могилевских архивах по препоручению Государственного канцлера, с означением времени их писания, и места, где оне хранятся

Число грамот		Время их написания	Места, где оне хранятся
1	2	3	4
1	Грамота Владислава IV-го, заключающая подтверждение постановления об учреждении в Могилеве Братской купеческой кассы, отдельно от градской или мещанской, для поддержания купцов раззоренных от грабежей по дорогам. В сем Постановлении означено различное число пошлин, кои должны быть вносимы в Общество, по различию и качеству товаров, также по различию разстояния мест, куда они отправляются	1633 г. 18 Марта в Кракове	в библиотеке Могилевской Семинарии
2	Грамота Владислава, Королевича Польскаго и Шведскаго, коею он, в ознаменование усердия жителей Могилева, оказанного во время домогательства его на Московский престол, предоставляет им право производить торговлю по всей России безпрепятственно и безошлинно, обещая впрочем дать на сие особливую привиллегию по вступлению своем в Москву.	1618 г. 26. Маия, в Вязьме	Там же

1	2	3	4
3	Грамота Иоанна Казимира, которою он жителей Могилева, за усердие их в отражении неприятелей и истребление стоявших в сем городе Руских воинов освобождает от всех воинских поборов; дарует особливые права Магистрату, сравнивая в оных могилевцов с виленскими столичными гражданами, и предоставляя, на основании грамоты Сигизмунда Августа (1568 г.), Магистратским чиновникам пользоваться титлом и правами Дворянства; жалует городу герб и печать, и для приведения крепости в лучшее состояние, запрещает Евреям в оной селиться и торговать.	1661 г. 9. Июня, в Варшаве	в архиве Магистрат- ском
4	Грамота Владислава IV-го, коею, по привилегии Сигизмунда III-го (1626 г.), велено Евреев изгнать из Могилева, и отвести им, для поселения, место за градским валом, также запрещено строить во внутренности города бани и пивоварни.	1633 г. 8. Марта. в Кракове	Тамже
5	Грамота Иоанна Казимира, в которой жители Могилева, передавшиеся на сторону Руских, во уважение прежней услуги, оказанной ими во время истребления стоявших в городе Руских воинов, прощены и оставлены при прежних правах и преимуществах. —	1661 г. 9. Июня, в Варшаве	Тамже

ДРЕВНЯЯ
РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЯ

ошъ начѣла
РОССИЙСКАГО НАРОДА
до кончины
ВѢЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО

или до 1054 года,

сочиненная

МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

статскій Совѣтникъ, Профессоромъ Химіи,
и Членомъ Санктпетербургской Император-
ской и Королевской Шведской Ака-
деміи наукъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ 1766.

Титульный лист книги «Древняя Российская история»
М.В. Ломоносова (СПб., 1766),
имевшейся в собрании Н.П. Румянцева

1	2	3	4
	В оной упоминается о взятии ими в плен двух Руских воевод: но они не именуются.		
6	Грамота Стефана о возстановлении в Могилеве Магдебургского Права, с предоставлением жителям его разных преимуществ, о учреждении двух годовых ярмарок, и еженедельных торгов; о дозволении построить ратушу и Христианскую школу, и о вольностях торговли. – Сия грамота писана на Латинском языке, но современный оной перевод найден в Семинарской библиотеке.	1578 г. 28. Генвар в Бидгоще	Тамже
7	Грамота Стефана, коею, на основании конфедерационного Постановления (1573 г.), жители Польского Королевства и В.Княжества Литовскаго, исповедующие Греческую Веру, уволены от принятия новоисправленнаго Календаря, с предоставлением им свободы в устройении и возобновлении храмов, гостиниц и училищ. – Писана на Латинском языке.	1585 г. 18. Мая, в Неполонце	в Архиерейском архиве
8	Грамота Владислава IV-го о предоставлении Могилеву, за верность жителей его, и их пожертвования во время войны с Рускими, так называемого бруковаго сбора, как по сухому, так и водному пути, и об отделении онаго на устройство крепости.	1637 г. 18. Июня, в Варшаве	в архиве Магистратском

1	2	3	4
9	Грамота его же о предоставлении Епископу Могилевскому Сильвестру Косову и его преемникам, по уважению малости кафедральных доходов, в городе Могилеве торговых, померных и роговых пошлин, вместо двух тысяч злотых, кои выдаваемы были ему ежегодно из Королевской казны.	1646 г. 6. Марта, в Варшаве	в Архиерейском архиве
10	Грамота Сигизмунда I-го, в которой, на основании прежних привилегий Королей, Витовта, Казимира III-го и Александра, подтверждаются права Православного Духовенства, и независимость от влияния светской власти. Дана Иосифу, Митрополиту Киевскому.	1511 г. 2. Июля, в Бресте	Тамже.
11	Грамота Станислава Августа, данная Епископу Белорусскому, Георгию Конискому, о дозволении устроить в предместьи Могилева, при церкви Св. Николая для православнаго юношества Греко-Латинское училище или Семинарию, и типографию, с ограничением впрочем не печатать в ней книг еретических.	1768 г. 18 Апреля в Варшаве	Тамже.
12	Грамота Иоанна Казимира, подтверждающая Установление в Могилеве купеческого Братства, и Правила, на которых оно существовать долженствует, с дарованием оному обществу	1661 г. 9. Июня, в Варшаве	в Магистратском архиве.

1	2	3	4
	особливой печати, и права иметь своих старшин и производителей дел.		
13	Булла Папы Климента VIII-го к Митрополиту Киевскому, Михаилу, и пяти южной России Епископам, в которой, хваля их за присоединение к Римской церкви, советует созвать Собор, и на нем утвердить оное торжественным образом.	1596 г. 7.Февраля в Риме	в Архиерейском архиве.
14	Булла Папы Климента VIII-го о дозволении приступившим к Унии Епископам Российским, с клиром и народом, оставаться при древних обрядах восточной церкви; а Епископам не ездить в Рим за подтвердительными на сан грамот, исключая одного Митрополита.	159 г. 1. Марта, в Риме	в Архиерейском архиве.
15	Грамота Экзарха, Стефана Яворского об утверждении белорусских ставропигиальных монастырей под властью Киевского Митрополита, с предоставлением Епископу белорусскому права посвящать в оные священнослужителей, по причине отдаленности их от Киева.	1710 г. 3. Марта, в Москве	Тамже.
16	Грамота егоже, об освобождении Полоцкого Богоявленского монастыря от подчиненности Епархиальной власти, с дозволением сооружать, возобновлять	1715 г. 13. Июля, в С.П.бурге	в архиве Консисторском

**БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ,
содержащая
ДРЕВНІЯ ЛѢТОПИСИ,
и всякія записки,
способствующія
къ объясненію
истории и географіи российской
древнихъ и среднихъ временъ.
Часть I.**

**ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1767 года.**

Титульный лист первой части книги
«Библиотека Российская историческая» (СПб., 1767),
имевшейся в собрании Н.П. Румянцева

1	2	3	4
	и освящать Православныя церкви, и принять в ведение свое Бешенковицкую Ильинскую церковь.		
17	Грамота Иоанна III-го, подтверждающая привилегии Королей, Михаила, Иоа.Казимира, Александра, и Сигизмундов, данныя в разныя времена Унитскому Духовенству, об освобождении онаго от влияния светской власти по делам церковным, и о неприкосновенности церковных имуществ.	1676 г. 3. Марта, в Кракове	в Архиерейском архиве
18	Грамота его же, подтверждающая привилегии Владислава и других королей, коими, в преимущество Унитскаго Духовенства, назначены ему разные монастыри во владение, а Неунитам запрещено иметь Православныя церкви в Витебске, Полоцке и Новогродке.	1676 г. 3. Марта. в Кракове	Тамже.
19	Выписка из росписи Королевских Ревизоров, о вольности и повинностях Могилевских граждан, также о времени и образе собираня податей.	1604 г.	в Семинарской библиотеке.
20	Грамота Владислава IV-го об утверждении постановления Могилевских граждан, которым запрещено им, в предостережение города от разных тревог, дома свои, как в самом городе, так и в предместьи, отдавать в наем Евреям.	1646 г. 5. Апреля, в Варшаве	Тамже.

1	2	3	4
21	Грамота Михаила о том, чтобы Могилевских граждан и купцов, по уложению Магдебурскаго Права, ни в каких местах, кроме их ратуши, не судить.	1672 г. 30. Марта, в Варшаве	Тамже».

РГБ, отдел рукописей, ф. 255, картон 15, е.х. 5, л. 7-8.

о. Иоанн Григорович

**«Список рукописных и старопечатных книг в библиотеках
Монастырских, кои, по изданиям, почитаются редкими**

1) В Оршанском Кутеинском:

1. **Венец Христов**, с проповедий недельных, аки с цветов рожаных исплетенный; сочинение Антон. Радивиловскаго, игумена Киевскаго Испол. Монастыря. Киев. 1688. в лист. – У Сопик. означена под № 213 редкою. В библи. Оршанской сей книге два экземпляра.

2. **Беседы на Деяния Св. Апостолов**; перевод с Греческаго; с лицевыми изображениями; Киев. 1624 г. в лист. У Сопик. показаны под № 454 редкою.

3. **Поучительные слова**, или книга о Священстве, в ней содержатся: 1) житие Св. Иоана Злотоустаго, 2) слово о Священстве и 3) послание Св. Василия В. о хиротонии; перевод с Греческаго Иером. Епифания Славинецкаго; Москва. 1664. В лист. у Сопиков. означена под № 477 редкою.

4. **Ключ разумения**, содержащий поучительные слова Иоанникия Галятковскаго, Ректора Киевской Академии; издание второе. Киев. 1660. в лист У Сопик. показана сия книга под № 577.

5. **Мессия Правдивый**, И. Христос Сын Божий; сочин. Иоанникия Галятскаго; Киев. 1669. в 4-у. У Сопикова означена под № 615 редкою. в Орш. библиот. сей книги 2 экзempl.

6. **Оная же книга** на польском языке; Киев. 1672. в 4-у; печатана старонемецкими буквами. У Сопик. показана под № 616-м.

7. **Меч Духовный**, иже есть глагол Божий; соч. Черниговск. Архиеп. Лазаря Барановича; Киев. 1666. в лист. У Сопик. под № 614 означена редкою.

8. **Мир человеку с Богом**; соч. Архимандр. Иннокентия Гизеля; Киев. 1660. в лист. У Сопик. означена под № 661 редкою.

9. **Рай мысленный**, собранный Преп. Стефаном Святогорцем; в Иверском Монастыре 1659 г. в 4-ку. У Сопик. под № 138 показана редкою.

10. **Служебник**, или Божественныя Литургии; новое издание, исправленное духовным Собором. Москва. 1655. в 4. У Сопик. означена под № 1364. Это самая первая книга замечает Г. Библиограф, напечатанная по исправлении церковных книг.

11. **Трубы словес**; соч. Лазар. Барановича Арх. Черниговскаго; Киев. 1674. в лист. У Сопик. оба издания сей книги показаны редкими, под № 1565 и 1566.

12. **Феатрон правоучительный**, сочинение Иоанна Максимовича, Архиеписк. Черниговскаго. Чернигов. 1708. в 4. У Сопик. под № 1682:

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

СЪ

САМЫХ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

НЕУСЫПНЫМИ ТРУДАМИ

ЧЕРЕЗЪ ТРИЦАТЬ ЛѢТЪ

СОБРАННАЯ

И

ОПИСАННАЯ

ПОКОЙНЫМЪ ТАЙНЫМЪ СОВѢТНИКОМЪ И АСТРАХАНСКИМЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ,

ВАСИЛЬЕМЪ НИКИТИЧЕМЪ ТАТИЩЕВЫМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Напечатана при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1768. года.

Титульный лист первой части книги первой
«Истории Российской» В.Н. Татищева (М., 1768),
имевшейся в собрании Н.П. Румянцева

но два последующие издания сей книги в его библиографии не означены, о коих упоминает Митрополит Евгений в Слов. Писателей Дух. 1,303.

13. **Толкование на Апокалипсис**; перевод Захария Копыстенского; посвящена от него Зацне урожоному Пану Григорию Долмату. Киев. 1625, в лист. У Сопик. означен редкою № 68.

14. **Lutnia Apollinowa Kożdey sprawie gotowa**; соч. Лазар. Барановича. Киев. 1671. печатан старонемецкими буквами. О сей книге в Слов. Духов. Писателей неупоминается.

15. **Wiara prawosławna**; Вильна. 1704. в 4.

16. **Reformacyey obuczaiów polskich**, без означения года и места.

17. **Патерик Скитский**; рукопись полууставная XVI века в 4, под № 8; в начале оной присовокуплено слово Ефрема Сирина в четверток 5-ой недели поста. Не имеет конца. Начинается так: «Рече Авва Антоний: якоже рыбы медлящи на сусе умирают; такожде и мнеси кроме келия, с простою чадию живуще, к безмолвней крепости ослабляют: подобает убо, якоже рыбы в море, тако и нам в келиях тшчатися, еда когда медящи вне, забудем внутреннее хранение». — Оканчивается повестью об инокинях.

18. **Патерик Египетский**; под № 13; рукоп. полууставная XVI века; писана различными почерками. К оной присовокуплены: 1) разсуждения и свидетельства: вопросы ученичи и ответы учителя о Азбуце. 2) Основания добрых дел и 3) Сочинения Максима Грека: ?) и море себе утешаше и утвержаше в терпении; ?) како подобает входить во Св. Храмы Божия; ?) который в человечестве естестве первый грех; ?) сказания о венцах свадебных; ?) о Священном образе Спаса Христа, его же называют Унынием; ?) о птице Неясыти; ?) Ответ к вопрошившему: к кому, рече, преже всех с небесе грамота сослана быть; ?) речи, аки от амвона восходящим на него попом и диаконом; ?) на общую прелесть мечтаемых во сне сонних; ?) Совет Собору православному на Исака, жидовина, волхва и чародея и прелестника; ?) послание к Князю о неядении в понедельник скоромнаго; ?) о мучении некоего новоявленна мученика в Гречестей земле; ?) како подобает известно блюсти исповедание Православныя веры; ?) исповедание Православныя веры Максима, Инока; ?) К Начальствующиму (Великому Князю); ?) на потопляемых и погубляемых без ума богомерзким гнусным содомским грехом в муках вечных; ?) Слова возстановительна к покаянию.

19. **Дионтра**; альбо выражение живота людского натом свете; коштом и працею иноков церкви Святаго Духа Братское Виленское общаго жития; в Евю, в маестности вельм. Пана Е. М. И., П. Богдана Кн. Окгинского, Подкоморого Троцкого, року 1612. в 4. Большая часть сей книги состоит из рукописных листов, к дополнению печатных. У Сопик. означена под № 1690 очень редкою.

20. **Номоканон**, сиречь законоправилник, в Киевопечерской Лавре печатан. 1624 г. с предисловием Иером. Захария Копыстенскаго. См. Сопик. 1, 157. № 726. в 4. Все издания сей книги почитаются редкими.

21. **О везваню до Закону, и о досконалности вшедших в него, обвязующимся последовати Господу И.Х.**; избрано из учений разных учителей трудом Гавриила Домецкаго, недостойнаго Архимандрита пречестныя Св. Вел. обители Преч. Богородицы общежительнаго Монастыря Симонова; лето 1683. Современная рукопись в лист. о сем Сочинителе, и его труде нет у Сопикова сведений. В конце при-соединено размышление на семь дней о семи добродетелех Спасителя И.Х. хотящим Ему последовати.

22. **Евангелие учебное**, албо казаня на каждую неделю и Свята урочистыи през Св. о. нашего Калиста, Архиеп. Константинопольского, преложенное трудами виленских иноков; в Евю 1616. в лист. Сопик. 1, 90. почитает сию книгу очень редкою. Посвящена К. Богдану Соломирецкому Максентием Смотрицким, а не Анне Ходкевичовне княгине Корецкой, как у библиографа там же сказано. Сбережена хорошо.

II

в Могилевском Братском:

23. **Евангелие напрестольное**, юсовое, с ликами Евангелистов; в малый лист, без заглавнаго листа; но, кажется, то самое, которое напечатано Лук. Мамоничем в Вильне 1600 г. в серебряном окладе. У Сопикова означено редким № 276.

24. **Тоже**, новаго издания, при Иоасафе Патриархе; Москва 1634 г. в лист; в медном окладе с финифтью и камнями. У Сопик. под № 280 показано редким.

III

в Отмутской Церкви близ Могилева (*):

25. **Евангелион**, издан. трудами Братства при храме Усп. Богоматери, во Львове 1636. в лист в окладе. У Сопик № 281.

26. **Трифологион**, или избранная минея, при Патриархе Иоасафе; Москва. 1632. в лист. У Сопик. означ. под № 1604 очень редкою.

(*) По вкладной при Трифологионе видно, что в Отмуте был некогда монастырь или пустынь: но о существовании его нет никаких исторических сведений».

*РГБ, отдел рукописей, ф. 255, картон 15, е.х. 4, л. 1-2.
(около 1817 г.).*

о. Иоанн Григорович.
«Надгробное слово при погребении тела
государственного канцлера графа Н.П. Румянцева

*Крепость даже до старости пребысть
у него, яко взыти ему на высоту земли,
да видять вси сынове Израилевы, яко
добро ходити вслед Господа.*

Сирах. 46, 11.12

Сии слова мудраго в полной мере приличествуют славе усопшего, которого печальный гроб теперь окружаем: но самая высота славы его устрашает служителя слова, может ли оно быть достойно доблестей мужа знаменитаго, который во всю жизнь свою был подпорою Престола, украшением Церкви и отечества нашего утехою наук, и взошел на высоту земли (Сирах. 46, 11.12) Русской. Конечно, брэнное слово не может возвыситься до пределов такого величия, и ты, великодушный благодетель, прости ныне слабости слова моего, если оно будет смешиваться, или прерываться чувством скорби.

О! если бы величие человека, малым чем умаленного от ангелов, если бы величие его в состоянии было применить закон, для всех общий! Но всем по словам Апостола, лежит единого умерети (Евр. 9, 27), и по сему закону непреложному и нам предлежит теперь оплакивать потерю чувствительную, невозвратную. Так, сей гроб, вмещающий остатки земной персти, сей печальный вид священнодействия, сии моления, сии поминовения, сие жертвоприношение, сие унылое пение, поражающее слух наш и сердце, сии трогательные знаки скорби воздаваемые памяти почившего, которые любовь и сожаление печатлеют на всех лицах, все сие напоминает, что мы лишились его. И так весь блеск славы величия, счастья патриота превратился теперь в великолепие одного надгробного обряда! От всей полноты славы, величия и счастья его не остается нам более ничего, кроме сей печальной мысли, что его уже нет.

Что я сказал? Нет!.. он жив в сердцах всех сынов церкви и отечества. Славное имя его, знаменитые заслуги, незабвенныя благотворения пребудут навсегда предметом благоговейного воспоминания. Дух его, дух великий и бессмертный и теперь витает с нами, милости и щедроты, которые излил он на святое место сие, сосредоточивают так сказать земную славу его с доблестями добродетели вечной. Сие святилище, памятник его благочестия и благотворений приемлет в недра свои земные остатки его. Церковь, как ныне, так и всегда с признательностию будет памятовать и оглашать имя его

при священной жертве. И так, мы никогда, никогда с ним не разстанемся!

И если у нас остается еще чувство скорби о его потере, то вместе с тем сильнее возбуждается мысль о его добродетелях и его блаженстве. Время помыслить о сем. Печаль должна уступить вере и естественное сожаление должно дать место христианскому утешению.

По истине, когда мы представим себе, что христиане не умирают, но изменяют только жизнь, и что посему самому не должно нам, подобно другим, неимеющим упования скорбеть о тех, которые засыпают сном мирным, ибо мы все еще живем, еще умираем. Господни есмы (Римл. 14, 8), когда, говорю, представим себе, что тот, о смерти которого мы болезнуем, живет в Боге и ждет только нашего с ним соединения, то можем ли подумать, что мы навсегда его потеряли?

На земле, в сем временном виталище живущих, благодетельное небо исполнило все желания его и он в своей жизни имел, так сказать, счастливую судьбу тех чад Божиих кои любезны пред очами Его и человеков. Он в своей жизни имел, так сказать, ту полноту дней, которая довершает меру возраста (Ефес. 4, 13), Праведника, и тот деятельный дух, который не смотря на бремя старости и дел, сохранил свою силу и крепость до самого разрушения тела: крепость даже до старости пребыть у него (Сирах. 46. 11). Он имел славу, каковой весьма редкие достигают, и, переходя из славы в славу, в отечестве нашем удостоился чести быть первым блюстителем правосудия: яко взыти ему на высоту земли (там же). Бог и приготовлял его ко всем опасным подвигам и соблюдал его среди блистательных почестей, он послал ему и ту мирную и упованием на Господа сопровождаемую кончину, на которую он взирал, как на предел своих трудов, чтобы прешедши поприще жизни внити в вечную, обетованную радость господя. Добро ходити в след Господя (там же). Вот очевидные награды за добродетель! Вот видимые знаки благословения Божия!

Иисус Христос поучает нас в святом Евангелии, что благодать, собственно говоря, есть свойство единого Бога (Марк. 10, 18): ибо ему одному, подобает сообщаться с людьми разнообразием даров и милостей составляющих сокровища Его милосердия и благодати. Он один, будучи безконечно всемогущ, как и безконечно благ хочет всякого добра, какое только творити может и творить всякое доброе, какое только хочет (там же). Не смотря на то, Он во все времена воздвигает некоторые благодетельные души, которые служа орудием сей высочайшей благодати не имеют других пределов для своих даров и милостей, кроме тех, которые назначены Богом человеческой их силе и могуществу. В руке Господни власть земли и потребного воздвигнет во время свое.

Таков был муж усопший! И если бы возможно было, я представил бы вам, благодетельные слушатели, весь образ великой и благодетельной души его: я изобразил бы здесь, с какою ревностью с самых юных лет своих стремился он по следам славных предков своих,

какою пламенной любовью горячо сердце его к славе, благоденствию и пользам отечества; с каким благоразумием и опытностию он беседовал с мудрыми венценосцами и приобретал их уважение, наклоня патриотические намерения свои ко благу и спокойствию всех народов. Представил бы вам его ободряющего и покровительствующего науки, художества, торговлю, полезные ремесла, благотельные заведения, изобразил бы, сколь великие пожертвования принес он для всех сих отраслей народного образования, к возвышению оного; припомнил бы вам отважные предприятия его для открытия стран, доселе неведомых; заставил бы нисходить в глубину земли и трудиться над грудой истлевавших хартий, чтобы везде открывать истины, или неизвестные, или потерянные для ума. Я стал бы исчислять здесь полезные начертания его, счастливо совершенные уже для общего блага и те, которых течение остановила его неожиданная кончина: но – в таком случае я конечно утомил бы ваше внимание, или не был бы в состоянии изобразить всех дел его с таким величием и достоинством, сколь его дух был неподражаем, деятельность неутомима, благотворения неисчислимы, или как говорит сын Сирахов: Многу славу созда Бог в нем величием Своим от века.

Господи! положи на устах моих дверь ограждения (Псал. 140, 3); если я пред светлым олтарем Твоим, принося жертву о спасении его, дерзаю соплетать похвалы излишния. Увенчав его славу, увенчай и его добродетели, которые были равны его славе. Сотвори, да сугубые подвиги славы и добродетелей, коими служил он тебе на земле обратятся во славу твою и его блаженство в вечности!

Иисус Христос заповедал также всем христианам приносить плоды правды, дабы добрая дела одних служили к назиданию других, и возбуждали их к прославлению Отца небесного, которые подает им и силу и желание творить оныя: да видеть ваша добрая дела, и прославлять Отца вашего, иже на небесех (Матф. 5, 16). Но поелику сильные земли поставляются Богом на высшей степени, то они в величии и силе своей более могут и должны споспешествовать славе Божией своими добрыми делами.

Усопший муж совершенно оправдал собою и сей закон. Закон Бога в сердце его обитал, и нога его в путях закона не запиналась: он уповал на Него и творил благостыню. Законы Господни были основанием его добродетелей и повеления его правилами его добрых дел. Он рожден был для добрых дел и творил их всю свою жизнь. Слова сии тем более справедливы, что в сем самом храме предстоят весьма многие свидетели сея истины, теперь, когда Бог взял его от сего мира, теперь как всякой по своим желаньям и расчетам мог бы составлять ему надгробие и теперь сколько видим искренно оплакивающих его! Сколько похвал безпритворных! Сколько всеобщих свидетельств любви, уважения, признательности! Те, за которых он предстательствовал у Престола Царева, приносят за него в жертву свои слезы, или молитвы. Семейства, которые он облагодетельствовал, сироты и бедные, щедротами его воспитанные и наученные, претерпевшие

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ
О
ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ
УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СВѢВЕРСКАГО
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная
СТАРИИНЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ
ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ
съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
Въ сенатской Типографіи,
1800.

Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве»
(М., 1800), имевшегося в собрании Н.П. Румянцева

на поле брани войны, благодеяниями его призренные и успокоенные молятся пред лицом Божиим о вечном его покое. Города, целые области, даже далекие страны, в которых он разливал свои милости, благословляют имя его – и не отыдет память его и имя его поживет в роде родов.

Вот неувядаемые плоды добрых дел его! Так, никогда неувядаемые: ибо самая громкая слава земная потонет в бездне забвения; а дела добрые пойдут вслед нас и там, в селениях вечности, послужат к блаженной и вечной нашей славе у Бога.

Великий Боже! Приими душу сего усопшего мужа в вечныя селения Твои. Здесь, на земле, Ты водил его в путях истины и правды и соделал орудием благодати твоей. Кровию сына твоего соверши, Боже, очищение души сей и введи ее в небесную вечную славу Твою, которую сподобил ее предвкусить в земном твоём царстве!

Вы служители Божии! Совершив ныне святую жертву, омывающую грехи мира, о спасении и в безсмертную память сего великого мужа, принесите за него единодушную молитву вашу Господу, да вселит его в меке праведных своих и да возрадуются смиренные кости его, в надежде вечного живота, покоя и воскресения!

И вы, благочестивые слушатели, с христианскою любовью и упованием на благодать Божию, усугубите о вечном упокоении его, усердные моления свои, которые вы часто, в сем храме возносили к Богу за его жизнь столь полезную и драгоценную, Аминь.

Говорено 1-го Февраля 1826 года. Гомель».

Опубликовано по: *Сочинения духовнаго содержания протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича, с портретом и биографическим очерком автора, изданные Николаем Григоровичем. СПб. 1862. С. 108–113.*

II. Документальные материалы о переводе Румянцевского музеума из Санкт-Петербурга в Москву и создании единого Московского Публичного музеума и Румянцевского музеума

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Из «Отчета по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 года»

«До 1861 года в Москве для публичного пользования доступны были библиотеки и кабинеты, принадлежащие Московскому университету; но чисто научные цели, для которых они учреждены, натурально должны были значительно ограничивать доступ к ним посетителей. Между тем, число лиц, занимающихся наукою в Москве, постоянно возрастая, увеличивало потребность в таких пособиях для изучения наук и искусств, которые давно уже созданы даже во второстепенных городах запада и которых отсутствие в Москве тем ощутительнее, чем меньшее число лиц занято в ней административною деятельностью, поглощающей значительное время в больших государственных центрах, и чем менее, сравнительно с последним, представляется в ней общественных развлечений.

Эти соображения, в связи с заявленною тогда Московским университетом необходимостью расширить свои помещения, для удобств увеличившегося вдруг с 1856 года числа слушателей, подали мысль в 1857 году, бывшему тогда попечителем Московского учебного округа (впоследствии министром народного просвещения) Евграфу Петровичу Ковалевскому, соединить все коллекции и библиотеку Университета в отдельное здание и предоставить их более широкому пользованию публики, сохранив притом за университетом, по-прежнему, все удобство пользования ими для своих ученых и учебных целей.

К осуществлению этой мысли тогда же представлялась возможность перенесения всех университетских кабинетов и библиотеки в дом, бывший Пашкова, находящийся вблизи Университета и представляющий собою, кроме всех удобств для такого назначения, еще и то условие, что он, в силу лежащего на нем долга, принадлежал почти половиною своей стоимости Университету; но затруднения, встреченные тогда Министром народного просвещения, остановили дальнейшее развитие уже начатого дела, и оно было отложено на

неопределенное время. Впоследствии мысль устройства в Москве публичного музея, или публичной библиотеки, удовлетворяя постоянно заявляемой потребности, возродилась еще раз между несколькими просвещенными ревнителями науки и искусств, владеющими значительными собраниями замечательных предметов. Эта мысль представлялась в виде частной ассоциации, которой члены должны были бы внести для устройства такого учреждения значительный капитал; но самая значительность последнего и малочисленность лиц, желавших стать во главе такого предприятия, отдалила вновь осуществления этого полезного предприятия.

Положение Румянцевского музея в С.-Петербурге до 1861 года

Еще в 1860 году заведовавший Румянцевским музеем гофмейстер князь Одоевский, по поручению директора Императорской Публичной библиотеки барона Корфа, исчислил в записке, составленной для министра Императорского двора, все недостатки здания, где помещался Румянцевский музей, – недостатки, существовавшие со времени принятия его в казенное ведомство, с 1828 года, и с тех пор ничем не устраненные. Не имея средств сделать капитальные исправления в дурном устройстве зданий Румянцевского музея, в особенности в отоплении его и размещении коллекций, находившихся в соседстве жилых квартирах, князь Одоевский, справедливо опасаясь, что исторические драгоценности, хранящиеся в Музее, могут сделаться жертвою пламени, предлагал следующие соображения:

1) Все здания Музея продать и на вырученную сумму приобрести дом в Москве, если нельзя будет получить казенного, и расположить в нем коллекции Музеума, положить ими первое основание Московской Публичной библиотеки, или 2) передать в полном составе Румянцевский музей одному из ученых обществ, географическому или археологическому, или 3) ассигновать заимообразную сумму, нужную на капитальные исправления Музеума, с обязанностью для Музеума уплатить ее в течении нескольких лет.

Строительная контора Министерства Двора, на рассмотрение которой были переданы эти соображения, освидетельствовав дома, нашла, что все здание построено совершенно несообразно теперешнему его назначению, небезопасно от огня, чрезвычайно холодно и находится в весьма ветхом виде. Из дел оказалось: 1) что здание и в 1828 году было в подобном же состоянии; 2) что оставленный графом Румянцевым капитал, в 34 тысячи ассигнациями, едва оказался тогда достаточным для исправления только малого дома и приспособления его под частные квартиры; 3) что в 1847 году уже было сделано представление о неудобном и опасном помещении Музеума; 4) что, по имению капиталов для приведения в порядок домов, предлагалось даже одно время разыграть малый дом в лотерею.

Впоследствии, неоднократно, при заявлении тех же неудобств, представлялись соображения о перенесении коллекций графа Румян-

цева в Императорскую Публичную библиотеку, или эрмитажные залы, или в другие ученые учреждения, с помещением их в особом отделении, под названием «Румянцевского», но все эти соображения не могли осуществиться.

Румянцевский музей принадлежал просвещенному частному лицу и составлялся по различным отраслям наук одинаково, из любви вообще к просвещению, с оттенком только исключительного направления; специальные коллекции, возникшие впоследствии на огромные средства правительства, уже далеко опередили в своем развитии музей частного лица. Несмотря на несколько действительно драгоценных рукописей Румянцевской библиотеки, замечательных даже и в сравнении с находящимися в Императорской Публичной библиотеке, эта последняя, благодаря 10-летнему неутомимому и труду и деятельности директора ее барона М.А. Корфа и его помощников, приняла такие огромные размеры, сделалась столь доступна публике, что обрекала библиотеку Румянцевского музея почти на полное забвение, если бы к этому и не присоединялось неудобство помещения и пользования ею, в особенности в зимнее время. Эрмитажная коллекция, при своем богатстве, точно также ничего не выигрывала от присоединения к ним коллекций графа Румянцева, если бы даже между ними и было место для последних. Другие ученые учреждения также по своим специальностям не могли принять в совокупности в свой состав разнородных коллекций Румянцева, кои, во всяком случае, оставаясь в Петербурге и переместившись куда-либо в другое место, ради только открывшегося для них приюта, хотя и не утратили бы конечно имени завещателя, но утратили бы навсегда смысл завещания, ибо неизбежно были бы поглощены богатейшими и более специально составленными собраниями, в состав коих они бы таким образом вступили.

Между тем, по характеру своего составления, коллекция Румянцева могла удовлетворить именно только смыслу начинания, заключающая в себе по многим отраслям знания только начатки, и ничего полного; следовательно, исполнив свое назначение в Петербурге, Румянцевскому музею нужно было искать новый источник деятельности по воле завещателя «на благое просвещение». Проще всего представлялась мысль, перенесением его в новый центр, вызвать живые силы к развитию учреждения, подобным которому владеют многие второстепенные города запада, а потому и справедливее всего было начать у нас в России со второй нашей древнейшей столицы, лишенной до сих пор такого учреждения.

Самые слова завещателя, характеризующие цель его дара, придают обширный смысл пользования им и отвергают тесную раму одного города. Окружающие тогда обстоятельства завещателя вызывали его на удовлетворение местным нуждам; но время и сделанные успехи в подобных учреждениях, изменив местные нужды, оставили однако же принесенный дар достоянием целой России, и если бы ему было суждено в будущем, постепенно переносясь, положить основание

в нескольких пунктах пространной империи нашей учреждениям, то лучшей участи нельзя желать памяти всякого завещателя.

Государю Императору угодно было, прежде указания какого-либо направления по этому делу, приказать рассмотреть его с юридической стороны. Внимательное изучение актов, сопровождавших учреждение Румянцевского музея, а именно: Всеподданнейшего письма, от 3-го ноября 1827 года, графа Сергея Петровича Румянцева, исполнявшего тогда волю учредителя музея, брата своего, покойного государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева; 2) Высочайшего рескрипта на имя его, от 3 января 1828 года, и 3) именного Высочайшего указа правительствующему сенату данного по сему предмету от 22 марта того же года¹, привело Комитет министров к единогласному заключению, что буквальный смысл этих актов не полагает непременно условия, дабы принадлежащие Музею коллекции были неразрывно связаны с самими зданиями Музеума, равно в них невидны и условия о всегдашнем оставлении того Музеума в Петербурге, а потому и перевод одного в другое место признается не противоречащим воле учредителя Музеума.

С тем вместе Комитет министров, рассматривая настоящее положение Румянцевского музея, признал, с одной стороны, невозможным дальнейшее оставление его в занимаемых им зданиях без капитальных исправлений, на которые Музей не имел никаких средств, а с другой – весьма желательным и вполне соответствующим цели завещателя перенесение всех Румянцевских коллекций в Москву, для учреждения там публичной библиотеки и музея на основаниях, изложенных в моей докладной записке и одобренной министром народного просвещения.

Вследствие чего мнением Комитета министров было положено:

Румянцевские дома и места, им принадлежащие, продав, обратить вырученную сумму в распоряжение Министерства народного просвещения с тем, чтобы, руководствуясь точным смыслом именного Высочайшего указа Правительствующему сенату, от 22 марта 1828 года, данного, она составила неотъемлемую собственность сего учреждения и, с переводом последнего в Москву, следовала за ним в

¹ В нем между прочим сказано:

«Находящиеся здесь, в С.-Петербурге, дома, купленные покойным государственным канцлером гр. Румянцевым у г. Вара и завещанные им вновь учреждаемому ученому заведению, именуемому Румянцевским музеем, повелеваем: во исполнение сей воли владельца, признать отныне собственностью Министерства народного просвещения с тем, чтобы дома и принадлежащие к ним места а равно и все доходы с оных были всегда употребляемы ни на что иное, как на содержание и на умножение коллекций Румянцевского музеума».

Кроме того, и в отношении гр. Сергея Петровича Румянцева к бывшему тогда министру народного просвещения, кн. Ливену, от 28-го сентября 1828 года, говорится: «...первая мысль моя была продать малый дом и вырученные деньги внести при сдаче как капитал, могущий всегда быть полезным; мне кажется, что и ваша светлость то же самое теперь сделать можете, поскольку пользоваться им для дохода хлопотнее, нежели вырученным капиталом».

полном количестве для употребления ни на что иное, как только на содержание и умножение коллекций графа Румянцева. Таковое мнение Комитета министров удостоилось Высочайшего утверждения, 23 мая 1861 года.

*Перенесение Румянцевского музея в Москву
и учреждение Московского Публичного музея*

Объявленное мне Высочайшее повеление разрешало перенесение из Петербурга в Москву коллекций графа Румянцева, с указанием приобрести для помещения их в собственность часть дома, бывшего Пашкова, и приступить к учреждению Публичного музея, переместив туда же коллекции Московского университета, с тем только, чтобы первые сохранились в совокупности отдельно и под тем же названием «Музея графа Румянцева».

Благодаря деятельному и энергичному сочувствию к начинающему делу управлявшего в то время, за отсутствием Е.П. Ковалевского, Министерством народного просвещения, Николая Алексеевича Муханова, который и после неоднократно способствовал своим содействием значительному развитию Музеума, неотлагательно приступлено было к перенесению Румянцевского музеума в Москву, куда коллекция его уже к началу июля перешла в следующем составе:

- 1) Собрание рукописей 810.
- 2) Собрание печатных книг 28 744.
- 3) Медалей греческих, римских и восточных..... 1 695.
- 4) Минералогический кабинет, числом..... 12 419.
- 5) Скульптурные предметы:

Из мрамора:

- а) Статуя мира (Кановы).
- б) Изображение Задунайского.
- в) Бюст его же.

Бронзовые:

- а) Бюст государственного канцлера графа Румянцева.
- б) Адмирала Крузенштерна.
- в) Адмирала Лисянского.
- г) Статуя фавна (вылитая с подлинника Мартоса).

б) Картины:

- а) Портрет, в рост, покойного государственного канцлера (работы Дау).
- б) Три таковых же портрета членов его семейства.
- в) Картина, представляющая торжественное шествие Екатерины II в завоеванные у Турок земли (работы Торричелли) 1733 г.

7) До 170 предметов этнографических, привезенных из кругосветного плавания Крузенштерном и Лисянским и относящихся большею частью к Алеутским и Сандвичевым островам.

1

Опись

Российским Книгам Его Величества вольнолюбивого Государственного Канцелярии, находящихся в числе в 4^х шкафах по порядку Мюнхенской и Стамбульской погребов, описанных в 1814 году.

№ 1)

Во 1^й Шкаф относящихся к Российскому Канцелярии

1. Трактат Российского Государства о изобретении и употреблении пороха, 3 части 1807го года, издавна Канцелярии Святишского Императорского Канцелярии в Санкт-Петербурге изданный напечатан. ————— № 3.

2. Книга Святишского Императорского Канцелярии о изобретении и употреблении пороха, 3 части, издавна Канцелярии Святишского Императорского Канцелярии в Санкт-Петербурге изданный напечатан 1773го года. ————— № 2.

3. Канцелярия Российского Императорского Канцелярии о изобретении и употреблении пороха, 3 части, издавна Канцелярии Святишского Императорского Канцелярии в Санкт-Петербурге изданный напечатан 1773го года. ————— № 1.

4. Книга Канцелярии о изобретении и употреблении пороха, 3 части, издавна Канцелярии Святишского Императорского Канцелярии в Санкт-Петербурге изданный напечатан 1773го года. ————— № 2.

Первая страница «Описи Российским Книгам», имевшимся у Н.П. Румянцева (1814)

Самый ход постепенного устройства Музея, начинаясь с определенных размеров тех коллекций, кои при основании его должны были поступить в общий его состав на различных условиях, впоследствии стал в необходимую зависимость [от] поступающих в него с различных сторон более или менее важных приращений и тем самым все яснее и яснее определял свои различные отделы.

Для необходимой ясности в изложении отчета за все истекшее время, я принимаю следующий порядок: сначала исчисляю внутренний состав, или самое приобретение различных собраний, так как поступление их в Музей непосредственно определило то положение его, в которое он приведен в настоящее время, — потом работы по размещению этих приобретений и приспособлению самого здания к ним; затем средства, на которые было все вышесказанное исполнено и коими существовало новое учреждение в течении двух с половиною лет, и наконец внутреннюю деятельность его посредством лиц, наиболее участвовавших в устройстве Музея, и начало пользования им публикою, для удовлетворения потребностей которой и возникло самое учреждение.

Внутренний состав Московского Публичного музея и Румянцевского музея

Новое учреждение получило в основание свое Румянцевский музей, и, развиваясь по различным отраслям, состоит в настоящую минуту из следующих отделов:

- 1) Отделение рукописей и редких книг.
- 2) Отделение печатных книг (собственно библиотека).
- 3) Отделение изящных искусств и древностей.
- 4) Отделение христианских древностей.
- 5) Отделение минералогическое.
- 6) Отделение зоологическое.
- 7) Отделение нумизматическое.
- 8) Отделение этнографическое.

По праву, данному Музею Высочайше утвержденным положением, некоторые отделения составлены полностью из коллекций, принадлежащих посторонним учреждениям или частным лицам, как например, Отделение христианских древностей и зоологическое; в некоторых других таковые коллекции находятся в более или менее значительных размерах, представленные на пользование публикой совместно с коллекциями, не принадлежащими Музею...»

Отчет по московскому Публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 года. СПб., 1864. С. 3–12.

**Высочайше утвержденное положение Комитета Министров
о переводе Румянцевского Музеума из Санкт-Петербурга в Москву**

«Слушана записка Министра народного просвещения, от 19 апреля, с доставлением сведений и заключения по представлению Министра Императорского Двора, от 26 февраля, о переводе Румянцевского музеума в Москву.

Комитет, выслушав и сообразив во всех подробностях обстоятельства настоящего дела, усматривал, что разрешению его подлежат три вопроса: 1) содержат ли в себе акты, относящиеся до учреждения Румянцевского музеума, неперемнную волю завещателя о всегдашнем оставлении этого учреждения в С.-Петербурге и может ли быть допущено перенесение оного в другое место; 2) может ли быть признано удобоисполнимым и согласным с целью учредителей Румянцевского музеума, выраженное в записке попечителя Московского учебного округа Свиты Его Императорского Величества генерал-майора Исакова, предположение о переводе сего музеума в Москву в дом тамошней 4-й Гимназии, в совокупности с другим предположением об учреждении в Москве в том же доме Публичной библиотеки и Музеума; 3) насколько денежные средства, коих приобретение имеется в виду посредством продажи зданий Музеума, или ожидается из других источников, могут быть признаны обеспечивающими исполнение означенных предположений, без ущерба в основном фонде Музеума, исключительно предназначенном волею учредителей на его содержание и дальнейшее умножение его коллекций. Относительно *первого* пункта внимательное рассмотрение актов, сопровождавших учреждение Румянцевского музеума, а именно: всеподданнейшего письма от 3 ноября 1827 года графа Сергея Петровича Румянцева, исполнившего волю учредителя Музеума брата своего, покойного государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, Высочайшего рескрипта на имя его от 3 января 1828 года и Именного указа Правительствующему Сенату по сему предмету от 22 марта того же года, привело Комитет к единогласному заключению: что по буквальному смыслу этих актов, в них не видно неперемнного условия, чтобы принадлежащие Музеуму коллекции были неразрывно связаны с самыми зданиями оного, равно о всегдашнем оставлении того Музеума в С.-Петербурге, а потому и перевод оного в другое место может быть признан, по мнению Комитета, не противоречащим воле учредителей Музеума. Что касается до *второго* вопроса, то из обстоятельств дела обнаруживается, что дальнейшее оставление Музеума в занимаемом им здании без капитальных исправлений, на которые Музеум не имеет ни запасного капитала, ни других

средств, представляется не возможным. Вместе с сим перевод Румянцевского музея в Москву в дом 4-й Гимназии, на основаниях, изложенных в записке Свиты Его Императорского Величества генерал-майора Исакова и одобренных Министером народного просвещения, в совокупности с предположением об учреждении в том же доме Публичной библиотеки и Музеума, в которых ощущается в Москве столь настоятельная надобность, представляется делом удобным и вполне соответствующим цели завещателя, выраженной в сделавшейся историческою фронтоной надписи «на благое просвещение». По сим уважениям Комитет, также единогласно, полагал: по окончании, на основании Высочайшего Его Императорского Величества повеления, Строительною конторою Министерства Императорского Двора оценки как домов Музеума, так и принадлежащей оным земли, произвести торги и означенные здания продать, обратив затем вырученную сумму в распоряжение Министерства народного просвещения.

По отношению к *третьему* пункту Комитет за исходную точку своих соображений принимал слова Именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату, от 22 марта 1828 года, в котором, при передаче предназначенных волею завещателя для Музеума двух домов в собственность Министерства народного просвещения, выражено условие чтобы: «сии дома и принадлежащие к ним места, а равно и все доходы с оных были всегда употребляемы ни на что иное, как на содержание или умножение коллекций Румянцевского музеума». Руководствуясь точным смыслом сих слов, Комитет, согласно с заключением Министра народного просвещения, находил, что вырученный от продажи домов Музеума капитал должен составлять неотъемлемую собственность сего учреждения и с переводом оногo в Москву следовать за ним в полном количестве. Затем часть этого капитала, в вознаграждение за уступаемое 4-ю Гимназиею помещение, может быть употреблена для покупки для оной дома с необходимыми, если встретиться надобность, переделками и приспособлениями, равно на покрытие расходов при перевозке Музеума в Москву и устройство его в новом помещении. Остальная за тем часть капитала должна служить источником для содержания Музеума и умножения его коллекций.

Что же касается до предположения Министра Императорского Двора: отделить из суммы, которая будет выручена от продажи зданий Музеума, 57 100 рублей, представляющих капитализированную из 4% суммы 2285 рубля 70 копеек, получаемую ежегодно Музеумом по Высочайше утвержденным в 1846 году штатам из Государственного казначейства, и представить этот капитал в распоряжение Министерства Императорского Двора на покупку коллекций Фирковичей и Катаева для Императорской Публичной библиотеки с тем, чтобы вспомоществование в 2283 рубля 70 копеек обратить затем в постоянный на вечное время ежегодный доход Музеуму, – то, по мнению Комитета, таковое предложение принято быть не может. При подобной финансовой операции, Румянцевский музеум, вступая в столь новый

и важный период своего существования, как перевод оного в Москву, лишился бы не только 2283 рублей 70 копеек ежегодного вспомоществования, которым он пользовался в течение столь многих лет, но, отдавая безвозвратно 57 100 рублей на чуждые для него надобности Императорской Публичной библиотеки под условием пользования за сие только 4%, подверг бы ущербу свой основной фонд, который непреложно волей учредителя, как указывают выше приведенные слова Высочайшего указа 1828 года, исключительно предназначен на его содержание и дальнейшее умножение его коллекций. Когда же по продаже домов Музеума, переводе оного в Москву и устройстве в новом помещении, равно покупке и устройстве дома для Московской 4-й Гимназии вся совокупность материальных средств Музеума приведена будет в ясность, то от Высочайшего Его Императорского Величества благоусмотрения будет зависеть: продолжать ли производство ежегодно Музеуму из Государственного казначейства Всемилостивейше дарованных ему 2283 рублей 70 копеек, или прекратить это вспомоществование, которое было постоянным знаком сочувствия Правительства к сему общеплезному для отечества просвещения учреждению.

Министр Императорского Двора по первым двум пунктам вполне соглашался с заключением Комитета, признавая необходимость продажи зданий Румянцевского музеума, возможность перенесения коллекции оного в Москву в дом 4-й Гимназии и удобоисполнимость соединенного с сим предложения об учреждении в Москве в том же доме Публичной библиотеки и Музеума. Относительно же третьего вопроса генерал-адъютант граф Адлерберг, усматривая, что если по выводам статс-секретаря барона Корфа от продажи здешних домов Музеума можно получить 300 000 рублей, то, за исключением из них 135 500 рублей (которые по его соображениям должны следовать за Музеумом в Москву), весь принадлежащий Музеуму капитал составит 164 450 рублей. Сумма эта при обращении ее из 4% доставит ежегодно 6578 рублей, а с присоединением к ним 4000 рублей, ожидаемых от найма квартир в московском помещении этого учреждения в доме 4-й Гимназии, весь ежегодный доход Музеума будет простирается до 10 578 рублей, т.е. на 2872 рубля более чем ныне он получает. Ежегодный доход этот может возрасти на 23 000 рублей серебром, ежели осуществляются надежды и предположения, выраженные в записке попечителя Московского учебного округа. По сим основаниям Министр Императорского Двора не видит дальнейшей необходимости в продолжении Музеуму производимого ему из сумм государственного казначейства вспомоществования в 2283 рублей 70 копеек и остается при первоначальном своем заключении относительно возможности отделить из вырученной от продажи домов Румянцевского музеума суммы 57 100 рублей на покупку для Императорской Публичной библиотеки драгоценных в ученом отношении коллекций Фирковичей и Каратаева, приобретение которых для России не противоречит девизу Румянцевского музеума «на благое просвещение».

Справедливость вышеизложенного генерал-адъютант граф Адлерберг подкрепляет в юридическом отношении тем, что в Высочайше утвержденном в 1846 году штате не содержится формального обязательства постоянно и не всегда производить сему учреждению означенное вспомоществование, а в хозяйственном указывая на выгоду для Музеума иметь в своем распоряжении постоянный ежегодный доход в 2283 рубля 70 копеек, которые для него будут представлять 4% с уступаемого на дело просвещения капитала в 57 100 рублей.

Такое единогласное заключение Комитета по первым двум пунктам, равно разномыслие, возникшее между членами Комитета и Министром Императорского Двора по последнему вопросу, Комитет повергал на Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение.

На журнале Комитета последовала собственноручная Его Императорского Величества резолюция: “Согласен с большинством”».

*Полное собрание законов Российской Империи.
Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1. Ст. 37036.*

Высочайше утвержденное положение о Московском Публичном музее и Румянцевском музее

«Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 19 июня 1862 года, объявленное Сенату Товарищем Министра Юстиции 6 июля того же года. – Государственный Совет, в Департаменте государственной экономии и в общем собрании, рассмотрев представление Управляющего Министерством народного просвещения по проекту Положения и штата Московского Публичного музея и Румянцевского музея, мнением положил:

1. Проекты Положения и штата Московского Публичного музея и Румянцевского музея представить, при мнении Государственного Совета, на Высочайшее утверждение Его Императорского Величества.

2. В счет исчисленных по сему штату 16 845 руб. 12 к. отпускать: а) 3821 р. 12 к. из сумм Московского университета, назначаемые на расходы по заведованию коллекциями оного; б) 450 руб., назначаемые из сумм Румянцевского музея на жалование хранителю рукописей и редких книг сего музея; в) 4382 р. 67 к. из установленного в пользу Музеума рублевого сбора с подписчиков на Московские Ведомости; г) 3000 р., назначенные к ежегодному отпуску из городских доходов Москвы; д) 1000 р., ежегодно жертвующие на Музеум почетным гражданином Солдатенковым; е) 2283 р. 70 к., ассигнуемые ныне на Румянцевский музей из государственного казначейства; и ж) 1907 р. 63 к. из доходов Румянцевского музея;

3. Означенные Положение и штат ввести в действие, в виде меры временной, на три года, предоставить управляющему Министром народного просвещения, по истечении сего срока, войти в Государственный Совет с представлением о соответствующих в Положении и штате, по указаниям опыта, дополнениях и изменениях.

Резолюция. “Быть по сему”.

Положение

1. Завещанный государственным канцлером графом Румянцевым на благо просвещение Музеум, по перенесении из С.-Петербурга в Москву и по расположению в одном здании с учрежденным вновь Московским Публичным музеем, сохраняет, по мысли завещателя, всю свою целость, отдельность, цель и наименование.

2. Московский Публичный музей образуется из различных кабинетов и коллекций, как приобретаемых в собственность, так равно и вверяемых ему только на общественное пользование различными

учреждениями и частными лицами. На сем основании, Императорский Московский университет, с самого начала образования Публичного музеума, помещает в нем свои коллекции, сохраняя на них полное право отдельной и неприкосновенной собственности.

3. Оба сии учреждения, помещаемые в одном здании, принадлежащем частью Румянцевскому музеуму и частью Московскому университету, могут быть улучшаемы и умножаемы в их коллекциях, каждое отдельно, на счет принадлежащих им средств или приношениями частных лиц.

4. Вообще все помещения для общественного пользования в Публичный музеум от посторонних учреждений и частных лиц коллекции и кабинеты, на общих установленных для Публичного музеума и Румянцевского музеума правилах, остаются в полной собственности их владельцев.

5. Московский Публичный музеум и Румянцевский музеум состоят в ведении Министерства народного просвещения и в непосредственном управлении попечителя Московского учебного округа, с званием директора сих учреждений. По этому званию он имеет помощника в лице помощника попечителя Московского учебного округа.

6. Отдельные части и коллекции означенных учреждений вверяются особым хранителям и другим лицам, в штат означаемым. Профессора Московского университета, к кафедрам которых принадлежат помещенные в Публичный музеум кабинеты и коллекции университета, сохраняют на них и на лица, ими заведывающие, определенное Университетским уставом и существующим порядком влияние.

7. Директор обязан: а) иметь попечение о сбережении помянутых хранилищ и приведении их в возможное благоустройство; б) принимать меры к постепенному приращению их, и в) направлять устройство и действие их к главной их цели – общей пользе.

8. По сему Директору предоставляется:

а) распоряжаться определенными по штату Публичного музеума и Румянцевского музеума суммами, согласно штату и общим правилам отчетности и счетоводства, равно как и суммами, могущими поступить из других источников на пользу сих учреждений;

б) по отоплению, освещению и починке зданий и другим потребностям вверенных ему хранилищ, назначать и утверждать торги и подряды в пределах власти, определенной законом для попечителя Московского учебного округа;

в) распоряжаться, по мере надобности и средств того и другого музеума, приобретением для каждого из них особо книг, картин, гравюр, рисунков, слепков, антиков и проч., как покупкою их в России и выпискою из-за границы, так обменом и продажей излишних дублетов и проч. Все приобретаемые для сих хранилищ заграничные предметы пропускаются без цензурного просмотра;

г) наблюдать, чтобы в Московский Публичный музеум доставлялось по одному экземпляру всего, что в России печатается, гравировается и фотографируется по какому бы то ни было ведомству; – и

Sur ce que nostre entention
est declarez en ceste oeuvre au
mieux que nous pourrōs les
dois et les establissemens de
Normandie. par quoy les contens & les que
reles sont finees si que lun ne greue pas
lautre. & que a chacun soit rendue sa droi
ture. Nous voulōs p̄mieremēt monstret
les distinctions & les chapitres de chacune
partie. si que ceste oeuvre en soit pl̄clere.

Ceste oeuvre est diuisee en deux par
ties. En la premiere sōt traictez les
droitz & les aultres choses qui en droit sōt
necessaires. ains que len cōmence a ouyz
les quereles. En la secunde partie sōt trai
ctez lusage/les establissemēs & les lois par
quoy sont finees les quereles. La premie
re partie de ceste oeuvre est diuisee en ciz
distinctions. En la premiere traicte len de
droit & des appartenances au droit. En la
secunde du prince/ & des choses qui appar
tiennent a la dignite. En la tierce des te

д) принимать нужные меры для доставления всех возможных удобств и пособий посетителям Музеумов и лицам, желающим заниматься в них чтением и учеными работами.

Примечание. Члены Императорского Московского университета имеют право пользоваться, для своих ученых занятий и для лекций, всеми предметами, находящимися в Публичном музеуме и в Румянцевском музеуме, на основании правил, которые будут для сего установлены директором.

9. По делам, превышающим власть Директора или требующим Высочайшего разрешения, он входит с представлениями к Министру народного просвещения. Управление Публичного музеума и Румянцевского музеума сносится со всеми местами и лицами. Сношения с министрами и главноуправляющими, департаментами министерств и местами им равными производятся за подписанием Директора и скрепою его помощника, а все прочие бумаги, когда в них не заключается ни распоряжений о суммах, ни новых мер, подписываются помощником и скрепляются лицом, заведующим письмоводством.

10. На Директора возлагается также:

а) ближайший надзор за хозяйственною и полицейскою частью и непосредственное управление канцелярией; – и

б) председательство в Комитете, который он составляет из лиц, заведующих отделениями, а равно и приглашаемых посторонних ученых и профессоров Университета для рассмотрения вопросов, в которых наука имеет влияние на благоустройство учреждения.

Примечание. Комитет для разрешения вопросов ученых и Комитет хозяйственный (ст. 12) не составляют учреждений постоянных; они собираются по мере надобности по распоряжению Директора.

11. В случае отсутствия или болезни Директора, Помощник выступает в исполнение всех его обязанностей.

12. Помощник председательствует в хозяйственном комитете, составляемом из заведующих отделениями и других лиц по назначению Директора.

13. Обязанности и ответственность лиц, заведующих частями Публичного музеума и Румянцевского музеума, или хранителей определяется распоряжениями Директора; но главнейше на обязанности их лежит:

а) целость предметов им введенных и содержание их в порядке;
б) составление и продолжение систематических каталогов в библиотеке, ученое определение предметов в других отделениях и т.п.; – и

в) удовлетворение требований посетителей.

14. Помощники заведующих отдельными частями или хранителей разделяют их труды и ответственность.

15. Все лица, служащие при Московском Публичном музеуме и Румянцевском музеуме, определяются и увольняются Директором; лица же, заведывающие коллекциями и кабинетами Университета, помещенными в Публичном музеуме, определяются и увольняются

по Университетскому уставу. – Все сии лица могут быть избираемы и из занимающих другие должности, с сохранением оных и получаемых ими окладов сверх содержания, определенного ими по штату Публичного музеума и Румянцевского музеума, если только такое соединение должностей не будет препятствовать точному и своевременному исполнению обязанностей, с ними сопряженных. Директору также предоставляется, по мере надобности и денежных средств, приглашать и вольнотрудящихся для пособия заведующих отделениями. Вознаграждение таким лицам определяется Директором сообразно их трудам и приносимой пользе.

16. Московскому Публичному музеуму и Румянцевскому музеуму предоставляется иметь: 1) почетных членов из числа лиц, приобретших себе известность любовью к просвещению; 2) почетных корреспондентов из числа известнейших библиотекарей и книгопродавцев, директоров музеев русских и иностранных, от которых можно ожидать полезного содействия трудами их, сношениями и пожертвованиями, и 3) некоторое число комиссионеров для выписки, через их посредство, книг, журналов и других предметов. Почетные члены утверждаются в этом звании, по представлению Директора, Министером народного просвещения, а корреспонденты и комиссионеры – Директором. Дипломы на сии звания выдаются: почетным членам за подписанием Министра народного просвещения и Директора, а корреспондентам за подписанием Директора и его Помощника. Как корреспондентам, так и комиссионерам присваивается право употреблять этот титул в их подписях, вывесках и проч., но он не освобождает никого от общественных повинностей и служб. В случае особенных на пользу Публичного музеума трудов или значительных пожертвований всех сих лиц доводится о том до Высочайшего сведения и им могут быть испрашиваемы Всемилоостивейшие награды».

*Полное собрание законов Российской Империи.
Собр. 2-е. СПб., 1865. Т. 37. Отд. 1. Ст. 38385.*

ЗАПИСКИ В.В. СТАСОВА

«Румянцовский музей. История его перевода из Петербурга в Москву в 1860–1861 годах.

Летом 1882 г. Румянцовский музей праздновал 50 лет своего существования. Из них первые 30 лет с небольшим он прожил в Петербурге, остальные годы в Москве. В Москву он был переведен в 1861–1862 году. Наверяд ли кто теперь знает, как и почему совершился этот перевод. Но история этого дела представляет несколько интересных подробностей, которые наверное будут любопытны многим у нас. Тут рисуются образ мыслей, характеры, взгляды, понятия людей тогдашнего времени, одних в хорошую, других в дурную сторону. Случай заставил меня играть некоторую роль в этом деле, и потому мне известны, как очевидцу и свидетелю, разные подробности, вовсе неизвестные многим другим. Поэтому я и считаю полезным сохранить эти факты на страницах «Русской Старины». Мне кажется, некоторые из них имеют значение вполне историческое. Что же касается до большинства официальных фактов, также до сих не появившихся еще в печати, то они почерпнуты мною из подлинных дел, хранящихся в архивах Министерства Народного Просвещения и Румянцовского музея.

I.

В конце 1850-х годов мне случилось часто бывать в Румянцовском музее. Я задумал тогда сочинение, где намерен был исследовать происхождение и характер главных славянских архитектурных и орнаментальных стилей, а для этого мне нужно было начать с того, чтоб изучить рисунки славянских рукописей, как самых надежных для моей цели, самых разнообразных и неизменных памятников древности. Понятно, что свои разыскания я должен был начать раньше всего с великолепных собраний нашей Публичной Библиотеки и Румянцовского музея. Поэтому я делил все свободное свое время пополам, и половину его проводил в читальной зале Библиотеки, а половину – в читальной зале Румянцовского музея.

Никакая разница не могла быть поразительнее той, которую представляли оба эти учреждения. Публичная Библиотека уже лет с десять шла тогда на всех парах, и с каждым днем все более и более хорошела и расцветала, с каждым днем становилась все блестящее, полнее и привлекательнее. С 1849 года директором ее сделался барон Модест Андреевич Корф, и представлял собою образец того, до какой высоты можно довести великое общественное дело, когда на его рост и развитие положишь все свои силы, когда сделаешь его

главным делом своей жизни, когда думаешь о нем и день и ночь, и не щадишь для него никаких трудов и забот. Барон Корф был членом Государственного Совета, сверх того заседал во множестве больших и малых комитетов, бравших у него много времени, но главное его дело была постоянно Публичная Библиотека. Он любил ее со страстью, предан был ей беспредельно, и потому в короткое время достиг успехов самых неожиданных и самых великолепных. Значительные покупки целых коллекций, больших и малых собраний, книг и рукописей шли непрерывной полосой одни за другими, пожертвования частных лиц книгами и рукописями сыпались со всех сторон; но в то же время обновился и весь внешний вид Библиотеки: залы ее, из мрачных и запущенных, какими были много десятков лет, превратились в светлые, приветливые; публика начала ходить толпами в открытую для всех публичную читальную залу, долгое время пустынную и почти никому неизвестную; количество людей, занимающихся там, стало возрастать тысячами. В течение 1850-х годов, Публичная Библиотека сделалась одним из самых популярных, самых общеизвестных и общелюбимых мест русской публики, желающей и нуждающейся заниматься делом. Можно сказать, Публичная Библиотека сделалась даже чем-то модным.

Какая разница Румянцовский музей! Это был старый барский дом, запущенный и позабытый, состарившийся без поправок, словно старинный сад, когда-то светлый и чудесный, но где теперь все дорожки заросли и одичали, где разрослась дремучая зелень, и где ходишь в густом мраке и унылом запустении. Когда, бывало, придешь в Румянцовский музей, тебя обдавало холодом и тоскою, начиная уже с лестницы его, с сеней, где стены были, точно в крепости, почти в сажень толщиной, и немногие окна, глубоко посаженные, пропускали скудный и мрачный свет, как в тюрьме. Большая зала наверху, когда-то бальная и парадная зала графа Румянцева, представляла образец запущенности и разрушения. Высокие своды, темные и скучные, были наполнены трещинами и пятнами, все полы покривились и потрескались, и когда один из немногих посетителей проходил по этой зале и по другим, с нею смежным, раздавался треск и скрип разошедшегося дерева. Печально глядели, местами, трофеи из прежней великой деятельности графа Румянцева – группы весел, копий, стрел, луков и колчанов, привезенных из кругосветных путешествий, снаряженных Румянцевым на его свой собственный счет. Трофеи эти стояли теперь печально и пустынно в огромной темноватой зале, наклоняясь над небольшими витринами, старинного покроя, времен Наполеона I, где покоились пыльные и осиротелые коллекции минералов, когда-то тоже собранные Румянцевым с разных концов света, а теперь не обозрешимые ничьим глазом. Маленькая читальная зала, помещавшаяся в одном из углов бывшей квартиры графа Румянцева, заключала всего несколько столов, желтого дерева, с черной кожаной крышкой вверху, вдвинутых среди тесной толпы книжных шкафов и старинных кресел, тоже желтого дерева,

загромоздивших комнату. В комнате этой, как и во всех других в доме, полы скрипели и коробились, было холодно и тоскливо, зимой все окна были затянуты густым инеем, и пропускали лишь тусклый матовый свет. Сам воздух был тоже какой-то старинный, пахло чем-то затхлым и архивным. Но все выкупалось теми чудесными сокровищами, для которых приходили люди в этот старинный, забытый амбар. Никого не интересовали книги графа Румянцева: все это были, почти сплошь, издания прошлого века, устарелые, редко нынче уже кому нужные, давно обогнанные и упраздненные новой наукою, и потому печально тлевшие в старых своих переплетах на полках старых своих шкафов: их уже больше никто теперь не спрашивал. Зато рукописи, собранные Румянцевым ценою долгих усилий и трат, собранные в течение многих лет со страстью знатока и глубоким знанием искреннего ученого, рукописи из всех эпох русской исторической жизни, часто с великолепными и драгоценными миниатюрами, заключали интерес колоссальный. Их собрание было, конечно, одною из величайших достопримечательностей Петербурга, это было нечто такое, чем наш город мог гордиться наравне с Эрмитажем, с Публичной Библиотекой, одним словом со всем, что только у нас есть самого великого, самого значительного, самого редкого и самого великолепного. Да прибавьте к этому, что этакое-то чудесное, глубоко национальное собрание, которым Петербург мог славиться перед целой Европой, было накоплено громадными усилиями и громадными затратами одного единственного частного человека, и завещано им своему народу! Какой славный, какой редкий монумент русской гражданской доблести, какой чудный памятник истинного исторического русского человека. Наверное такие мысли наполняли голову многих, приходивших проводить долгие часы над рукописями покойного государственного канцлера; наверное многие из них с глубоким почтением осматривали стены и залы, среди которых Румянцев копил для русского народа свои сокровища, и забывали печальный вид опустелого, состарившегося, глубоко обветшалого, совсем опустившегося барского дома на Неве. Не раз мне приходилось вести разговор в этом смысле с прилежными посетителями Румянцовского музея, когда, после пробившего звонка, мы спускались вниз по лестнице, чтоб уходить вон.

И вот, однажды, зимой с 1860 на 1861 год, пришел ко мне в Публичную Библиотеку один знакомый², весь век возившийся с книгами и рукописями, сам ревностный собиратель и уже собственник довольно богатой коллекции. Он был в сильном негодовании, он был почти в ярости. «Знаете ли, что теперь делается? – сказал он, отведя меня в сторону. – Румянцовский музей хотят выбросить вон из Петербурга. Уверяют, что он здесь не нужен, что он тут совершенно лишний.

² Купец Ив. Прокоф. Каратаев: страстный любитель и собиратель русских старопечатных книг; его собрание было куплено нашею Императорскою Публичною Библиотекой. Он очень любил автора настоящей статьи.

thut vnd wider sein nechsten seyn
schmach auff bringet.

Verachtet seind vor ihm die vnrichti-
gen: aber er ehret die so den Herrn
fürchten: Der da schweret seinem
nechsten vnd enderts nicht.

Wer sein gelt nicht auff wucher gibt/
vñ nympt nicht geschencck vber den
vnschuldigen: Wer das thut der
wird wol bleyben werden.

¶

die gottes kynn Kind.

Ewar mich Gott: denn ich
traue auff dich.

Ich hab gesagt zu dem Her-
ren/ du bist der Herr: Ich hab's ni-
cht gut bey dir.

All mein lust ist an den heyligē die auff
erden seind: vnd an den trefflichen.

Irer götzen ist vil worden/ den eylen
sie nach/ Ich wil derē/ die vom blut
seind tranckopffer nicht opffren: no-
ch yren namē in meinē munde fürē.

Его хотят выпроводить в Москву, чтоб он там сделался началом большой публичной библиотеки». – «Как, может ли быть?» – «Да, это уже дело решенное. Уже и представление пошло. Через несколько месяцев станут перевозить музей в Москву, а дом Румянцева продадут!» – Я был поражен. Как? продавать исторический, народный памятник! Продавать дом Румянцева, пожертвованный русскому народу, один из редких монументов великой любви и преданности народу, глубокого желанья быть ему в самом деле полезным! Я был глубоко поражен, я не верил, чтоб такой варварский проект мог существовать, чтоб решено было приводить в исполнение такую невозможную, на мои глаза, вещь.

Я сообщил невозможную новость нескольким молодым людям, столько же, как и я, ценившим Румянцовский музей, и видевшим в нем народную славу. Они тоже не хотели верить, но пришлось нам поверить, когда мы пошли за справками, и тотчас же убедились, что да, правда, намерение уничтожить Румянцовский музей в Петербурге в самом деле существует, и что дело в ходу, хотя содержится под порядочным секретом. Это глубоко возмущало нас. Из числа этих знакомых мне всего ближе был тогда Владимир Ив. Ламанский, с которым мы постоянно встречались в Публичной Библиотеке (он состоял там в числе молодых «вольно-трудящихся», заведенных в то время бароном Корфом): нас соединяли многие общие интересы, общие научные и отечественные взгляды, мы были приятели. Убедившись оба, что Румянцовскому музею действительно грозит опасность, и что времени терять нечего, мы решили, что надо попробовать остановить это некрасивое дело, если есть еще какая-нибудь возможность.

II.

Мы начали с того, что повидались со всеми главными учеными петербургскими, академиками и профессорами, и передали им новость про Румянцовский музей. Все были поражены не меньше нашего, и точно также не хотели, сначала, даже верить. «Как это возможно? – спрашивал по очереди каждый из них. – По секрету, одной канцелярией, никого из ученых даже не спросивши, не давши даже знать ни академии, ни университету? Нет, это так нелепо, – это просто невозможно!» Однако, каждому из них скоро приходилось убедиться, что это не пустой слух, и что в самом деле Румянцовский музей собираются увезти из Петербурга. Общему негодованию, общему удивлению всех этих ученых не было пределов. Стали думать: что же предпринять, что делать?, и решили, что всего лучше будет печатно заявить, в самых умеренных и сдержанных выражениях, как это дело нехорошо, как оно не идет. В этом случае ничуть не противился даже такой, вообще столько консервативный и осторожный человек, как профессор и академик Измаил Иванович Срезневский: со сверкающими от досады черными глазами своими, и осунувшимся умным лицом, он объявил, что переводить Румянцовский музей вон из Петербурга,

да еще не спросивши мнения тех, до кого это всего более касается — это дело просто нестерпимое, постыдное. Печатные протесты были в то время в большом ходу у нас везде, и к ним часто прибегали люди самых разнообразных общественных настроений. Сам Срезневский советовал поставить во главе протестующих — знаменитого Востокова, во-первых, как одного из капитальнейших русских ученых, а потом еще, как человека, очень близко стоявшего к графу Румянцеву, в последние годы его жизни, и еще при нем начавшего писать свое знаменитое сочинение: «Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музеума». Как ни стар и дряхл он был в то время, но, рассказывал нам дня два-три спустя Срезневский, и он тоже пришел в великое негодование при известии об увезении Румянцовских собраний из Петербурга. Протест получил следующий вид:

З а я в л е н и е.

«В Петербурге пронесся слух, что Румянцовский музей будет переведен в Москву, самое здание продано, а собрание рукописей, книг и прочие коллекции переданы в Московский университет. Главное значение музея заключается в его рукописях, незаменимых, как единственных в своем роде. Долгом считаем выразить наше убеждение, что такое нарушение прав Петербурга на один из его лучших исторических памятников было бы невознаградиomoю потерей для здешних исследователей русской истории и древности.

А. Востоков. -Н. Булич. -Н. Благовещенский. -А. Вицын. -К. Кавелин. -Н. Костомаров. -В. Ламанский. -П. Пекарский. -А. Пыпин. -И. Срезневский. -В. Стасов. -М. Сухомлинов».

Напечатать этот протест назначено было в “С.-Петербургских Ведомостях”, самой распространенной тогда газете. Редактором ее был тогда Очкин; он с большим одушевлением обещался тотчас же напечатать принесенное ему мною “Заявление”, но на следующий же день прислал мне его назад, с записочкой, где было сказано, что к великому его горю со стороны цензуры оказалось совершенно неожиданно сопротивление, и что нам всего лучше было бы объясниться с председателем петербургского цензурного комитета.

Нечего делать, мы с В.И. Ламанским отправились разыскивать господина председателя. Это был генерал-лейтенант барон Медем. Он жил близ Спаса Преображения (Литейной части). Нас приняли тотчас же, не смотря на то, что барон обедал. Он вышел к нам в кабинет, продолжая что-то жевать. Это был живой, добрый старичок, в артиллерийском мундире, со стоящими торчмя волосами на голове, с немецким сухим и формальным видом, но суетливый и подвижной. Он был с нами очень любезен, и приветливо выслушал нас. К несчастью, с первых слов оказалось, что он очень глух, и нам пришлось на долю трудная задача, громким голосом и с значительными расстановками выкрикивать но несколько раз, в наклоненное к нам генеральское ухо, нашу просьбу и наши доводы. Какой неловкий способ

упрашивать и убеждать! Барон сказал нам, что знает это дело... что ему уже докладывали... что они рассматривали... что, может быть, и совершенно правы ученые... что, может быть, он и сам желал бы Румянцовскому музею оставаться в Петербурге... но известие о переводе его – ведь это только слух... как же можно опровергать слух?... а главное, как же возможно этак – скопом, скопом!..» Мы старались убеждать г. генерал-лейтенанта на все манеры, и со стороны исторической, патриотической, ученой, – нет, ничто не помогало, и он только все повторял: «скопом... скопом!.. нет, нельзя... нельзя!.. Намерение гг. ученых прекрасное, я его понимаю, – но – скопом, скопом!..». Так мы больше ничего от него и не услышали. Мы пожали друг другу руки с приятными улыбками и расстались.

Чтоб избежать грозного «скопа», мы попробовали напечатать в двух-трех газетах, за подписью одного человека, небольшие статьи о переводе Румянцовского музея – цензура тоже не позволила, и статьи остались на столе у редакторов.

Так как в несостоявшемся «заявлении» участников был целый десяток, и все были крайне недовольны неудачей, понятно, что каждый заговорил, и скоро весть об этом деле разнеслась по Петербургу. Всего более были огорчены академия и университет. Между студентами университета было тогда не мало очень образованных молодых людей, принимавших близко к сердцу все, что было посерьезнее и поважнее из современных дел, касавшихся общества. Но тогдашним привычкам, на студентских сходках, то в аудиториях, то в большой университетской зале, нередко шли прения об интересах дня. В число предметов прений попал однажды и вопрос о Румянцовском музее. Собрание произошло, как мне рассказывали, очень оживленное. Толковали очень долго, и много молодых ораторов перебивало на кафедре. Решили представить попечителю о том, как студенты Петербургского университета жалеют о переносе Румянцовского музея в Москву, и что они почтительнейше просят попечителя представить г. министру выражение их искреннего сожаления. Но это заявление осталось без дальнейших последствий.

Так как мы, через знакомых, провели из министерства народного просвещения, что дело это будет обсуждаться в комитет министров, то была составлена мною записка и представлена Е.И.В. великому князю Константину Николаевичу³, в надежде, что, быть может, она послужит разъяснению вопроса и наклонит решение в ту сторону, которая казалась самую справедливою и естественною петербургскому ученому сословию. Вот главные места этой записки:

«Почти уже окончательно решено перевести Румянцовский музей из Петербурга в Москву: коллекции рукописей, книг и проч. передать в Московский университет, а самый дом продать с публичного торга или по вольным ценам. Если бы это действительно осуществилось, такой деспотический поступок был бы столько же *вреден* для

³ Через А.В. Головнина тогдашнего любимца великого князя. *Ред.*

Петербурга, сколько *бесполезен* для Москвы; во всяком случае он не основан на правильном логическом соображении, что настоящая записка и постарается доказать.

При первой вести о грозном будущем распоряжении, петербургское ученое сословие немедленно же составило акт протеста, но его не позволили напечатать в газетах. Статьи, написанные против перевода музея, также не были допущены до печати. Чего бы, однако надо было опасаться, если б переводение музея было действительно мерою такою естественною и полезною? К чему тайна, когда оно, по своей естественности и очевидной пользе, должно было встретить общее сочувствие? Между тем, никакое ученое сословие – ни академия, ни университет, не были спрошены, тогда как, казалось бы, им всего ближе было знать, нужен или бесполезен в Петербурге Румянцовский музей.

Конечно, прежде всего является вопрос: на основании каких причин, и для какой надобности предположено перевести Румянцовский музей из Петербурга в Москву?

Говорят: это должно быть сделано потому, что в Москве необходимо устроить публичную библиотеку, а Румянцовский музей в Петербурге лишний: им пользуются слишком *мало*, а в Москве, напротив, будут пользоваться *много*; там он послужит основанием, ядром будущей публичной библиотеки, около которого станут группироваться будущие приращения.

Но оба эти резона в полной мере не логичны. Какая же связь между тем, что в Москве надо устроить публичную библиотеку и что в Петербурге есть Румянцовский музей? Неужели московская библиотека не может быть основана без Румянцовского музея, и только один Румянцовский музей может сделать то, что явится на свет московская публичная библиотека? Никто, конечно, не станет спорить против того, что Москве библиотека нужна, и можно только жалеть, что ее там до сих пор нет. Но за что же лишать, по этому случаю, Петербург того, что принадлежит ему вследствие события исторического – патриотического подвига государственного канцлера графа Румянцева, лишать Петербург того, что составляет его гордость?

Действительно ли Румянцовский музей так необходим для Москвы, что без него ее библиотека вовсе не может даже основаться? Такое мнение было бы совершенно несправедливо. Румянцовский музей вовсе не есть такая библиотека, как многие другие. Его главное значение заключается преимущественно в русских рукописях. Конечно, в этом музее есть также несколько тысяч печатных книг, но все устарелых, и по большей части все специальных. Ими в настоящее время не находят надобности пользоваться Петербург, без сомнения не будет пользоваться и Москва. Какой же это “основной фонд” для будущей московской библиотеки? Совершенно иное дело рукописи Румянцовского музея. Они заключают такие разнообразные сокровища для русской истории, филологии, искусства, которые никогда не составятся и много веков будут родником русского знания и исследований.

Это знают все люди, занимающиеся русской наукой. Когда дело идет о Румянцовском музее, надо прежде всего иметь представление именно об одних только рукописях его. Но этого не случилось с составителями проекта о переводе музея из Петербурга в Москву. Они думали только о почтенной цифре печатных книг, а о русских его рукописях вовсе и не думали. Они о них начисто забыли.

Но что касается русских рукописей, то Москва ими гораздо богаче чем Петербург. В Синодальной (патриаршей) библиотеке, в библиотеке Синодальной типографии, в библиотеках при многих монастырях и соборах (библиотеки: Чудова монастыря, Архангельского собора и т.д., наконец *три* громадных библиотеки Троицко-Сергиевской лавры), также в собраниях многих частных лиц находится такое громадное количество русских рукописей, которое оставляет далеко за собою количество русских рукописей, находящихся в Петербурге, а именно только в Публичной Библиотеке, в Румянцовском музее и в Академии Наук, вместе взятых. Почему же несколько рукописей Румянцовского музея стали вдруг так необходимы для процветания Москвы? Московская публичная библиотека может и должна основываться и без них.

Говорят, будто в Москве сокровища Румянцовского музея будут полезнее, чем в Петербурге⁴. За что такое унижение Петербурга, за что такое непомерное превознесение Москвы? И кто может быть не то, что судьей, а пророком в этом вопросе? Для этого нужна была бы какая-то невообразимая и невиданная комиссия, которая решила бы, что все сделанное до сих пор петербургскими учеными, на основании Румянцовских рукописей, мало или ничтожно, а Москва будет работать совершенно иначе. Не надо забыть того, что классические сочинения, хотя бы одного только Востокова, почти исключительно опираются на Румянцовский музей.

Судить о пользе или бесполезности музея по цифре посетителей – понятие, достойное лишь канцелярского чиновника. Много посещаемое учреждение может приносить мало пользы, и наоборот, мало посещаемое может приносить пользу громадную. Коллекция же рукописей есть коллекция исключительная, которую никогда нельзя сравнивать с коллекцией печатных книг, и особенно с коллекцией книг общедоступных, общепользных. Петербургская Публичная Библиотека посещается, без сомнения, людьми самых разнообразных сословий, интересов, общественного положения и склада, но нельзя не сознавать того, что она, сравнительно говоря, более всего приносит (покуда) пользы учащемуся юношеству и недостаточным людям, более всего нуждающимся в изданиях общеобразовательных и элементарных, каковы: курсы, руководства, лексиконы, атласы,

⁴ В этом месте своей записки я старался опровергнуть один из тогдашних доводов в пользу перенесения Румянцовского музея, изложенный в одном из тех официальных документов, которые должны были явиться на обсуждение комитета гг. министров, и которые напечатаны у нас, в извлечении, ниже.

Гравюра, изображающая короля Сигизмунда III,
из польскоязычного издания
«Statut Wielkiego Xięstwa Litewskiego» (Wilno, 1610-е гг.),
имевшегося в собрании Н.П. Румянцева

компендии и т.д. Отделите всю эту массу читателей, принося которым пользу Публичная Библиотека не может не гордиться – отделите эту главную массу читателей, и посмотрите тогда: много ли останется в числе посетителей библиотеки таких людей, которые работают в ней как ученые, а не как студенты, кадеты и всяческие ученики? Количество таких ученых будет небольшое, а если взять только тех, которые приходят заниматься одними рукописями, то число их будет еще микроскопичнее, т.е. будет равняться числу посетителей Румянцовской библиотеки. Такой или подобный результат дадут, без сомнения, все европейские библиотеки: рукописями могут заниматься лишь немногие. Потому-то нет ничего нелогичнее и несправедливее, как сравнивать цифру посетителей Румянцовского музея с цифрой посетителей Публичной Библиотеки.

Если бы возможно было следовать той странной логике, что надо передавать рукописи туда, где ими “будут больше заниматься”, то, переводя русские рукописи Румянцовского музея из Петербурга в Москву, надобно было бы, для полной последовательности, передать все французские рукописи из Петербургской Публичной Библиотеки – в Париж, все английские – в Лондон, все немецкие – в Берлин и Вену: ведь там ими будут, пожалуй, больше заниматься, чем здесь!

Любопытно было бы также узнать: мыслимо ли было бы, чтоб Париж, Лондон, Берлин или Вена согласились бы отправить в Реймс, Лион, Бордо или Гавр, – в Иорк, Дублин, Эдинбург или Оксфорд, – в Лейпциг, Кассель, Иену или Штутгард – одну из своих капитальных библиотек, да еще преимущественно состоящую из наидрагоценнейших рукописей?

Конечно – никогда!

Говорят тоже: у нас нет денег на то, чтоб поддерживать в должном виде Румянцовский музей. Но тогда пусть будет объявлена публичная подписка, и верно соберется довольно рублей на то, чтоб починить дом – да еще какой дом! Дом исторический, дом, пожертвованный русскому народу государственным канцлером графом Румянцовым, дом, где он жил, собирал многие десятки лет великие интеллектуальные сокровища для образования и возвышения этого народа!

Впрочем, в таком крайнем средстве, общем народном сборе, не предстоит, кажется, пока надобности. Достаточно было бы продать все излишнее в Румянцовском здании, все то, что собственно не принадлежит к хранению коллекций графа Румянцева (как-то части дома по Галерной, где помещаются многочисленные квартиры, отдаваемые в наймы, лавки, конюшни, сараи и т.д.), и, без сомнения, получится значительная сумма, которая даст возможность не только починить главный корпус, но содержать и ремонтировать его впоследствии, из процентов вырученного капитала. Нет сомнения, если б приходило в ветхость и разрушение какое-нибудь другое публичное здание, посвященное общественным пользам, наприм., министерство, казарма, банк, – наверное это здание было бы починено,

и из-за недостатка средств не было бы переведено в Казань или Одессу. Почему Румянцовский музей заслуживает менее попечений?

И так, можно оказать всю необходимую Москве пользу, ничуть не ограбляя Петербург: эта страшная жертва вовсе ни на что не нужна Москве. Пусть только будет разрешено Москве устроить у себя публичную библиотеку, и, без сомнения, со всех сторон посыплются приношения, подарки, потянутся вагоны с целыми коллекциями книг, которые и составят тот фонд, который нужен большой публичной библиотеке.

Но кроме всех этих доводов есть еще один, самый важный, который, несмотря на это, был совершенно позабыт авторами проекта о переводе Румянцовского музея из Петербурга в Москву. Это именно тот, что Румянцовский музей есть собственность не казенная, а народная. Канцлер Румянцов завещал русскому народу и все сокровища науки, им собранные, и дом, где сам жил. Всякий народ гордится такими фактами своей истории, всякий народ старается увековечить не только факт, но и все, что относится к высокой личности, его произведшей. В Париже или Лондоне не только никому не пришло бы в голову спустить “по вольной продаже” дом Румянцова, но его берегли бы на веки веков как зеницу ока, его держали бы чуть не под стеклянным колпаком. Быть может, назвали бы именем Румянцова соседнюю улицу, площадь. У нас – собираются вычеркнуть его вон посредством аукциона!

Румянцовский музей известен всей Европе. И вдруг, в один прекрасный день, он вытерт вовсе, как резинкой.

Какой пример и наука будущим патриотам, когда они будут знать, что у нас нет ничего твердого, ничего прочного, что у нас все что угодно можно сдвинуть, увезти, продать!

Года два назад, в Лондоне зашла речь о том, чтоб по крайней тесноте места перевести Британский музей из одного квартала Лондона в другой. И что же? Общественное мнение поднялось одной массой, парламент был засыпан представлениями и просьбами о том, чтоб этого не делали. “Как! трогать Британский музей с места, заговорили все. Нет, это не хорошо, этому не следует быть. Пускай скупают кругом дома, кварталы, по какой бы то ни было цене, но чтоб Британский музей не был тронут с места”. Так оно и сделалось. Все только потому, что там понимают, что такое значит историческое чувство, уважение сердечного патриотизма отдельных лиц, народная гордость. В Лондоне бы не стали справляться с буквой какого-то завещания, не стали бы доискиваться, с ревностью буква-еда, что Румянцов сказал, и чего не договорил в своем завещании. Посмотрели бы на дело в общей его сложности, и больше всего похлопотали бы о том, чтоб пожертвованное народу достояние не ездило с квартиры на квартиру, и чтоб заключающий его дом остался на веки цел.

Кажется, и у нас тоже, если б не было запрещено в печати рассуждать об этом деле, все высказались бы точно также».

Эта записка была прочтена если не всеми, то многими из тех, кто, спустя несколько недель, должен был решать участь Румянцовского музея.

III.

Какая была главная причина перенесения Румянцовского музея из Петербурга в Москву? Откуда родилась эта мысль и что заставляло так сильно на ней настаивать? Неужели положение его зданий было, действительно, такое отчаянное и безнадежное, а затраты, необходимые на его реставрирование, до того велики, что ничего другого не оставалось, как покончить с этим делом в Петербурге и перенести заключающиеся там коллекции в Москву?

В ответ на это надо сказать, что в настоящем случае дело шло вовсе не о действительных пользах Румянцовского музея, а только о целях посторонних, для осуществления которых музей являлся очень хорошим предлогом и помощью. Собственно сам Румянцовский музей не интересовал никого из тех, кто в 1860–61 годах распорядился его судьбою. Поэтому-то ничего не было легче, как сослаться на его запущенность и несчастное состояние, для того, чтоб возможно было эксплуатировать эту запущенность и несчастное состояние в пользу стоявших в ту минуту на очереди вопросов.

Главным аргументом являлась, прежде всего ветхость Румянцовского музея. И, надо признаться, дома Румянцовского музея, действительно, были ветхи и требовали сильных реставраций, и на это, без сомнения, надо было употребить довольно крупные суммы. Но нельзя сказать, чтоб не было возможности привести его в прочный вид и должный порядок, и тем сохранить надолго. Все дело состояло в том, что не только в 1860-м и 1861-м годах, когда над Румянцовским музеем разразилась катастрофа, но уже и гораздо прежде, лет за 15–20, на него слишком мало обращали внимания все те начальства, от которых он поочередно зависел, и, в большинстве случаев, вовсе не сознавали его ценности и значения. Отношение к Румянцовскому музею было всегда, со стороны начальств, чисто формальное, лишенное всякой симпатии и уважения. Это было нечто в роде отношения равнодушной мачехи к нелюбимой падчерице.

Прежде всего надо сказать несколько слов о самом доме графа Румянцева. Это необходимо для дальнейших соображений наших.

Дом Румянцовского музея (на Английской набережной, близ нынешнего Николаевского моста) был старый дом. Граф Николай Петрович Румянцов купил его в 1802 году, за 80 000 рублей ассигн., от английского купца Фомы Вара; но и тогда это был уже дом не новый. Сам Вар купил его, от поселенного в Петербурге англичанина же, Фаркварсама, еще в 1789 году. Без сомнения, Румянцов не оставил его в прежнем виде, произвел в нем многие значительные перемены, в том числе устроил огромную залу в два света (проломав потолок, отделявший бельэтаж от верхнего этажа), и вообще превратил здание из скромного дома частного человека, купца, в парадный,

І О А Н Н Ъ .
ЕКСАРХЪ БОЛГАРСКІЙ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ,
ОБЪЯСНЯЮЩЕЕ ИСТОРИЮ СЛОВЕНСКАГО ЯЗЫКА И ЛИТТЕРАТУРЫ
ІХ И X СТОЛѢТІЙ.

НА П И С А Н О
КОНСТАНТИНОМЪ КАЛАЙДОВИЧЕМЪ.

ГЛАВНЫМЪ СМОТРИТЕЛЕМЪ КОМИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГРАНОТЪ И
ДОКТОРОМЪ, МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВЪ: ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИМЪ,
ЛЮБИТЕЛЕМЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ИМПЕРАТОРСКАГО ИСПЫТАТЕЛЕМЪ
ПЕЧАТОВЪ И С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЯВНАГО ЛЮБИТЕЛЕМЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ЧЛЕНОМЪ И КАВАЛЕРОМЪ.

Съ шестнадцатю гравированными изображеніями.

МОСКВА
ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА СЛАВЯНОВСКАГО
1824.

Титульный лист книги «Иоанн ексарх Болгарский»
К.Ф. Калайдовича (М., 1824), изданной на средства Н.П. Румянцева

во вкусе Наполеоновского времени, дом важного государственного человека, богача и аристократа, у которого бывал сам император, весь петербургский большой свет и толпы знатных иностранцев. Сам канцлер помещался в бельэтаже, а в залах, около его собственных личных покоев, помещались все его великолепные коллекции рукописей и книг; но эти собрания не имели еще вида правильной библиотеки, и в одном из своих писем к священнику И.И. Григоровичу знаменитый митрополит Евгений говорит, что очень ему трудно пользоваться рукописными и книжными сокровищами графа Румянцова, потому что, хотя он их охотно сообщает и показывает всем нуждающимся, но они разбросаны по залам, и к ним нет никакого указателя. В 1824 году, дом графа Румянцова подвергся новым, очень существенным изменениям: по поручению графа, бывшего уже в то время государственным канцлером, архитектор Вас. Алекс. Глинка, незадолго перед тем возвратившийся из-за границы, составил проект переделки дома, и проект этот был, по тогдашним понятиям, настолько хорош и даровит, что Академия художеств дала за него Глинке звание академика. По новому проекту, скоро потом приведенному и в исполнение, фасад с Невы был украшен колоннадой по бельэтажу, с широким фронтоном сверху; в нижнем этаже устроены были сени со входною дверью с Невы (до тех пор приезд к дому, через ворота, был только с Галерной⁵. В этом, заново устроенном доме, граф Румянцов постоянно жил, когда только не находился в путешествиях, или же не гостил в великолепном имении своем Гомель.

После смерти канцлера, 3-го января 1826 года, его брат, действительный тайный советник граф Сергей Петрович Румянцов, как от имени брата, так и от своего собственного имени, принес этот дом со всеми его коллекциями в дар отечеству. При этом, во всеподданнейшей своей просьбе, от 3-го ноября 1827 г., на имя Государя Императора, он писал: «Всемиловейший Государь! Брат мой покойный, изъявляя мне желание свое о составлении музеума из библиотеки и других вещей, им собранных, предоставил мне выполнить оное по моему произволению. Вследствие сего спешил я, Всемиловейший Государь, привести к окончанию предназначенное мною к тому строение...». Из этих слов мы узнаем, что в это время Румянцовский дом подвергся некоторым приспособлениям для будущего музея: по всей вероятности тут всего более надо разуметь устройство шкапов и других помещений, необходимых для библиотеки, но нельзя сомневаться, что при этом случае были также произведены некоторые реставрации дома, теперь уже оказывавшегося не совсем молодым и свежим. В малом доме также были произведены в то время графом С.П. Румянцовым исправления, но не существенные, а только с тою целью, чтобы скорее устроить доход для музея, посредством отдачи в наем квартир.

⁵ Вышеприведенные исторические сведения о доме гр. Румянцова сообщены мне нашим неутомимым исследователем и знатоком петербургской старины, П.Н. Петровым.

После образования Румянцовского музея, дом простоял лет 20 без починок и поправок. Но с 1847 года начинаются жалобы директора его, князя Одоевского (назначенного на эту должность 16 июля 1846 года), начинаются настойчивые его представления о необходимости починок и ремонтов, – и все понапрасну: представления князя Одоевского оставались без всякого удовлетворения. Директор Императорской Публичной Библиотеки, действительный тайный советник Д.П. Бутурлин, которому был подведомствен также и Румянцовский музей, отвечал на представления, что «нельзя выходить из положенной суммы на содержание музеума при назначении ремонтных работ». А «положенная сумма» была очень невелика, и ни на какие существенные исправления и починки ее не могла хватать ни в каком случае. В своем представлении Бутурлину от 22 мая 1847 г. князь Одоевский, между прочим, говорил: «Сколько можно было высчитать приблизительно из дел, с 1839 по 1846 г. включительно, употреблено на ремонт домов (большого – с музеем, и малого, с квартирами, отдававшимися в наем) до 8300 рублей, из коих до 4000 руб., должно полагать, на починку печей, – издержка, с каждым годом возобновляющаяся... Залы музеума штукатурной и малярной работой не были исправлены с 1839 г., кроме минералогической залы и залы А, исправленных в 1844, и портретной – в 1845 г...».

При директоре Императорской Публичной Библиотеки, бароне М.А. Корфе, система излишней скупости в отношении к Румянцовскому музею продолжалась все по старому: еще в 1851 году было признано крайне необходимым исправить крышу обоих домов, но это не состоялось, «по недостатку средств», и вместо того, она в 1854 году была только окрашена. В 1856 году, после усиленных представлений князя Одоевского о том, что «полы в комнатах на набережную пропускают холод», было, наконец, дозволено сделать новые смазки, и т.д. Все эти мелкие подробности показывают, как систематично и постоянно Румянцовский музей был отдаваем в жертву медленному подтачиванию и порче со всех сторон; то, что в 1840-х годах могло быть поправлено маленькими средствами, все более и более старелось и ветшало, так что в конце 1850х годов требовало уже трат довольно значительных. Однако же ни из одного из всех требований князя Одоевского нельзя было заключить, чтоб эти траты должны были оказаться громадными, или чтоб музей требовал перестройки самой коренной. Это мы увидим еще далее.

Но с чего начался вопрос о переводе Румянцовского музея, кто первый предложил эту идею, какие были те важные причины, которые вдруг побудили тех, от кого Румянцовский музей зависел, взяться не за исправление его зданий, а за уничтожение его в Петербурге и воскрешение его в Москве? Главных участников в этом деле было несколько, и у каждого из них были свои резоны и свои побудительные причины.

Первый поднял голос – сам директор Румянцовского музея, князь В.Ф. Одоевский. Выбившись, наконец, из сил, и не зная, за что

приняться, когда все его самые настоятельные представления оставались без внимания и без удовлетворения, а предполагавшаяся одно время продажа малого Румянцовского дома или розыгрыш в лотерею не осуществлялись, он в апреле 1860 года подал записку, где снова перечислял все недостатки Румянцовских зданий, и предлагал следующие меры: 1) Все здания музея продать; на вырученную сумму приобрести дом в Москве (если нельзя будет получить казенного) и, расположив в нем коллекции музея, образовать из них первое основание Московской Публичной Библиотеки; или 2) передать здание и коллекции, словом, весь музей в полном его составе, но с сохранением его наименования и надписи на фронтоне, одному из ученых обществ, как, например, географическому или археологическому, если они изъявят на то свое согласие; или, наконец, 3) ассигновать заимообразно сумму, потребную на капитальные исправления зданий музея, с обязанностью для одного уплатить ее в течение нескольких лет.

Строительная контора при министерстве двора, на обсуждение которой переданы были эти предложения, образовала особую комиссию, из ее членов: генерал-майора Палибина, полковника Красовского и архитекторов: Собольщикова (состоявшего архитектором при Публичной Библиотеке и возводившего тогда в ней новую читальную залу), Кракау и Ухтомского. Эта комиссия осмотрела Румянцовские дома 20-го мая 1860 года, нашла их, как это и прежде всегда оказывалось при осмотрах, в состоянии крайне неудовлетворительном, и в заключении своем высказала, что если признано будет нужным сохранить музей в нынешнем помещении, то для одного надо продать малый дом; если же от этой продажи предвиделась бы в результате сумма, слишком недостаточная для капитальной переделки, тогда, по мысли князя Одоевского, продать оба дома Румянцова, купить дом в Москве и передать туда все коллекции Румянцовского музея, для того чтоб этим положить основание Московской Публичной Библиотеке. Но в то же время комиссия решительно высказалась против мысли князя Одоевского о передаче коллекций и домов Румянцова в географическое или археологическое общество, потому что комиссия полагала, что у этих обществ нет на то достаточных средств. Вместо этого, комиссия предлагала, как «простейшее и удобнейшее средство, передать рукописи и книги Румянцовского музея в Петербургскую Публичную Библиотеку, поместив их в особом отделении, с названием “Румянцовское”, а коллекции монет и прочие художественные произведения – в Императорский Эрмитаж, сохранив и здесь всем сим предметам название “Румянцовских”. Засим оба дома музея продать, а деньги обратить на какой-либо предмет благого просвещения, с удержанием и в этом деле имени жртователя».

Это мнение комиссии было представлено на Высочайшее усмотрение, но Государь Император 2-го июля 1860 г., не разрешая еще окончательно вопроса, повелел передать его на рассмотрение директора

Публичной Библиотеки, барона М.А. Корфа. Почти в то же самое время передано, на его же предварительное заключение, представление московского попечителя, генерал-майора Н.В. Исакова, министру народного просвещения, Е.П. Ковалевскому, о переводе Румянцовского музея в Москву.

Генерал Исаков, со времени назначения своего попечителем Московского округа, ревностно был предан своему делу, и в короткое время с большою энергиею выполнил множество превосходно задуманных и в высшей степени благих мер на пользу этого округа. Но при этом он постоянно считал одною из главных задач своих – создать в Москве публичную библиотеку на подобие петербургской, приводившей его тогда в восторг, как вообще и все русское общество. Но денег из казны на это предприятие не могло быть отпущено, не взирая на все его просьбы и домогательства. И потому, когда представилась в перспективе возможность осуществления дорогой для него идеи, под видом предложения князя Одоевского на счет уничтожения Румянцовского музея в Петербурге, и восстановления его в Москве – генерал Исаков, понятным образом, с жаром ухватился за эту идею, и употребил все свои силы на то, чтоб достигнута была желанная развязка.

В представлении своем министру народного просвещения от 7 декабря 1860 года, генерал Исаков писал:

«Настоящее положение музея покойного графа Румянцева в С.-Петербурге приводит к мысли о возможности осуществить давно уже всеми признанную необходимость учреждения публичного музея и библиотеки в Москве. Императорская Публичная Библиотека в Петербурге находится в таком блистательном положении, что всякое другое подобное же учреждение, подле нее, теряет все свое значение, и существование его делается бесполезным. Публичная Библиотека, располагая значительными средствами, делает ежегодно замечательнейшие приобретения по всем отраслям печатания; в нее, как в главный центр, сносятся и драгоценности частных лиц, и отдаются редкости, приобретаемые правительством; и хотя сходная по началам основания с Румянцовским музеем, по степени развития своего и принятым размерам, первая натурально обрекает последний на совершенное запустение, и в настоящее время музей Румянцева представляет то же, чем он был в начале своего основания, т.е. собрание, доступное средствам частного, богатого человека, которое, не смотря на все желание придать ему интерес публичного учреждения, никем не посещается. В самом деле, кому встретится надобность, при своих ученых занятиях, прибегать к частному, не специальному собранию, когда с такою легкостью и с такими удобствами можно пользоваться материалами несравненно полнейшего и так отлично устроенного книгохранилища, как Императорская Публичная Библиотека? Этим-то и объясняется причина беспрестанно увеличивающегося числа посетителей последней, и вместе с тем доказывается совершенная бесполезность поддержания нескольких однородных

учреждений в одном и том же месте, особенно когда такое поддержание требует значительных денежных пожертвований. Вместе с тем и материальная обстановка Румянцовского музея, в настоящее время, вызывает необходимость перенесения хранящихся в нем предметов в другое место; но такое перемещение, с какими бы жертвованиями оно ни было сделано, оставаясь в Петербурге, не принесет никакой пользы *“благому просвещению”*. Предметы, хранящиеся в музее, не составляют какой-либо специальности, и по свойству своему не могут быть переданы тому или другому специальному заведению, а имеют в себе зачаток публичного музея, который может со временем развиться в большом размере, если придать к нему отделы по другим отраслям человеческого знания, не нарушая между тем его характера нераздельности и сохраняя имя учредителя. — Для перемещения музея нет места в Императорской Публичной Библиотеке, да ей и нет расчета приобретать дублиеты имеющихся уже в ней вещей; перенести его в Эрмитаж также нет никакой нужды, потому что библиотека сего последнего никем не посещается и, следовательно, там он снова будет жертвою полного невнимания публики; передать его какому-нибудь специальному заведению, именно только потому, что в нем, может быть, найдется для него место, значит опять-таки обречь его на забвение и бесполезность, и потому, чтобы дать ему назначение более полезное, чем настоящее, следует положить его в основание публичному всестороннему книгохранилищу...».

Далее, высказав очень основательные и вполне неоспоримые доводы на счет необходимости учредить публичную библиотеку в Москве, московский попечитель говорил:

«Вот почему, если взять все вышесказанное в соображение и присоединить предстоящую возможность положить всему этому основание в Москве, перенесением учреждения, никому более в Петербурге ненужного и бесполезного, то самые слова завещателя, характеризующие назначение его дара *“на благое просвещение”*, не могут не отвергнуть мысли, чтобы обширный смысл пользования им был заключен в тесную рамку одного города. Окружающие в то время завещателя обстоятельства не могли поселить в нем мысли учредить собрание свое в другом месте, кроме Петербурга, но время и успехи изменили местные нужды и принесенный дар остается достоянием всей России, и если бы ему суждено было, постепенно переносясь, положить основание, в нескольких пунктах пространной империи, учреждениям, подобным Публичной Императорской Библиотеке, то можно ли не сознаться, что лучшей участи нельзя желать памяти всякого завещателя. Чья предсмертная мысль не была бы утешена, предвидя, что основание, заложенное им на берегах Невы, разрастется со временем в храм просвещения по отдаленным местам отечества?..»

В заключении своей записки, генерал Исаков указывал на те материальные средства, помощью которых можно было бы водворить Румянцовский музей в Москве, в доме Пашкова, где до тех пор

помещалась 4-я московская гимназия, и дать ему возможно большее развитие.

С своей стороны, директор Императорской Публичной Библиотеки, барон М.А. Корф, имел немало побудительных причин к тому, чтоб радоваться переводу Румянцовского музея из Петербурга в Москву. И во-первых, сколько он со страстью любил и ценил созданную, можно сказать, им петербургскую Публичную библиотеку, столько же мало он любил и ценил Румянцовский музей. Ему казалось невозможным, чтоб этот музей, лишенный материальных средств для новых покупок, мог еще на своем веку процвести и развиваться. Он казался ему осужденным на неизбежный застой и гибель. Представления о тратах на его поддержание, как неудобноисполнимые, только беспокоили его и утомляли, и он, естественным образом, ничего так не желал, как избавиться от него. Присоединить его к Публичной Библиотеке – для этого в библиотеке не было свободного места, да притом же в Румянцовском музее, в числе книг, было много повторений того, что уже в библиотеке было. Именно поэтому, когда Император Николай, однажды, особенно озабоченный судьбою Румянцовского музея, в 1851 году Высочайше повелел сообщить барону Корфу мысль свою: нельзя ли перевезти книги и все вещи этого музея в Императорскую Публичную Библиотеку, поместив их в особом отделении, под названием «Румянцовского», а все дома музеума продать, обратив вырученную сумму в пользу Публичной Библиотеки, то барон Корф словесно представил Императору свои возражения и дело не состоялось.

IV.

Понятно, что при таком отношении к Румянцовскому музею барон Корф мог только восхищаться оказией сбыть его с рук. Поэтому, в представлении министру от 31 декабря 1860 года, он высказал следующие соображения, тем более интересные, что здесь заключается нечто в роде критической оценки коллекций Румянцовского музея, с точки зрения тогдашних распорядителей его судеб: «В настоящее время возникают новые вопросы: 1) имеет ли правительство право продавать здание музеума? 2) имеет ли оно право разрушить совокупный состав самых коллекций, образующих этот музеум?»⁶ Первый из этих вопросов не может, кажется, быть разрешен иначе, как утвердительно. В актах о передаче графом Румянцовым домов и коллекций в собственность правительства, нигде не выражено условия ни о том, чтобы коллекции, образующие музеум, были неразрывно, на вечные времена, связаны с самим зданием, в коем они были тогда помещены, ни о том, чтобы они составляли непременно одно с тем зданием целое. Мысль эта не представлялась ни самому завещателю,

⁶ Этот второй вопрос возникал, для барона Корфа, вследствие предложения князя Одоевского раздать разнообразные коллекции графа Румянцева различным ученым обществам.

ни брату его, исполнителю его воли, как явствует из старейшего, по времени, акта в настоящем деле – всеподданнейшего прошения от 3 ноября 1827 года, в котором граф Сергей Румянцов выразился так: «Брат мой покойный, изъявляя желание свое о составлении музея из библиотеки и других вещей, им собранных, предоставил мне выполнить оное по моему произволению. В следствие сего поспешил я, всемилостивейший государь, привести к окончанию предназначенное к тому строение». В указе Правительствующему Сенату 22 марта 1828 года сказано: «Находящиеся здесь в Петербурге, 1-й адмиралтейской части, 4-го квартала, под №№ 229 и 196 дома, купленные покойным государственным канцлером, графом Румянцовым, у английского купца Фомы Вара, и завещанные им вновь учрежденному общественному ученому заведению, которое долженствует именоваться Румянцовским музеем, повелеваем: в исполнение сей воли владельца, хотя лишь словесно им изъявленной, но утверждаемой свидетельством его брата и единственного наследника, д.т.с. графа Румянцова, признавать отныне собственностью министерства народного просвещения, с тем, чтобы сии дома и принадлежащие к ним места, а равно и все доходы с оных, были всегда употребляемы ни на что иное, как на содержание или умножение коллекций Румянцовского музея». Из отношения графа Сергея Румянцова от 28 сентября 1828 года на имя министра народного просвещения, князя Ливена, видно положительно, что, например, малый дом музея граф Румянцов «никогда не почитался надобным собственно для музея», а «первая мысль моя, – продолжал он, – была продать оный, и вырученные деньги внести при сдаче, как капитал, могущий всегда быть полезным. Мне кажется, что и ваша светлость⁷ то же самое теперь сделать можете, поелику в употреблении сего другого дома не стоит для музея необходимости, а пользоваться оным для доходов хлопотнее, нежели выручить капитал, на всякие нужды готовый». Что музейские здания никогда и со стороны правительства не считались неразрывно связанными с коллекциями, то доказывается также многими актами. Во всеподданнейшем докладе от 13 марта 1830 года министр народного просвещения выразился так: «Вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше принять приношение д.т.с. графа Румянцова, состоящее из различных ученых собраний и двух домов, что все досталось ему по наследству после брата его, государственного канцлера графа Румянцова, и высочайше повелеть соизволили: наименовав сии собрания Румянцовским музеем, принять его в ведомство министерства народного просвещения». В первоначальном учреждении Румянцовского музея, обнародованном 23 июля 1833 года, сказано: «§1. Оставленное покойным государственным канцлером, графом Николаем Петровичем Румянцовым собрание печатных книг, рукописей, монет, минералов и других редкостей назначается для общественного

⁷ Князь Ливен, министр народного просвещения в 1828 году.

употребления, именуясь, по высочайшей воле, “Румянцовским музеем”. Но если из сближения всех этих актов и по разуму их следует, что самое строение, как называл граф Румянцов здание нынешнего музея, может быть отделено от коллекций, без нарушения воли завещателя, и сим разрешается первый из выше предложенных вопросов, то теми же актами доказывается, в отношении ко второму вопросу, что самые коллекции ни под каким предлогом разрознены быть не могут, ибо единственно сим коллекциям, а не занимаемому ими дому присвоено, неоднократно обнародованною высочайшею волею, название “Румянцовского музея”, очевидно предполагающее их не в раздробленном, а в цельном составе. Отделить какую либо часть от этого собрания, или рассортировать его где и каким бы то ни было образом, значило бы разрушить самую идею, которую имел завещатель, передавая его в собственность правительства. Да и действительно: каждая из коллекций этого собрания не представляет особой, по крайней мере численной, значительности. Так, например, многие из славяно-русских рукописей принадлежат к чрезвычайным редкостям, служат необходимым пособием для всех работ по русской истории и приводятся в свидетельстве во всякой скольконибудь серьезной книге по этой части, но число их не велико, не более 508; нумизматический кабинет, заключающий в себе также величайшие редкости, равномерно не велик, и скромно помещается в пяти небольших витринах; подобно ему и минералогический кабинет отличается не количеством, а лишь красотой экземпляров; этнографическая коллекция, можно сказать, ничтожна, но имеет свое, весьма важное, значение, именно в Румянцовском музее, ибо связана с воспоминанием о частном русском человеке, снарядившем на свой счет кругосветную экспедицию, с именами Лисянского, Крузенштерна, Коцебу, и с названием Румянцовских островов. Общий состав всех этих отдельных, разнообразных, но почему-либо замечательных, дробей указывает не на один тонкий ум, знание дела и любовь к наукам и искусствам в собирателе, но и на особую цель его собрания, и скрепляется его именем, столь народным в России. Разрознить эти коллекции значило бы, уничтожив цену всего приношения, нарушить и волю завещателя, утвержденную царским словом, а такое нарушение не только остановило бы всякое желание со стороны других богатых частных людей к подобным же подвигам, и не только подало бы повод к самым неблагоприятным толкам, но и в существе дела было бы положительным укором для правительства...».

«Перевод Румянцовского музея в Москву, – говорил далее барон Корф, полагаю, не только не произведет никаких неблагоприятных пересудов в публике, но, напротив, встретит общее сочувствие».

Кроме общих, изложенных до сих пор, причин, побуждавших барона Корфа сильно сочувствовать мысли о переводе Румянцовского музея в Москву, у него было еще и несколько специальных: он надеялся, что из числа сумм, вырученных за продажу домов и котормых он определял, приблизительно, в 300 000 руб., добрые две трети

(около 200 000 рублей) будут отданы дорогой его Публичной Библиотеке, на некоторые новые покупки и предприятия, которых он тогда сильно желал. В заключении своего представления министру двора он предлагал: «1) все Румянцовские коллекции передать в ведомство министерства народного просвещения, для перемещения их в нераздельном составе в Москву. 2) Принадлежащие в Петербурге Румянцовскому музею дома продать с публичного торга или по вольным ценам. 3) Из вырученной суммы, 100 000 перевести в Москву нераздельно с самим музеем, а остальную употребить: а) на приобретение драгоценной коллекции Фирковичей, которые, без сомнения, сделают уступку из запрошенной цены 175 000 рублей⁸; б) на приобретение другой еще, весьма также драгоценной, и, можно сказать, единственной в мире коллекции купца Каратаева, за которую он просит 10 000 рублей⁹, и в) на издание в свет некоторых каталогов Императорской Публичной Библиотеки¹⁰, долженствующих принести огромную пользу науке и славу самой России, но которых издание было до сих пор останавливаемо совершенным отсутствием всяких к тому средств».

Можно ли обвинять всех трех этих деятелей, князя В.Ф. Одоевского, генерала Н.В. Исакова и барона М.А. Корфа за дружные их усилия уничтожить в Петербурге Румянцовский музей? Конечно, нет. Намерения их были чисты и благородны; со своей точки зрения они были правы и желали одного хорошего – но дело только в том, что точка зрения-то у них была неверная, и что, употребляя все свои силы на достижение, каждый, своих специальных намерений и желаний, они упускали из виду многие самые существенные стороны вопроса, и, вовсе того не подозревая, предлагали то, чего вовсе не следовало и нельзя было предлагать.

Князь Одоевский доходил даже до того, что советовал Румянцовский музей не только передать в Москву, но даже передать географическому или археологическому обществу, совершенно позабыв, что еще именным высочайшим указом 22-го марта 1828 года вновь образованный Румянцовский музей был признан навсегда государственною собственностью, значит не мог уже более переходить во владение отдельных ученых обществ, которых даже и существование вовсе не навсегда обеспечено.

⁸ Здесь речь идет о громадной и несравненной коллекции древних еврейских рукописей, собиравшейся караимами Фирковичами в Европе и на Востоке в течение 30 лет, и предложенной ими в то время Публичной Библиотеке для покупки.

⁹ Здесь говорится о превосходной и редкой коллекции старопечатных русских книг, числом около 500, собранной купцом Каратаевым в течение 16 лет.

¹⁰ Здесь имелось, всего более, в виду издание каталога «Rossica», т.е. коллекции сочинений иноязычных писателей о России, задуманной, основанной и собранной бароном Корфом, в удивительной полноте в течение 10-летнего управления его Публичною Библиотекою, начиная с 1849 по тогдашний 1860-й год.

(Румянцовский Музей в С. Петербурге.)

Здание Румянцовского музея на Английской набережной в Санкт-Петербурге

Генерал Н.В. Исаков доказывал, что Румянцовский музей, оставаясь в Петербурге, «не принесет никакой пользы благому просвещению», что он в Петербурге «никому более не нужен и бесполезен» – предсказание уже слишком смелое и определение для одного человека, отдельно взятого, навряд ли возможное. И все это потому только, что, с жаром заботясь об учреждении публичной библиотеки в Москве, и имея прежде всего в виду книги, генерал Исаков упустил из виду великолепное собрание Румянцовских рукописей, и, по-видимому, приписывал им значение, равное нулю.

Барон М.А. Корф точно также впал в эту самую ошибку и, в то же время, вместе с князем Одоевским и генералом Н.В. Исаковым был вполне убежден в праве переносить Румянцовский музей, по произволению, куда угодно. Он был убежден, конечно, вполне искренно, что этим ничуть не нарушается воля завещателя, покойного канцлера графа Румянцева; он старался доказывать, что если рассматривать подлинные слова, выразившие эту волю, в них нигде не найдешь той мысли, чтоб Румянцовский музей должен был оставаться навеки в неразрывной связи с домом Румянцева и городом Петербургом, – но при этом он оставлял совершенно в стороне и то, что в словах обоих братьев графов Румянцовых нигде не было высказано, чтоб пожертвованные ими коллекции могли быть устроены где угодно, в Петербурге или другом городе нашего отечества, а высказать это было бы так легко, хотя бы графу Сергею Румянцову! Нет, в совершенную противоположность доводам барона Корфа,

документальные факты убеждают, что графы Румянцовы имели в виду специально один только город Петербург, и не предназначали своих собраний никакому другому городу в России.

В минуту передачи музея правительству, граф Сергей Румянцов имел в виду продать только «малый» дом, и никогда «большой», главный. Оно и понятно: в «малом» доме жили, при канцлере, его родственники (тетка Нарышкина и другие), знакомые и прислуга. Поэтому он несколько не считал его существенным, и предлагал министру просвещения, князю Ливену, продать его. Но ничего подобного он никогда и нигде не высказывал про «большой», про «главный» дом, где прежде жил и собирал свои сокровища канцлер Румянцов, и который он пожелал передать своему отечеству.

Надо заметить, что, после смерти канцлера, его брат, граф Сергей, имел первоначально в виду предназначить свои коллекции исключительно в пользу «учащемуся юношеству благородного сословия». Во всеподданнейшей просьбе своей от 3 ноября 1827 года он говорил: «Заведения таковые, когда назначаются ко всеобщему употреблению, бывают сопряжены завсегда с затруднениями и неудобствами, рано или поздно их разрушающими; для избежания сего жребия желал бы я, всемилостивейший государь, чтобы пользование всего того, что музей содержит, было распространено единственно на юношество благородное, воспитывающееся в учреждениях, столь отечески призираемых вашим императорским величеством. Драгоценный рассадник российского рыцарства будет тогда не только пользоваться средствами учения, но от императорского покровительства приобретать прочность и умножение сих пособий. Ласкаюсь я даже, всемилостивейший государь, и тою надеждою, что высочайший юноша государь наследник, оказывающий теперь уже самое горячее покровительство сей современной ему молодости, будет пред вами, всемилостивейший государь, всегдашним еще за нее представителем...». Именно вследствие такого предназначения графом Сергеем Румянцовым Румянцовского музея для учащегося юношества, были, по высочайшему повелению, назначены для приема от него музея два лица: министр народного просвещения, адмирал Шишков, и главный директор пажееского и кадетских корпусов, генерал-адъютант Демидов, первый – как заведующий всеми гражданскими, второй – как заведующий всеми военными учебными заведениями. Но уже спустя немного дней, в записке, поданной начальнику главного штаба, от 28 ноября 1827 года, генерал-адъютант Демидов писал: «Отдавая справедливость сему великодушному пожертвованию и будучи исполнен равного уважения к первому государственному сословию, я поставляю, однако же, долгом моим изъяснить, что таковым назначением музея на пользу русского дворянства, обучающегося в государственных заведениях, стесняется польза, которую могло бы принести в кругу учености столь знаменитое заведение, ибо музей графа Румянцова по составу своему принадлежит к тем редким заведениям, которые подают материал и способы для глубоких ученых разысканий по

части истории, этнографии, археологии, нумизматики и других высших сведений, не принадлежащих к кругу образования воспитанников военно-учебных заведений. Если же означенный музей передан будет в ведомство начальства корпусов с тем, чтобы оный открыт был для всех желающих пользоваться пособиями, в том хранящимися, тогда управление оного составит особенную обязанность для начальства корпусов, а содержание оного, сколько предвидеть можно, потребует издержек. Вследствие сего я полагаю, что оное заведение, как по употреблению ученых пособий, в оном находящихся, так и по экономическому управлению оного, с большею удобностью могло бы быть передано в министерство народного просвещения». На сделанное ему вследствие этого предложение, граф С.П. Румянцов дал свое согласие, и музей поступил в ведение министерства народного просвещения. Но при этом он объявил, что «польза от заведений, подобных сему музею, бывает вернее и действительнее, когда они доступнее для многих, а потому он желает, чтобы Румянцовский музей был общественным и открыт для публики, хотя один раз в неделю; также чтобы Российская академия имела свои публичные заседания в большой зале музеума, и чтобы все прочие ученые и высшие учебные заведения могли пользоваться всеми предметами, в музее находящимися, а книги брать под расписку своих начальств...» (Отношение товарища министра народного просвещения, Д.Н. Блудова, к министру народного просвещения, адмиралу Шишкову, от 9 марта 1828 г.). Этот последний документ не оставляет уже никакого сомнения в том, что у графа Румянцова не было в голове даже и мысли о возможности перенесения музея из Петербурга в другое место, а потому он и не имел ни малейшей надобности выразить «запрещение» перемещать свой музей из Петербурга в другое место: без сомнения, ни Российская академия, ни иные петербургские ученые и учебные заведения, им упоминаемые, никогда не имели в виду трогаться из Петербурга, а значит не мог трогаться с места и Румянцовский музей, где даритель желал основать навсегда их «заседания».

Сверх того, в именном указе 22 марта 1828 года было высказано, что «дома Румянцовского музеума и принадлежащие к ним места, а равно все доходы с оных должны быть всегда употребляемы только на содержание и умножение коллекций Румянцовского музеума». «Доходы с домов и мест навсегда» – это также показывает намерение, чтоб эти дома и места оставались неприкосновенными. Таким образом, вполне ясна мысль как завещателя графа Румянцова, так, и самого правительства, принявшего его дар.

Румянцовский дом явно считался «прикрепленным» к Румянцовскому музею, а оба они – прикрепленными к Петербургу. Поэтому, все доводы барона Корфа в противоположном направлении являлись явными натяжками, и насильственным извращением истинных намерений и желаний завещателей.

Однако же, возвратимся к прерванному, на минуту, изложению хода дела о переводе Румянцовского музея из Петербурга в Москву.

Рассмотрев представление директора Публичной Библиотеки, министр двора признал все изложенные в нем доводы вполне основательными, и внес дело в комитет министров.

В заседании 9 мая 1861 г. комитет министров единогласно признал, что «по буквальному смыслу имеющихся в деле актов (всепопданнейшего письма графа С.П. Румянцева 3 ноября 1827 г., высочайшего рескрипта на его имя 3 января 1828 г. и именного высочайшего указа Сенату 22 марта 1828 г.) в них не видно неперменного условия, чтобы принадлежащие музеуму коллекции были неразрывно связаны с самими зданиями оного, равно о всегдашнем оставлении того музеума в Петербурге, а потому и перевод его в другое место может быть признан не противоречащим воле учредителей музеума». Что касается второго вопроса, о переводе Румянцовского музеума именно в Москву, комитет находил, что «дальнейшее оставление музеума в занимаемом им здании, без капитальных исправлений, на которые музеум не имеет ни запасного капитала, ни других средств, представляется невозможным. Вместе с сим, перевод Румянцовского музеума в Москву, в дом 4-й гимназии, на основаниях, изложенных в записке генерал-майора Исакова и одобренных министром народного просвещения, в совокупности с предположением об учреждении в том же доме публичной библиотеки и музеума, в которых ощущается в Москве столь настоятельная надобность, представляется делом удобным и вполне соответствующим цели завещателя, выраженной в сделавшейся историческою фронтоной надписи «На благое просвещение». По сим уважениям комитет, также единогласно, полагал, по окончании, на основании высочайшего повеления, строительною конторою министерства Императорского двора, оценки как домов музеума, так и принадлежащей оным земли, произвести торги и означенные здания продать, обратив затем вырученную сумму в распоряжение министерства народного просвещения». В заключении своего положения, комитет министров входил в подробности об употреблении сумм, вырученных от продажи домов Румянцовского музея, на устройство и содержание его в Москве, но при этом, по большинству голосов, полагал, что из общей суммы не должно быть отделяемо никакой части на приобретение коллекций Фирковича и Каратаева для Императорской Публичной Библиотеки, так как в именном высочайшем указе от 22 марта 1828 г. выражено условие, чтобы «дома Румянцовского музеума и принадлежащие к ним места, а равно все доходы с оных были всегда употребляемы ни на что иное, как на содержание или умножение коллекций Румянцовского музеума», а приобретения для Публичной Библиотеки являлись «совершенно чуждою для Румянцовского музея надобностью».

На журнале комитета последовала собственноручная государя императора резолюция: «согласен с большинством».

Несколько месяцев спустя, Румянцовский музей был переведен в Москву, а драгоценные коллекции Фирковичей и Каратаева были куплены, для Публичной Библиотеки, по высочайшему повелению, на суммы государственного казначейства.

Что же касается до самых домов Румянцовского музея в Петербурге, то прошло много времени в напрасных вызовах, через газеты, покупателей. Очень долго никто на торги не являлся, и только уже гораздо позже перевода музея в Москву, с 1862-го на 1863-й год, дома эти были куплены бывшим редактором «Сына Отечества», Старчевским. Он пустил дома на частные квартиры; по слухам, траты его на переделки вовсе не достигали тех громадных цифр, какими всегда грозили архитекторы и строительные комиссии, когда, прежде того, речь заходила о починках Румянцовского музеума.

VI.

Пока решалась, в начале 1861 года, участь Румянцовского музеума, я, что касается до меня лично, чуть-чуть не поплатился очень тяжело за то участие, которое принял было с самого начала в его судьбе. Барон Корф, под начальством которого я тогда служил, случайно узнал о заявлениях петербургских академиков и профессоров, назначившихся для печати, и о записке, написанной и назначенной для членов комитета министров. Он узнал, что во всем этом я также принимал участие, вместе с другими. Это показалось ему чем-то в роде измены или предательства с моей стороны, тем более, что в продолжение всей моей службы при нем он постоянно осыпал меня знаками своей искренней симпатии и самого сердечного расположения. Он мне высказал это в один из приездов своих в Публичную Библиотеку. Я был глубоко поражен и огорчен, но тотчас же написал ему довольно объемистую записку, где высказывал свои резоны, и старался не столько свою собственную личность выгородить, сколько выяснить то дело, которое казалось мне справедливым. Я твердо был убежден, что барон Корф, всегда благородный, честный и великодушный, всегда дающий своим подчиненным высказываться и не стесняющий их никакою начальническою рутинною, если не согласится с моим образом мыслей, то, по крайней мере, оценит мои мотивы. И я не ошибся. На полях моей записки (помеченной его рукою «8-го марта 1861 г.») барон Корф сделал отметки карандашом, которые я храню, как драгоценный материал для биографии его, как одного из самых светлых наших государственных деятелей.

Я представлю здесь некоторые из этих отметок; они имеют и прямое отношение к изложенному выше делу Румянцовского музея, и живо обрисовывают прекрасную, гуманную, симпатичную личность барона Корфа, представлявшего такое светлое и блестящее исключение среди общего бюрократического нашего мира прежнего времени. Высказав, в начале, как мне мучительно видеть изменение, с его стороны, в отношении ко мне, после стольких лет величайшей симпатии, доверия и даже привязанности, которыми я гордился, я продолжал:

«Я, конечно, с самого же начала предвидел ту тяжкую минуту объяснения, которая сегодня для меня наступила. Я никогда не думал избегать ее, но вопрос для меня состоял только в том: искать ли с вашим высокопревосходительством объяснения поэтому делу как можно раньше или как можно позже? Все меня принуждало к последнему – я так и поступил. Мое величайшее несчастье заключается в том, что я слишком поздно узнал о проекте перевода Румянцовского музея в Москву: я узнал о нем только тогда, когда все дело было уже окончательно решено, и представление находилось в руках у государя императора. Если б мне удалось узнать о том хотя в самую последнюю минуту, я бы, кажется, сделал все возможное, чтоб задержать представление. Я бы в ту же минуту бросился к вам, просил бы, умолял бы, и говорил бы: ради Бога, ваше высокопревосходительство, остановите это представление. Если это дело совершится, оно будет для Петербурга – вредно, для Москвы – бесполезно, лично для вас – будет пятном в вашей биографии, столь чистой, благородной и славной – вот что я говорил бы. Но было уже поздно. Представление было послано. Поправить было уже нечем. После этого я спрашиваю: к чему послужило бы искать объяснения с вами по этому предмету, когда не было уже возможности возвратиться назад? К чему послужило бы тогда мое о нем представление вам? Я был бы только связан по рукам и по ногам, и не был бы более в состоянии спасти самое дело, помогать ему сколько могу. Спасать же его – я считал долгом совести, признавая это национальным»...

Против этих строк барон Корф написал:

«Обязанность ваша, как верного русского, была, конечно, думать более о деле, нежели о моем лице; но смею вас заверить моим словом, что с моей стороны никогда не было бы препятствия свободе ваших действий, если бы вы и после моего представления сообщили мне о ваших сомнениях».

Далее я излагал свое убеждение, что не мог барон Корф, по собственному только почину, прийти к мысли сделаться вдруг «мачехой» Румянцовского музея, выбросить его вон из Петербурга (под тем предлогом, будто он мало пользы здесь приносит!), велеть продать с публичного торга монумент исторический – дом, где жил сам Румянцов и который он подарил русскому народу; я выражал мысль, что его к этому вероятно склонили люди, смотрящие на национальные музеи, как на связки канцелярских дел или аристократическую посуду, которые можно по воле какого-нибудь директора департамента или метр д'отеля перебрасывать из одного места в другое, что его к этому уговорили конечно великосветские и служебные его связи. Против этих строк барон Корф написал:

«Никогда еще я не покорялся подобным причинам. Меня “уговорили” только желание быть полезным России, а не моему углу».

В конце я говорил, что теперь у нас у всех слишком мало чувства исторического: но и мы все скоро уразумели бы истину, когда нас научили бы уму-разуму иностранные газеты, начавшие бы вдруг

насмехаться над нами и нашим переваживанием из одного города в другой таких монументов, которые они у себя держали бы чуть не под стеклом. Я кончал так:

«И потому я решился: что бы сначала ни подумали, в чем бы меня сначала ни обвиняли, примкнуть к оппозиции, стараться всеми силами, чтоб это дело рухнуло и не оставило никакого следа... потому что дорожу чувством законности и национального уважения к такому подвигу, как Румянцовский. Но какой бы ни был результат, я чувствую, что действовал честно и справедливо, и что работал на дело общее и на дело частное, ваше собственное, дело вашей репутации, для выставления которой во всем ее истинном свете я не задумался бы решиться на что-нибудь и еще более трудное и тягостное».

Против этих строк барон Корф написал:

«Не могу иначе как благодарить за это, хотя смею думать, что образ действия мог бы быть и другой».

После этого барон Корф возвратил мне свое прежнее расположение, и самые симпатичные, самые душевные отношения его ко мне не нарушались более до самого конца его жизни».

Русская Старина. 1883. № 1. С. 87–116.

**Из обзора А.Е. Викторова рукописных, архивных
и книжных собраний Н.П. Румянцева, перевезенных в Москву**

«...Собрание рукописей гр. Румянцева между другими подобными собраниями занимает одно из самых почетных мест и, можно сказать, что ни одна из наших рукописных библиотек, для развития науки отечественной истории и древностей, не принесла столько пользы, как именно коллекция рукописей гр. Румянцева. Начиная с изданий археологической комиссии, без пособия рукописей Румянцевского музея у нас не обходилось ни одно археологическое издание, ни одно сколько нибудь серьезное историческое исследование. В области ученых разысканий по отечественной истории и древностям в особенности возвысилось значение музея Румянцевских рукописей, а вместе возросла и известность его, когда вышло в свет прекрасное ученое описание их, составленное главою наших филологов и знатоков древнерусской письменности, А.Х. Востоковым (СПб. 1842 г.).

Всех славяно-русских рукописей в Румянцевском собрании, за изъятием 9 манускриптов, исключенных из каталога по предписанию министра народного просвещения от 4-го августа 1845 года¹¹ 517. Из них вошло в печатный каталог г. Востокова 464; не вошедших в этот каталог 53. К числу последних рукописей принадлежат также портфели и картоны с Высочайшими рескриптами, дипломами, перепискою и вообще бумагами, оставшимися после гр. Румянцева. Как выше объяснено было, Румянцевские рукописи, по своему характеру, представляют в себе два разряда: к первому принадлежат рукописи подлинные, сохраняющиеся в древних и старых списках, от XII до XVIII века включительно, ко второму – новейшие копии, снятые, по поручению гр. Румянцева, с древних рукописей, хранящихся в разных библиотеках и архивах. Эти копии, за исключением очень немногих, в настоящее время в составе собрания большею частью потеряли всякое значение, – одни потому, что давно напечатаны (преимущественно в акт. археол. ком.), другие же потому, что по способу приготовления не удовлетворяют современным научным требованиям; наконец третьи потому, что не имеют надлежащего ручательства в своей верности с подлинными рукописями, тем больше, что об иных даже не известно, где находятся их подлинники. Всех новейших копий в Румянцевском собрании, со включением сюда рукописей, по своему происхождению принадлежащих XIX столетию,

¹¹ Исключены из каталога и теперь не имеются в музее, по печатному описанию Востокова, след. №№: 3, 4, 188, 206, 234, 254, 329, 384 и 452.

Библиофилъ.

Алексея Егоровича Викторова.

См. стр. 90 гл. 3 1883 г.

**Алексей Егорович Викторов – первый хранитель
отделения рукописей и славянских старопечатных книг
Московского Публичного и Румянцевского музеев**

около 190. Таким образом число славянских рукописей Румянцевского музея падает до 327, – цифра, сравнительно с цифрами других библиотек, очень незначительная; но выше было уже объяснено, что Румянцевское собрание рукописей важно и сильно не числом рукописей, а их внутренними достоинствами т. е. древностью, редкостью и отличным выбором. Если взглянуть на библиотеку рукописей гр. Румянцева с этой точки зрения, то окажется, что из существующих у нас рукописных коллекций, она уступает очень немногим; напротив, большую часть из них превосходит.

При определении сравнительного достоинства и ценности рукописных библиотек, между прочим, обыкновенно берут во внимание количество имеющихся в библиотеке рукописей, писанных на пергаменте и вообще рукописей, принадлежащих по времени своего написания к периоду от XI до XV века. Взглянув на собрание рукописей гр. Румянцева с этой стороны, нельзя не придти к выводу, что между другими собраниями оно должно занять самое почетное место. В Румянцевской коллекции всех памятников, писанных на пергаменте 45, – цифра, которая этой коллекции, между существующими у нас собраниями, дает 5-е место. Такое же место Румянцевское собрание должно занимать и по числу древних рукописей вообще. В этом собрании 3 рукописи принадлежат к XII веку, 10 – XIII века, 20 – XIV и 43 – XV, вообще рукописей XII–XV века 76, – количество, которое существует в библиотеках очень не многих, потому что большая часть их наполнена рукописями XVI–XVIII века.

Для палеографа, равно как и для историка и филолога имеет особую ценность древняя рукопись, если она содержит в себе ясное обозначение времени ее написания. В этом отношении рукописи Румянцевские между рукописями других библиотек, как по своему количеству, так и по древности, стоят на самом видном плане. Известно, что в Румянцевском собрании есть один из древнейших списков Евангелия, писанный в 1164 году, манускрипт, который между другими известными у нас списками Евангелия, время написания которых известно, занимает 5 место, а между рукописями, обозначенными годами вообще, – 10-е; затем следуют: список Евангелия 1270 года; паремейник, писанный в 1370 году; служебник 1386 г.; евангелие 1401 года и т.д. Вообще, в Румянцевском собрании всех рукописей, обозначенных годами, 77. Между ними 22 рукописи XVI в., 8 – XV, 2 – XIV, 1 – XIII и 1 – XII века.

Являясь в самом выгодном свете, сравнительно с другими собраниями, в отношении палеографическом, рукописи гр. Румянцева еще более выигрывают от этого сравнения в отношении к своему содержанию. Собрание гр. Румянцева, в этом отношении, имеет другой характер. Владея достаточным количеством древних списков книг богослужебных, собрание рукописей гр. Румянцева в особенности богато манускриптами по другим отделам, более важным. Соответственно с общим характером нашей древней письменности, Румянцевское собрание славянских рукописей, как и другие собрания,

разумеется, главным образом состоит из памятников литературы духовной, но за то разные отделы этой литературы составлены в надлежащей полноте и по каждому из них есть несколько списков первостепенной важности. Соответственно с пределами следующего за сим очерка, по необходимости приходится ограничиться указанием, по разным отделам древнерусской письменности, только на рукописи древние и совершенно выпустить из виду списки и копии позднейшего времени.

В составе Румянцевского собрания первое место принадлежит кодексам, содержащим в себе книги священного писания ветхого и нового завета. Древних рукописей (до XVI века) с книгами ветхозаветными, которые, как известно, в наших библиотеках встречаются очень редко, в Румянцевском собрании 4. По времени все четыре рукописи принадлежат к XV и XVI в., и одна из них имеет ясное обозначение года (1537) ее написания. Сюда принадлежат также: 2 пергаменные псалтири и 3 пергаменные паремейника. Но в особенности Румянцевская коллекция богата книгами нового завета, и именно: Евангелиями. Всех списков Евангелия в этой коллекции, от XII до XVI в., 42, из них пергаменных 16, следовательно в полтора больше, чем в библиотеке синодальной. Между списками Евангелий 2 принадлежат к XII в., 4 – к XIII, 7 – к XIV в., 10 – к XV. К рассматриваемому разряду рукописей принадлежат также 2 списка апостола: один 1495 г., а другой XVI века; апостол с толкованием также XVI в. и едва ли не древнейший из известных списков Апокалипсиса с толкованием Андрея Кесарийского, принадлежащий к концу XIII или началу XIV века.

Из многих списков книг богослужебных замечательнейшие и древнейшие следующие 2 списка церковного устава, один пергаменный, 1428 г., и другой бумажный, 1822 года, 3 пергаменных служебника XIV века (один 1386 года), два пергаменных обихода, один XIII века а другой XIV, и три пергаменных служебные минеи, две XIV века и одна 1441 года, 3 триоди также XV и XVI веков и 2 пергаменные Синодика XIV и XV веков, 2 нотных стихираря XVI века и т.д.

Между другими отделами в собрании Румянцевском очень важное место занимают древние манускрипты с переводами творений св. отцов. Здесь первое место, без сомнения, принадлежит древнейшему из известных пергаменному списку Лествицы св. Иоанна Лествичника, XII века; за тем следуют: а) 5 также древних списков того же сочинения, из коих один XIII века и 3 – XV, б) список сочинений Дионисия Ареопагита, XV века, в) 2 списка слов Григория Богослова, оба XV века, г) Беседы св. Иоанна Златоустого, в списках XVI века, д) слова св. Ефрема Сирина, в списке 1523 года, е) сочинения Анастасия Синаита; в списке XV века, ж) сочинения св. Иоанна Дамаскина, в переводе Иоанна Экзарха, и в другом позднейшем переводе, в списках XVI и XVII века, з) Иоанна Экзарха Шестоднев и поучения Кирилла Иерусалимского, в списке XVI века и т.д. Сюда же относятся: а) истолковательные сочинения: Афанасия Александрийского на псалтырь, в списке XVI века; толкование Феодорита на ту же

книгу, в списке XV века; Феофилакта Болгарского толкование на Евангелие, в списке 1521 года, б) известные сборники творений греческих отцов (преимущественно Иоанна Златоуста) со вставкою русских сочинений и разных апокрифических повестей: пергаменный Исмарагд XIV века, Маргарит 1530 года и Златоуст в двух списках – 1523 и 1555 года, и другие сборники.

Как известно, музеум очень богат памятниками для истории церковного права: в нем отличное собрание Кормчих. Во главе их находится один из древнейших списков этой книги, – список XIII века, занимающий между известными у нас списками 3-е место. Другие списки Кормчей также очень древни, именно: 1 – XV века, 4 – XVI и 3 – XVII века; последние 3 рукописи с обозначением года их написания.

Музеум имеет значительное количество рукописей и содержания исторического. Сюда принадлежат следующие манускрипты: 6-ть прологов, из коих один (за целый год) XIII–XIV веков; Патерик скитский 1570 года; две Палеи, XVI и XVII веков; 9-ть хронографов, из коих два принадлежат к XV веку; из хронографов в особенности замечательны: хронограф Георгия Амартола в Сербском переводе и другой, писанный во Пскове в 1494 году; последний очень богат апокрифическими статьями. К числу исторических рукописей должно отнести также 4 торжественника, на половину состоящие из житий святых и разных сказаний, и около 25-ти сборников, также большею частью исторического содержания.

В наших рукописных библиотеках в особенности ценятся рукописи, которые содержат в себе списки сочинений русских, – оригинальных. Этот отдел Румянцевского собрания представляет в себе также очень много замечательного. Сюда относятся: один из древнейших, известных у нас списков Патерика Печерского, принадлежащий к XV веку, много сочинений Кирилла Туровского и Григория Цамблака, рассеянных в сборниках; до 60-ти житий русских святых, частью в отдельных рукописях, частью также в сборниках; два списка просветителя Иосифа Волоколамского – оба в списках XVI века, сочинения Максима Грека, в двух списках, из коих один XVI; три списка деяний Стоглавого собора, – из коих 2 – XVI века; превосходный список сказания Авраамия Палицына об осаде Троицкой лавры XVII века, Иосифа патриарха прение о вере с датским королевичем Вольдемаром, в списках XVII и XVIII века; Соловецкая челобитная царю Алексею Михайловичу и сказание о взятии Соловецкого монастыря, в списке XVIII века; обличение Московского собора 1666 года на раскольников и наказ духовенству, статир (собрание поучений), сочиненный и писанный неизвестным Пермским священником, в 1684 году (редкая рукопись); щит веры в списке XVII века, две рукописи с сочинениями Лихудов, в списке XVIII века; два списка (XVII и XVIII века) русской истории дьяка Грибоедова и т.д. Сюда же нужно причислить: два списка толкового алфавита, или азбуковника, XVII века, очень замечательный образчик старинной каллиграфии, или скорописных

прописей, писанных в Вологде, в 1643 году на свитке, длиною в 8-мь аршин; чертежную книгу (атлас) Сибири (по областям и уездам) Семена Ремизова, 1701 года, на 24-х листах александрийской бумаги большого формата.

Отдел русских оригинальных памятников по отечественной истории, в тесном смысле этого слова, как было уже замечено, главным образом состоит из новейших копий. Но графу Румянцеву удалось собрать несколько замечательных памятников в оригиналах и по этому отделу. Музеум имеет: 6-ть русских летописцев, из коих один принадлежит к XVI веку, остальные XVIII века; 4 списка Степенной книги XVI–XVII и XVIII веков, 4 родословные книги, 2 – XVI и одна XVII века, 5-ть разрядных книг XVI и XVII века, Статейный список посольства в Грузию, 1637–1639 года в современной копии; расходные книги (3) царского двора и т.п.; из подлинных грамот в особенности замечательны: две драгоценные грамоты новгородские, на пергаменте и с свинцовыми печатями, – одна конца XIII, другая XIV веков; 10-ть грамот польско-русских и литовских, из коих 7-мь пергаменных, относящихся к 1398, 1438, 1445 и следующим годам, две подлинные грамоты Царя Михаила Федоровича; подлинное письмо Царя Алексея Михайловича к сестрам; грамоты царские на Верхотурье, в подлинных столбцах, 1598–1700 годов т.д.

В настоящее время в области истории древнерусской литературы и искусства получили большую важность рукопись с миниатюрами. Румянцевский музеум довольно богат и такими памятниками. Всех рукописей с миниатюрами в Румянцевском собрании 16-ть. Из этих рукописей особенно замечательны следующие: 9-ть Евангелий, с изображениями евангелистов, от XII до XVI века, пергаменный псалтирь с 12-ю раскрашенными миниатюрами, Шестоднев Иоанна Экзарха XVI века, с любопытными, также раскрашенными изображениями дел творения, церковный устав, писанный в 1608 году с раскрашенными изображениями святых пред каждым числом месяца на полях (в медальонах) и с иконописными изображениями во весь лист пред каждым месяцем и пред большими праздниками¹² – рукопись, драгоценная для истории нашей иконописи: это единственный древний лицевой подлинник с ясным обозначением времени своего происхождения. Очень замечательна также в своем роде книга о сивиллах, 1673 года, с живописными изображениями 12-ти сивилл, писанных масляными красками на холсте.

В заключение обзора славянских рукописей Румянцевского музеума, считаю нужным остановиться на тех памятниках, которые не вошли в печатное описание Востокова и о которых почти нет никаких печатных известий. Как выше упомянуто было, в состав этих памятников входят: а) собственно рукописи, числом 53, б) разные акты, письма и вообще бумаги, составлявшие домашний, кабинетный

¹² Всех изображений более 380, между ними есть и слишком редко встречающееся изображение славянского первоучителя Кирилла.

архив графа Румянцева. Что касается до рукописей, то замечательных между ними очень немного: это большею частью или новейшие копии, или разные сочинения, документы и вообще бумаги XVIII и преимущественно XIX столетия. Рукописей же древнейшего периода между ними только 6-ть, именно: а) три листа из пергаменной: служебной миней (за октябрь месяц), писанной в два столбца, уставом XIII–XIV века, и 10-ть листов из пергаменного сборника, писанного полууставом XV века, б) Никона Черногорца Пандекты, писанные скорописью XVII века, в) Диоптра Филиппа Философа, XVII века, г) толковый алфавит, или азбуковник, скоропись XVI–XVII века, д) отрывок из челобитной алаторского протопопа Григория Патрикеева к антиохийскому патриарху Макарию, с подписями (на обороте) патриарха на арабском и греческом языках, е) Апокалипсис с толкованием, XV–XVI века, на чешском языке.

Из памятников позднейшего времени останавливают на себе внимание следующие: а) Сказание о начале царства Казанского, 1719 г., б) Манкиева – Ядро российской истории, скороп. половины XVIII века, в) жизнь Императрицы Екатерины I, перевод с немецкого Василия Рогинского, 1728 года, г) Адамовича (Глуховского протоиерея) разные похвальные слова, речи, оды и канты в честь Петра Великого, Императрицы Анны Иоанновны, Императора Павла Петровича и графа П.А. Румянцева-Задунайского, д) сюда же относятся сочинения и переводы некоторых писателей – современников графа Румянцева, именно: Арцыбашева, Берлинского, Берха и друг.

Несравненно больше интереса представляют кабинетные портфели и вообще бумаги графа Н.П. Румянцева, составлявшие его домашний архив. Эти бумаги наполняют собою 7-мь больших картонов и в общем количестве составляют около 1000 №№, относясь главным образом к истории фамилии графов Румянцевых и в частности к истории и ученой деятельности графа Николая Петровича; они в особенности важны для характеристики исторической деятельности той эпохи, которой граф Румянец по праву должен назваться представителем.

В состав этого отдела входят:

1) Собрание писем от русских и иностранных государей на имя разных членов фамилии графов Румянцевых, а также дипломы на почетные звания, выданные гр. Н.П. Румянцеву от разных русских и иностранных ученых обществ и учреждений. Всех писем и дипломов 163. Между письмами очень много собственноручных.

2) Материалы для истории фамилии Румянцевых по служебным, хозяйственным и семейным делам, именно: царские указы, тяжёлые дела по имениям графов Румянцевых, описи имений, хозяйственные ведомости и счета, переписка с управляющими, семейная переписка гр. Н.П. Румянцева, переписка его по частным делам и т.п.

3) Ученая переписка гр. Николая Петровича Румянцева и вообще материалы для истории и характеристики его ученой деятельности. К этому отделу, без сомнения, самому интересному, принадлежат:

Румянцевский зал в Пашковом доме (1870-е гг.)

а) черновые письма гр. Николая Петровича на французском и русском языках, большею частью собственноручные, к разным русским и иностранным ученым, как то: к Лербергу, Аделунгу, митрополиту Евгению, арх. Неофиту, к гр. Разумовскому, к гр. Д.Н. Блудову, к Роджеру, Мрокговцу и друг.; б) письма к нему самому от разных ученых русских и иностранных, именно: из иностранных корреспондентов графа, письма: Бореля, Гартмана, Вихмана, Газе, Коцебу, Трешова, Сиверса, Форберга и друг. из русских ученых письма: Аделунга, Арцыбышева, Берлинского, Вельяминова-Зернова, Гейма, протоиерея Григоровича, митрополита Евгения, Калайдовича, Кеппена, Круга, Лерберга, Лобойко, Неймана, епископа Неофита, Несторовича, Погодина, Строева, Тимковского, Френа, Шаликова (послание в стихах), Ширавеского, арх. Феофилакта и друг.; в) огромная коллекция ученых разысканий, справок, выписок, из печатных книг и рукописей, и заметок по разным ученым предметам, писанных собственною рукою графа Румянцева, начиная с 1791 года; равно как такие же выписки и заметки, писанные (большею частью собственноручно), по просьбе графа, его корреспондентами и сотрудниками преимущественно: Григоровичем, Калайдовичем, Кругом и друг.; г) снимки с древних надписей, актов, и рукописей русских и иностранных, также с древних печатей и разных других памятников, сделанные также по просьбе графа его корреспондентами; д) бумаги относящиеся до разных изданий и ученых предприятий графа Румянцева, каковы, например, замечания Калайдовича о 1-м томе государственных грамот,

проект издания древних русских путешественников, проект издания иностранных путешествий по России и т.п.

4) Бумаги ученого содержания, расположенные систематически, по предметам, в алфавитном порядке. Это большею частью исследования по разным научным вопросам, занимавшим графа Румянцева, еще не приведенные к концу и представляющие сырой материал, состоящий из выписок, справок и разысканий, принадлежащих часто нескольким лицам. Всех статей и исследований в этом отделе 132. Вот заглавия некоторых из них: свод Волынской летописи – Анастасевича, о Радзивилловском архиве – Лобойко, об Антонии и Феодосии Печерских самого Румянцева, о Бове Королевиче – разыскания Григоровича и Строева, о Данииле Паломнике и Стефане Новгородском и Дмитрие Солунском – Григоровича, о Диоптре – исследование Калайдовича, о богослужебных книгах и о кормчей – исследование митрополита Евгения, о крымских древностях – Круга, о Никоне черногорце заметки и выписки Григоровича и Строева, об издании русских летописей – проект Оленина, о камне Рогволода – разыскания графа Канкринна, о подложном списке Слова о полку Игореве, – письмо Малиновского, о Стефане Сурожском, – справки, выписки и письма Строева, Калайдовича, Газе, Круга и Григоровича. Почти в каждом из этих разысканий большей частью встречаются заметки и выписки, писанные собственною рукою Румянцева, но всего чаще встречается почерк Григоровича, Строева, Калайдовича, Круга и других ближайших сотрудников графа.

5) Материалы для истории постепенного образования книжных и рукописных коллекций Румянцева музея. Сюда входят старые каталоги и описи разных отделов Румянцева библиотеки, описи и реестры книг и рукописей, приобретенных графом от разных лиц и в разных местах, подробные описания отдельных рукописей и редких книг, – сделанные Григоровичем, Калайдовичем, Кругом, Строевым и друг., каталоги и описи посторонних библиотек и архивов, книгопродавецские счета и письма разных русских и иностранных корреспондентов графа по этой части, расписки разных ученых в получении из библиотеки графа Румянцева книг для временного пользования, и т.п.

2) Рукописи на иностранных языках.

Собрание рукописей на иностранных языках состоит из 293 №№. Оно подразделяется на 4 отделения, из них в 1-м, рукописи, относящиеся к русской истории и преимущественно к сношениям России с иностранными державами (134 №№), во 2-м, рукописи, относящиеся к истории общеевропейской (53 №№), в 3-м, рукописи, относящиеся к другим областям знания (64 №№), наконец, в 4-м, рукописи восточные (42 №№).

Выше замечено было, что в отдел славяно-русских рукописей Румянцева собрания вошло очень много новейших копий, сделанных по поручению собирателя в разных книгохранилищах. Тем в большей мере это замечание имеет значение в отношении к коллекции

рукописей иностранных. Самый важный из 4-х вышеупомянутых отделов без сомнения 1-й и отчасти 2-й, относящийся к истории средневековой Европы, между тем он состоит почти исключительно из копий. Чтобы объяснить это, необходимо заметить, что приобретение подлинных рукописей даже на славянском языке, в особенности редких и драгоценных, более или менее, есть дело случайности. Тем труднее приобретение подлинных рукописей иностранных и в особенности по той программе и по тому плану, какие принял для себя граф Румянцев. Как известно, между другими его планами и предположениями было собрать и издать в свет все известия иностранных писателей и все иностранные акты, относящиеся к истории России, какие существуют в европейских библиотеках и архивах. И так естественно, что при невозможности иметь у себя самые подлинники этих актов, собиратель желал приобрести с них по крайней мере копии. С этою целью граф Румянцев еще около 1813 года послал за границу К. Шульца (Сын Отечества 1814 года, № 36), который списал для него множество важных исторических памятников в Кенигсбергском архиве, а потом в 20-х годах послал в Италию Шtrandмана, который сделал для него также очень много выписок из библиотек и архивов итальянских. В Париже занимался собиранием исторических материалов для графа Румянцева бывший с ним в переписке известный ученый Газе и ориенталист Сент-Мартен. В других важнейших городах Европы делаемы были выписки по просьбе графа под наблюдением русских посланников или его корреспондентов. Таким образом просвещенный собиратель успел совместить в своем собрании множество чрезвычайно важных исторических материалов почти из всех важнейших библиотек Европы. В 1-м и 2-м отделении рассматриваемого собрания находится множество материалов, относящихся к русской истории, выписанных из архивов: Кенигсбергского, Мекленбург-Шверинского, из архивов и библиотек итальянских, английских и проч.; также множество копий с актов, разных известий и выписок, присланных из Риги, Митавы, Стокгольма, Копенгагена, Гамбурга, Кельна, Любека и т.д. По содержанию своему, эти материалы главным образом касаются истории Ганзы, Литвы, Остзейского края, сношений России с иностранными державами и т.д.

Впрочем, не смотря на трудность приобретения подлинных исторических памятников по предназначенному собирателем плану, ему удалось приобрести несколько драгоценных материалов по рассматриваемому отделу и в подлинниках. Из них в особенности заслуживают быть упомянутыми следующие: а) пергаменная грамота князя Иоанна Освецимского о назначении в пользу жены своей 5000 марок, 1397 года, на латинском языке; б) пергаменная грамота короля Владислава князю Димитрию Семеновичу Друцкому на пожалованные ему села и угодья, 1427 года, также писанная на латинском языке; в) диплом на графское достоинство римской империи, данный Андрею Артамоновичу Матвееву, за подписью императора Карла VI, писанный на пергаменте, на латинском языке.

Из оригинальных рукописей 2-го отделения, которое, по плану собирателя, составляет как бы дополнение к 1-му, обращают на себя внимание следующие: а) флорентийская хроника, на итальянском языке, очень подробная (на 647 л. in fol.), писанная скорописью XVII века, доведена до 1589 г.; б) краткое описание островов Архипелага на итальянском языке, писано скорописью XV–XVI века; в) 28-мь гербов владений Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбургского; этот манускрипт содержит в себе 30-ть изображений гербов, рисованных на пергаменте и раскрашенных красками самых ярких цветов.

Гораздо больше оригинальных рукописей в 3-м отделении рассматриваемой коллекции. Замечательнейшие из них следующие: а) латинская библия, написанная на пергаменте, готическим письмом, с раскрашенными заглавными буквами, (в 1347 г. in fol.); б) сочинения Саллюстия, в двух экземплярах, оба писаны на пергаменте, вероятно в XV веке, красивым почерком, один готическим, другой скорописью; в) сатиры Ювенала и Персия, на пергаменте, XV века; г) история 1-й пунической войны, на французском языке, с красивыми миниатюрами, изображающими разные эпизоды войны, писаны на пергаменте скорописью, некоторые страницы украшены бордюрами, заглавные буквы раскрашены красками и золотом, перевод посвящен Карлу VII; д) латинский молитвенник с 16-ю отлично выполненными миниатюрами во всю страницу, писанный на пергаменте, в 4°, изящным готическим письмом, в XIV–XV веках с раскрашенными инициалами и бордюрами вокруг каждой страницы, состоящими из деревьев, цветов и плодов; е) автограф графа Цинцендорфа, основателя секты Гернгутеров.

4-й отдел рассматриваемого собрания, – рукописи восточные, – состоит главным образом из подлинников, хоть и не очень древних. Замечательнейшие из них были подробно описаны в *Bulletin Scientifique* Т. 1 № 20 академиком Френом.

3) Славянские старопечатные книги.

Румянцевская коллекция славянских старопечатных книг в том составе, в каком она перешла в Москву, как и коллекция славянских рукописей, по числу №№, очень невелика. Если выделить из этой коллекции книги, печатанные после Петра Великого, то в ней окажется всего 140 изданий, в 136 переплетах. Если даже присоединить сюда хранящиеся в отделении замечательнейшие издания XVIII века, каковы издания старообрядческих и иностранных типографий, а также издания гражданской печати петровской эпохи, хранящиеся в Румянцевском отделении печатных книг, то и в таком случае общая цифра №№, входящих в состав рассматриваемого отдела, не будет превышать 200. Но не смотря на свою малочисленность, Румянцевская коллекция славянских старопечатных книг очень замечательна по своему составу. Как и в выборе и приобретении рукописей, просвещенный собиратель здесь также следовал определенному плану. Он собирал преимущественно то, что важно для науки и составляет

для ее развития необходимое пособие, оставляя издания, важные лишь в библиографическом отношении, или имеющие значение только для истории славянского книгопечатания. Вот почему Румянцевское собрание старопечатных книг, также как и собрание славянских рукописей, имеет вид собрания систематического, совмеща в себе если не все, то, по крайней мере, большую часть того, что необходимо для ученых работ по истории древнерусской литературы. Но необходимо заметить, что вместе с тем в состав рассматриваемого собрания вошло очень много изданий редких и в библиографическом отношении, а иные экземпляры имеют значение уникалов. Не находя нужным исчислять замечательнейшие издания Румянцевской коллекции старопечатных книг, большею частью известных по печатным каталогам, считаю не излишним однако ж заметить, что такие издания, как библия доктора Скорины (Прага 1517–1519 гг.), Венецианский молитвослов 1547 года, Острожская библия 1581 года, Острожский сборник 1588 года, повседневные молитвы (Вильно) 1596 года, и другие издания, которые исчисляются на 1-й же странице Румянцевского каталога, составили бы гордость любой библиотеки. Остается пожалеть только, что Румянцевская коллекция старопечатных книг перешла в Москву далеко не вполне. Несколько редких изданий, входивших в состав этой коллекции, при переходе ее в казенное ведомство, были исключены еще в 1845 году (по предписанию г. министра народного просвещения от 4-го августа 1845 года); другие издания отчуждены были впоследствии, вероятно, незадолго до перехода Румянцевского музеума в Москву. По этому в Румянцевском собрании недостает даже первой книги, напечатанной в Москве, то есть, московского Апостола 1564, – издания, которому в московском общественном книгохранилище должно принадлежать первое место. Из других редких изданий против каталога недостает: Венецианских служебников 1519 и 1554 годов, московского Апостола 1597 года, служебника, напечатанного в Стрятине в 1604 году; московского Апостола 1606 года».

Отчет по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года. СПб., 1864. С. 15–31.

Литература

Бакасова А.В. «Ученые занятия» русского аристократа как способ самореализации (на примере графа Н.П. Румянцева) // *Вопр. естествознания и техники.* 1995. № 1.

Бумаги гр. Румянцевых // *Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1888.* СПб., 1891.

[*Викторов А.Е.* Обзор собрания Н.П. Румянцева] // *Отчет по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 г.* СПб., 1864.

Виноградов Л. Гомель: Его прошлое и настоящее. 1142–1900 г. М., 1900.

Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842.

Гарелин Н.Ф. Русское научное издательство в начале XIX века: (Румянцевская эпоха) // *Русская книга девятнадцатого века.* М., 1925.

Голубева О.Д. В.Ф. Одоевский // *Голубева О.Д., Гольдберг А.Л. В.И. Соболевский. В.Ф. Одоевский.* М., 1983.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина: Библиогр. указ. М., 1986. Ч. 1–2.

Гречанинова В.С. Румянцевская коллекция (Исторический экскурс) // *Книга: Исследования и материалы.* М., 1998. Сб. 75.

Жудро Ф.А., Сербов И.А., Довгялло Д.И. Город Гомель // *Записки Западного отдела Императорского Русского географического общества.* Вильна, 1911. Кн. 2.

Ивановский А.Д. Государственный канцлер граф Н.П. Румянецв. СПб., 1871.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В.И. Ленина за 100 лет, 1862–1962. М., 1962.

Кестнер К.И. Материалы для исторического описания Румянцевского Музеума. М., 1882.

Киселев Н.П. Каталог инкунабулов Московского публичного и Румянцевского Музеев. Вып. 1. Инкунабулы «Румянцевского Музеума». М., 1912.

Киштымаў А. Гомельскі маёнтак графа М.П. Румянцава: вопыт гаспадарання // *Беларускі гістарычны часопіс.* 1995. № 1.

Киштымов А.Л. Белорусские материалы фонда Румянцевых в Российской государственной библиотеке // *Беларускі археаграфічны штогоднік.* Мінск, 2002. Вып. 3.

Киштымов А.Л. Н.П. Румянцев и старообрядцы гомельского имения // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конф. 27–28 февраля 2003 г. Гомель, 2003.

Клевенский М.М. История библиотеки Московского публичного Румянцевского музея, 1862–1917 гг. М., 1953.

Ковригина С.И. Любил ли канцлер театр? К анализу книг из библиотеки Н.П. Румянцева // Румянцевские чтения. М., 1994. Ч. 1.

Козлов В.П. К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Записки отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1980. Вып. 41.

Козлов В.П. Колумбы российских древностей. 2-е изд., доп. М., 1985.

Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887–1888.

Кузьмич А.В. Из истории Лаврентьева монастыря // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конф. 27–28 февраля 2003 г. Гомель, 2003.

Кусов В.С. Имя Николая Петровича на картах Земли и его картографическое собрание // Записки Отдела рукописей / Рос. гос. б-ка. 2000. Вып. 51.

Лабынцев Ю.А. Михаил Бобровский – первый исследователь болгарского «Абагара» 1651 г. // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981.

Лабынцев Ю.А. Первая книга, напечатанная глаголицей, и ее исследователь Михаил Бобровский // Совет. славяноведение. 1983. № 4.

Лабынцев Ю. Ставшие ее частью: Коллекция русских библиофилов в главной книжной сокровищнице страны. М., 1990.

Лабынцев Ю.А. «На благое просвещение» // Кн. дело. 1994. № 3.

Лабынцев Ю.А. Завещано Отечеству: Коллекции графа Н.П. Румянцева и их судьба. М., 1994.

Лабынцев Ю.А. Наследие Н.П. Румянцева и задачи его изучения // Румянцевские чтения. М., 1994. Ч. 1.

Лабынцев Ю. На благое просвещение. Минск, 1999.

Лабынцев Ю.А. Н.П. Румянцев и изучение белорусско-литовского летописания и права: Деятельность профессора И. Даниловича // Н.П. Румянцев и славянская культура. М., 2000.

Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л. Гомельские старообрядцы и Н.П. Румянцев // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конф. 27–28 февраля 2003 г. Гомель, 2003.

Лосев В.И. Н.П. Румянцев в эпистолярном наследии Н.М. Карамзина // Румянцевские чтения 2003. М., 2003.

Майков Л.Н. Н.М. Карамзин у гр. Н.П. Румянцева в 1824 г. // Русская старина. 1890. Т. 9.

Майкова К.А. Архив Румянцевых // Записки отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1952. Вып. 14.

Марозаў В.Ф. Палац у Гомелі. Мінск, 1991.

Милюков П. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913. Т. 1.

Молчанов В.Ф. Русский благодетель и меценат Н.П. Румянцев // Румянцевские чтения. М., 1994. Ч. 1.

Молчанов В. Румянцевская эпоха // Пульс. 2003. № 2.

Морозов В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура. Минск, 1997.

Немировский Е.Л. Старопечатные издания кирилловского шрифта в собрании Н.П. Румянцева // Румянцевские чтения. М., 1994. Ч. 1.

Немировский Е.Л. Славянские старопечатные книги кирилловского шрифта в собрании Н.П. Румянцева // Н.П. Румянцев и славянская культура. М., 2000.

Нікалаеў М.В. Метадычныя рэкамендацыі І.І. Грыгаровіча па апісанні беларускіх рукапісных кніг // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2002. Вып. 3.

Николай Петрович Румянцев: Жизнь и деятельность (1754–1826). Биобиблиографический указатель. М., 2001.

Путеводитель по Государственному Румянцевскому музею. М., 1923. Вып. 1.

Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве, 1862–1912. М., 1913. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Указатель. М., 1983. Т. 1. Вып. 1.

Румянцев С.П. Автобиография (1755–1786) // Русский архив. 1869. Т. 12. Румянцевский музей в культурной жизни России. М., 2003.

Сараскина Л. Граф Н.П. Румянцев и его время // Пульс. 2003. № 2.

Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып. 1.

Седова Р.А. Жития русских святых по спискам, сделанным для Н.П. Румянцева в 1815–1818 годах // Румянцевские чтения. М., 1994. Ч. 1.

Собрания графа Николая Петровича Румянцева. М., 1913.

Соловьева Т.А. Румянцевский особняк на Английской набережной. СПб., 1996.

Соловьева Т.А. К причалам Английской набережной. СПб., 1998.

Старчевский А. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории // Журн. Мин-ва. нар. просвещения. 1846. № 1.

Стасов В.В. Собрание сочинений, 1847–1886. СПб., 1894. Т. 3.

Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 2.

Толкачева (Шавинская) Л.Л. Гомельский протоиерей Иоанн Григорович и начало белорусской археографии // 1000-годзе Полацкай епархіі і Праваслаўнай Царквы на Беларусі. Мінск, 1992.

Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.

Чечулин Н.Д. Из переписки канцлера графа Н.П. Румянцева. СПб., 1893.

Шавинская Л.Л. Гомельский протоиерей Иоанн Григорович – деятельный сотрудник «Румянцевского кружка» // Румянцевские чтения. М., 1994. Ч. 1.

Шавинская Л.Л. Гомельский протоиерей Иоанн Григорович и начало белорусской археографии // Н.П. Румянцев на белорусской земле. Минск, 1997.

Шавинская Л.Л. Н.П. Румянцев и начало белорусоведческих исследований: Деятельность профессора М.К. Бобровского // Н.П. Румянцев и славянская культура. М., 2000.

Языков Д.Д. Князь Владимир Федорович Одоевский: (Его жизнь и деятельность): Ист.-лит. очерк. М., 1903.

Esquisse biographique de s.e. monsieur le comte Nicolas Romanzoff chancelier de l'Empire de Russie. Paris, 1811.

Saunders D. Nikolai Petrovich Rumiantsev and the Russian Discovery of Belarus // Occasional Papers in Belarusian Studies. London, 1995. № 1.

Список иллюстраций

Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев.....	5
Граф Александр Иванович Румянцев – дед Н.П. Румянцева.....	12
Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский – отец Н.П. Румянцева.....	16
Родовой герб графов Румянцевых	20
Пашков дом в Москве (конец XVIII в.).....	24
Протоиерей Иоанн Григорович	28
Первая страница реестра грамот, описанных о. Иоанном Григоровичем в архивах Могилевщины по поручению Н.П. Румянцева (вторая половина 1810-х гг.)	32
Последняя страница реестра рукописных и старопечатных книг, хранившихся в монастырских библиотеках Белоруссии, составленная о. Иоанном Григоровичем (вторая половина 1810-х гг.).....	38
«Доктора Полоцкого Франциска Скорины переводы и издания» – реестр собрания Н.П. Румянцева (середина 1810-х гг.).....	42
Копия листа Супрасльской рукописи XI в., снятая рукой о. Михаила Бобровского	48
Заглавный лист пергаменного «Добрилова евангелия» 1164 г. из собрания Н.П. Румянцева.....	52
Фрагмент листа пергаменного Евангелия конца XII – начала XIII в. из собрания Н.П. Румянцева.....	56
Заглавный лист пергаменного «Холмского евангелия» конца XIII в. из собрания Н.П. Румянцева.....	62
Рукописный Пролог 1590 г. из собрания Н.П. Румянцева	66
Заглавный лист рукописного Стоглава 1600 г. из собрания Н.П. Румянцева	70
Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева «Книги Судей», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1519)	74
Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева в трех экземплярах «Книги Даниила Пророка», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1517).....	80
Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева в трех экземплярах «Книги Иудифь», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1519)	84

Страница имевшейся в собрании Н.П. Румянцева в двух экземплярах «Книги Эсфирь», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1519)	90
Заглавный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева «Книги Плач Иеремии», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1519)	94
Страница имевшейся в собрании Н.П. Румянцева в двух экземплярах «Книги Притчи Соломона», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1517)	102
Страница имевшейся в собрании Н.П. Румянцева «Книги Иова», переведенной и изданной Ф. Скориной (Прага, 1517)	106
Заглавный лист «повести» Ивана Федорова «откуда начася и како свершися друкарня сия», помещенной в имевшемся в собрании Н.П. Румянцева «Апостоле» (Львов, 1574).....	110
Типографский знак Ивана Федорова с надписью «Иоанн Федорович друкарь москвитин», напечатанный в имевшемся в собрании Н.П. Румянцева «Апостоле» (Львов, 1574)	114
Титульный лист имевшейся в собрании Н.П. Румянцева «Острожской библии», напечатанной Иваном Федоровым (Острог, 1581)	118
Заглавный лист «Молитв на всю седмицу» св. Кирилла Туровского, помещенных в имевшемся в собрании Н.П. Румянцева экземпляре «Молитв повседневных» (Вильно, 1596)	122
Титульный лист книги «Древняя Российская история» М.В. Ломоносова (СПб., 1766), имевшейся в собрании Н.П. Румянцева	126
Титульный лист первой части книги «Библиотека Российская историческая» (СПб., 1767), имевшейся в собрании Н.П. Румянцева	130
Титульный лист первой части книги первой «Истории Российской» В.Н. Татищева (М., 1768), имевшейся в собрании Н.П. Румянцева.....	134
Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве» (М., 1800), имевшегося в собрании Н.П. Румянцева	140
Страница реестра книг кирилловской печати, имевшихся в собрании Н.П. Румянцева (конец 1810-х гг.)	144
Первая страница «Описи Российским Книгам», имевшимся у Н.П. Румянцева (1814).....	148
Заглавный лист инкунабула «Contumes de Normandie» (S. I., s.t.) из собрания Н.П. Румянцева	156
Страница палеотипа «Psalterium» (Nürnberg, 1525) из собрания Н.П. Румянцева)	162
Гравюра, изображающая короля Сигизмунда III, из польскоязычного издания «Statut Wielkiego Xięstwa Litewskiego» (Wilno, 1610-е гг.), имевшегося в собрании Н.П. Румянцева.....	168
Титульный лист книги «Иоанн эксарх Болгарский» К.Ф. Калайдовича (М., 1824), изданной на средства Н.П. Румянцева	172
Здание Румянцевского музеума на Английской набережной в Санкт-Петербурге	182
Алексей Егорович Викторов – первый хранитель отделения рукописей и славянских старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музеев.....	190
Румянцевский зал в Пашковом доме (1870-е гг.).....	196

Содержание

Меценат науки	7
Дом на Ваганьковском холме	10
Оазис древней книжности	31
Сокровищница редкостей	60
Судьба Румянцевского музеума.....	83
Храм Книги	97
Приложения. Составитель Л.Л. Щавинская	99
I. Документальные материалы о жизни и научной деятельности Н.П. Румянцева и его ближайших сподвижников	101
Фрагменты рукописного каталога книг, изданных в XVI– XVIII вв., из библиотеки Н.П. Румянцева	101
<i>о. Иоанн Григорович.</i> «Содержание грамот писанных на рус- ском, польском и латинском языках, кои отысканы... в Могилевских архивах...»	104
<i>о. Иоанн Григорович.</i> «Содержание грамот писанных на польском и латинском языках, кои отысканы в Могилевских архивах по препоручению Государственного канцлера...»	124
<i>о. Иоанн Григорович.</i> «Список рукописных и старопечат- ных книг в библиотеках монастырских...»	133
<i>о. Иоанн Григорович.</i> Надгробное слово при погребении тела государственного канцлера графа Н.П. Румянцева.....	137
II. Документальные материалы о переводе Румянцевского музеума из Санкт-Петербурга в Москву и создании единого Московского Публичного музеума и Румянцевского музеума....	142
Из «Отчета по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года»	142

Высочайше утвержденное положение Комитета Министров о переводе Румянцевского Музеума из Санкт-Петербурга в Москву	150
Высочайше утвержденное положение о Московском Публичном музее и Румянцевском музее	154
<i>Записки В.В. Стасова. Румянцовский музей. История его перевода из Петербурга в Москву в 1860–1861 годах</i>	159
Из обзора А.Е. Викторова рукописных, архивных и книжных собраний Н.П. Румянцева, перевезенных в Москву	189
Литература	201
Список иллюстраций	204

Научное издание

Лабынцев Юрий Андреевич

Книжное наследие Н.П. Румянцева

Художник В.Ю. Яковлев

Корректор Е.В. Игошина

Компьютерная верстка Е.В. Мельниковой

Подписано к печати 10.03.2004

Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отг. 13,5. Уч.-изд.л. 12,4

Тираж 500 экз. Тип. зак. 9806

Издательство «Наука»

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Автор этой книги Юрий Андреевич Лабынцев — историк, культуролог, литературовед, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Среди 500 его публикаций, осуществленных в разных странах, около 50 книг и брошюр, в том числе посвященных книжным собраниям государственного канцлера Н.П. Румянцева: «Ставшие её частью: Коллекции русских библиофилов в главной книжной сокровищнице страны» (М., 1990), «Завещано Отечеству: Коллекции графа Н.П. Румянцева и их судьба» (М., 1994), «На благое просвещение» (Минск, 1999).

Составитель документальных приложений к этой книге Лариса Леонидовна Шавинская — историк, культуролог, специалист в области использования компьютерных технологий в гуманитарных исследованиях; кандидат филологических наук; старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Она автор более 150 публикаций в разных странах, среди которых 20 книг и брошюр. Ряд её работ посвящен жизни и деятельности Н.П. Румянцева и его сподвижников.

ISBN 5-02-033233-X

9 785020 332331

НАУКА

inslav